

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи



Гезельбаш Нилуфар

Нарушение связности текста в политических блогах

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Китанина Элла Анатольевна

Москва — 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4-10
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ	11-139
ГЛАВА 1. Теоретические основы исследования текста	
политического блога	11-61
1.1. Исследование текста в современной лингвистике	11-34
1.1.1. Понятие текста, его признаки и категории	11-28
1.1.2. Текст и дискурс, история их изучения в лингвистике	28-34
1.2. Дискурс политической блогосферы как объект изучения	34-53
1.2.1. Понятие политического блог-дискурса	34-41
1.2.2. Текст политического блога: виды, жанры, особенности	41-47
1.2.3. История изучения политического блог-дискурса	47-53
1.3. Антропоцентрический подход в лингвистике текста	53-58
Выводы по содержанию главы 1	58-60
ГЛАВА 2. Виды нарушений связности в текстах	
политических блогов	61-98
2.1. Намеренные / ненамеренные нарушения связности в тексте	
политического блог-дискурса	61-80
2.2. Нарушения лексической связности в текстах	
политических блогов	80-86
2.3. Нарушения прагматической связности в текстах	
политических блогов	86-92
2.4. Зависимость категории связности текста от особенностей	
языковой личности блогера	93-95
Выводы по содержанию главы 2	95-98
ГЛАВА 3. Нарушения связности текста в политических блогах	
в сопоставительном аспекте	99-138
3.1. Категория связности и её нарушение в текстах политических	
блогов разных лет	99-105

3.2. Категория связности и её нарушение в политических блогах разных видов и жанров	105-112
3.3. Соблюдение и нарушение связности в текстах политических блогов: сопоставление, прагматический эффект	112-125
3.4. Лексическая связность и пространство текста блог-дискурса	125-130
3.5. Дейктические средства связности в пространстве текста политического блог-дискурса	130-136
Выводы по содержанию главы 3	136-138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	139-144
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	145-177
ПРИЛОЖЕНИЕ	178-193

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий момент потенциал политической коммуникации значительно увеличился за счёт тех возможностей, которые предоставляет политическим деятелям интернет. Современные политики активно взаимодействуют с избирателями, политическими оппонентами и другими коммуникантами как в рамках социальных сетей, так и в пространстве нового явления — блога. Политический блог как веб-сайт, на который политик может регулярно добавлять записи в виде текста, изображений, видео, ссылок, позволяет политику организовывать непосредственное общение с людьми, рассказывать им о политических событиях, представлять собственное мнение об этих событиях, полемизировать, дискутировать, оценивать и т. д. Блоги сегодня рассматриваются как мощное средство продвижения политических взглядов, так как именно в интернете пользователи имеют возможность дискутировать в реальном времени по поводу любых социальных событий опубликованных законопроектов и политических материалов. Можно говорить о «перетекании» политики в новое информационное измерение, в связи с чем появляется объективная необходимость создания конкурентноспособного политического блога [Гезельбаш 2020: 138].

Важнейшей составляющей политического блога является текст, который в пространстве блога одновременно сохраняет свои основные качества и трансформируется, начиная своеобразно представлять политический дискурс. Формируется особый политический блог-дискурс, существующий одновременно как процесс интернет-коммуникации и её результат, как уникальная коммуникативная среда, способная подстраиваться под коммуникантов, создавать для них удобную модель взаимоотношений, в которой сочетаются публичное и сокровенное, общественное и личное.

Актуальность исследования обусловлена наличием следующих факторов:

Во-первых, анализ текстов политического блога даёт представление о том, как язык политики реализуется в рамках интернет-коммуникации, в частности, в блогосфере.

Во-вторых, семантические и прагматические средства и линии связи делают текст политического блога собственно текстом и помогают политику эффективнее воздействовать на адресата, формировать оценку предложенных реалий, влиять посредством манипуляции сознанием на политический выбор.

В-третьих, всё более значимым становится изучение нарушений связности текста как языкового инструмента, моделирующего жанры, образные системы, способы аргументации.

Объектом исследования стал текст современного российского политического блога.

Предметом исследования — семантические и прагматические нарушения связности в текстах политических блогов.

Научная гипотеза заключается в следующем: существуют различные типы нарушения связности, которые могут быть установлены с помощью специальных методов лингвистического анализа.

Степень научной разработанности темы. Проблеме анализа текста посвящены исследования многих лингвистов: М.М. Бахтина, И.Р. Гальперина, Ю.М. Лотмана, Г.Я. Солганика и др. Вопрос о текстообразующем потенциале связности как категории текста затрагивали О.М. Вербицкая, М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан и др. Свойства текста в виртуальном пространстве изучаются рядом исследователей: Н.Г. Асмус, Е.А. Тулинцевой, О.Ю. Усачевой, Н.С. Цыбиковой, А.А. Шмаковым, в том числе с точки зрения связности текста — М.Л. Аваковой, А.Д. Мустапаевой и др. Л.В. Бабитова, Л.В. Балахонская, Е.И. Горшкова, И.А. Кудряшов, К.А. Панкратова, Ю.Е. Ющенко анализируют лингвистические и социокультурные характеристики блога как разновидности и способа реализации текста на современном этапе его развития. Т.В. Бойченко, К.К. Кирчевский, Е.В. Смирнова выявляют способы влияния гендерной составляющей на текст блога. Л.Г. Антонова, А.В. Болотнов, Т.М. Гермашева,

А.А. Калашникова проводят анализ языковой личности автора текста блога. Связность как характеристику текста блога рассматривают И.В. Ковтуненко, О.Ю. Гукосьянц и другие исследователи.

Существенный вклад в изучение политического текста и дискурса внесли труды А.Г. Алтуняна, Р. Водак, А. Дорлигийн, Ж.В. Зигманн, А.Ш. Калашаовой, С.Н. Плотниковой, Л.Н. Синельниковой, Ю.А. Сорокина, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал. При этом затрагивались и вопросы связности текста политического дискурса такими исследователями, как О.Б. Найок, К.В. Никитина, Е.А. Суховалова. Определённое влияние на решение проблемы нарушений связности текста оказали труды таких ученых, как О.В. Блинова, В.И. Карасик, О.В. Кравченко и др.

Основная цель данной работы — охарактеризовать семантические и прагматические нарушения связности в текстах политических блогов на русском языке.

В соответствии с указанной целью в диссертации решаются следующие **задачи**:

1. Определить признаки связности как категории текста.
2. Установить характеристики современной российской политической блогосферы.
3. Провести описание способов нарушения семантической и прагматической связности, встречающихся в современном российском политическом блоге.
4. Выявить семантические и прагматические средства выражения связности в политических блогах.
5. Описать языковые способы выражения нарушений связности в современном российском политическом блоге.

Материалом исследования стали тексты политических блогов на русском языке ведущих российских политиков, общественных деятелей и политических аналитиков (авторы-блогеры — А. Бабченко, Д. Быков, Б. Вишневский, А. Галлямов, С. Генералов, А. Горный, П. Грудинин, Г. Гудков, А. Дубнов,

М. Захарова, А. Златкин, Г. Зюганов, А. Илларионов, О. Матвейчев, А. Минкин, Д. Митина, В. Наганов, С. Никитский, А. Носик, К. Орлова, К. Ремчуков, Б. Рожин, А. Рощин, К. Собчак, Ф. Тумусов, Л. Шевцова, В. Шкляр, Л. Шлосберг, Г. Явлинский).

В целом исследовано 2756 высказываний из 29-ти политических блогов.

Методы, использованные для достижения цели диссертации и решения поставленных задач:

1. Описательный метод, применяемый для наблюдения за функционированием средств связности текста в политическом блог-дискурсе.

2. Метод сопоставительного анализа, который позволяет сравнить особенности связности в текстах политических блогов на русском языке разных временных периодов (диахронное сопоставление), разных жанров и разной степени структурной связности (синхронное сопоставление).

3. Методы анализа и синтеза связности текста, основанные на концепции связности текста М.А.К. Хэллидея и Р. Хасан.

4. Системно-структурный метод анализа связности текста политического блог-дискурса.

5. Метод функционального анализа при выявлении роли в текстах политического блог-дискурса тех или иных языковых средств.

6. Метод количественного анализа, применяемый для обработки результатов лингвистического исследования нарушений связности в текстах политических блогов.

Методологическую базу (теоретическую основу) исследования составили труды в области коммуникативного синтаксиса (М.В. Всеволодова, Г.А. Золотова, С.Г. Ильенко, О.А. Крылова, И.П. Распопов, Е.А. Реферовская и др.), лингвистики и теории текста (Н.С. Валгина, В.С. Григорьева, Л.И. Зильберман, З.Я. Тураева, В.Е. Чернявская и др.), категории связности как важнейшей категории текста (М.А. Ананьина, А.Ю. Арутюнова, Е.Н. Бобрикова, А.А. Борисов, С.Ю. Бочавер, Л.С. Великоредчанина, М.А. Величко, М.С. Володина, Д.В. Гонтарев, Н.В. Деваева, Ф.У. Жаббарова, Е.А. Загаринский,

Н.В. Зайцева, Г.М. Засеева, Н.В. Кормилина, В.Н. Корнев, И.С. Курьянова, Т.В. Милевская, О.А. Орлова, и др.), антропоцентрического подхода к языку (Л.Г. Антонова, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Г.И. Богин, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.В. Виноградов, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, Ю.Н. Караулов, Д.С. Лихачёв, В.А. Маслова, К.Ф. Седов, В.Н. Телия, В.И. Тхорик и др.), теории дискурса (М.И. Барсукова, В.Г. Борботько, Б.М. Гаспаров, Т.А. ван Дейк, А.В. Зиньковская, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, И.В. Палашевская, П. Серио и др.) и т. п.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нём впервые предпринимается попытка интерпретировать категорию связности применительно к тексту политического блога, а также выявить различные виды нарушений данных категорий — семантическую и прагматическую. В исследовании доказываемся факт влияния нарушений связности текста на сознание адресата политического блога, на его восприятие информации, представленной в политическом тексте.

Теоретическая значимость работы определена развитием и новыми подходами к исследованию политического блога и категории связности применительно к нему. Полученные результаты способствуют пониманию новых процессов, способов и механизмов при восприятии, интерпретации, оценки блоговых текстов на русском языке.

Практическая значимость связана с возможностью применения материалов работы в процессе дальнейшего исследования политического блога и нарушений категории связности текста, а основные положения диссертационного исследования могут быть использованы в курсах лингвистики текста, стилистики, политической риторики, теории текста и дискурса.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Нарушения связности текста представляют собой смысловой разрыв в изложении фактов и комментариев к ним, приводящий к искажению воспринимаемой информации.

2. Нарушения связности в тексте политического блога распадаются на

следующие типы: по семантическому признаку (отсутствие средств лексического повтора, трансформация коллокации); по прагматическому типу (дистанционное расположение компонентов текста, отсутствие имён и других характеристик, отсутствие формальной связи между заголовком статьи и её текстом).

3. Семантические показатели нарушения связности текста в блоге являются следующими: а) нарушение логики изложения материала, б) нарушение причинно-следственных связей между высказываниями, в) нарушения указательных соответствий в тексте, г) включение релевантных сведений в текст блога.

4. Нарушения прагматической связности в тексте блога являются следующими: намеренные либо ненамеренные замены темы, б) необоснованная либо необъяснимая оценка в комментарии, в) порочный круг (круговое рассуждение) в аргументации.

5. Нарушения связности могут отражать особенности языковой личности автора политического блога, могут быть связаны с его индивидуальными, личностными языковыми особенностями с его сложившимся языковым образом, воспринимаемым адресатами как неотъемлемая часть передаваемых им политических воззрений.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается опорой на принятые современными учёными положения, а также объёмом проанализированного материала.

Достоверность теоретических и практических результатов исследования подтверждается опорой на предыдущие лингвистические исследования, корректный анализ которых проведён с учётом требований научной этики; большим количеством проанализированного лингвистического материала; представленным в тексте диссертации анализом текста политических блогов, снабжённым доказательствами выдвинутых положений, а также апробацией результатов исследований на научно-практических конференциях.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на научных и научно-

практических конференциях: на Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы и современные тенденции развития социально-экономических наук в XXI веке: взгляд молодых ученых» (Москва, 2019); на Международной научно-практической конференции молодых ученых «Язык. Коммуникация. Культура» (Москва, 2019); на Международной научно-практической конференции в рамках международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур «XIX Кирилло-мефодиевские чтения» (Москва, 2019); на Международной студенческой научно-практической конференции «В мире русского языка и русской культуры» (Москва, 2020); на Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXI Кирилло-Мефодиевские чтения», (Москва, 2020); на Международной научно-практической конференции «Гуманитарные технологии в современном мире» (Калининград, 2020); на Международном конгрессе по когнитивной лингвистике «Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследований» (Екатеринбург, 2020).

Основные положения и результаты исследования изложены в 10 публикациях, 4 из которых — в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертационного исследования обусловлена поставленной целью, выделенными в рамках цели задачами, спецификой языкового материала и представлением о логике изложения. Текст исследования состоит из введения, трёх глав, заключения, списка сокращений, списка использованной литературы и приложения. Общий объём диссертации – 193 страницы, список литературы насчитывает 311 наименований.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА 1. Теоретические основы исследования текста политического блога

1.1. Исследование текста в современной лингвистике

1.1.1. Понятие текста, его признаки и категории

В современной лингвистике текст является одним из актуальнейших объектов для исследования, поскольку язык реализуется в тексте, именно здесь все языковые единицы получают своё окончательное оформление в семантическом, структурном и эмоциональном планах.

Существуют различные определения текста, многообразие которых обусловлено сложностью и многоаспектностью самого предмета описания — текста, а также возможностью различного его понимания разными исследователями, разрабатывающими оригинальные научные концепции.

В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой определение текста дано максимально кратко; текст характеризуется здесь как «произведение речи, зафиксированное на письме» [Ахманова 1969: 470]. В словаре-справочнике Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой текст — это «произведение речи (высказывание), воспроизведённое на письме или в печати» [Розенталь 1985: 355]. Данные определения отражают узкий подход к анализируемому, согласно которому тексты могут быть исключительно письменными.

Такого взгляда на текст придерживаются многие исследователи. Так, И.Р. Гальперин отмечает, что текст как результат сознательной обработки языкового выражения должен быть лишён спонтанности [Гальперин 2006: 15], поэтому привязан к письменной форме, характеризуемой подготовленностью и продуманностью. Представление об обязательной письменной фиксации текста отразилось и в толковых словарях. Например, в словаре С.И. Ожегова текст — это «всякая записанная речь (литературное произведение, сочинение, документ,

а также часть, отрывок из них)» [Ожегов 1999: 791]. Здесь, кстати, есть и лингвистическое, специальное определение текста, в котором мы снова видим упоминание о его письменном характере, хотя здесь уже делается оговорка насчёт возможности его устного звучания: «В лингвистике: внутренне организованная последовательность отрезков письменного произведения или записанной либо звучащей речи, относительно законченной по своему содержанию и строению» [Там же].

В современных терминологических словарях более распространённым является отнесение к тексту при его определении и устных, и письменных высказываний. В словаре Т.В. Жеребило текст определяется как «словесное, устное или письменное произведение, представляющее собой единство некоторого более или менее завершённого содержания (смысла) и речи, формирующей и выражающей это содержание» [Жеребило 2016: 488]. Согласно определению Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина, текст — это «результат говорения или письма, продукт речевой деятельности» [Азимов 2009: 303]. Как видим, в современной лингвистике устанавливается равенство между устными и письменными текстами, признаётся право устного речевого произведения быть квалифицированным как текст.

Для понимания текста важно установить его категориальные свойства, и это проявляется в том, что в различных дефинициях текста эти категории нередко указываются. В большом энциклопедическом словаре «Языкознание» текст определяется как «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Николаева 1998: 507]. В данном определении мы видим указание на две основные тестовые категории — связность и цельность.

В стилистическом энциклопедическом словаре русского языка под редакцией М.Н. Кожинной текст — это «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность, целостность, завершённость и др.» [Баженова 2011: 528]. Видим здесь указание на ещё одну категорию текста — завершённость. В другом

исследовании М.Н. Кожина добавляет, что текст обладает относительной завершённостью [Кожина 1994: 44]. Мысль об относительной завершённости (законченности) текста мы видели и в определении С.И. Ожегова [Ожегов 1999: 791].

Для исследователей, которые придерживаются лингвокультурологического подхода к языку, несомненна исключительная важность текста как культурного феномена. М.Н. Кожина отмечает, что его культурный смысл текста может «выходить за сумму значений составляющих его языковых единиц» [Там же: 59], за рамки лингвистики, «перерастать в нечто большее и более сложное» [Там же]. Лингвокультурные представления о тексте требуют понимания того, что смысл текста нельзя свести к сумме значений составляющих его компонентов. Текст осложняется индивидуальными интенциями и экстралингвистическими знаниями автора и реципиента. В этом и заключается качественное отличие текста от других языковых единиц [Баженова 2011: 530].

Когнитивные представления о тексте подразумевают передачу с его помощью индивидуальных смыслов, зависящих от автора текста и его адресата [Пластинина 2016: 116]. Мыслительные процессы автора, его когниции — под когницией мы понимаем познавательный процесс — служат созданию текста, а мыслительные процессы адресата — его пониманию, дешифровке.

Коммуникативное понимание текста видим в его определении, данном Г.Я. Солгаником. Исследователь считает наиболее важным то, что «мы общаемся посредством текстов» [Солганик 2005: 7], и определяет текст как «сложную, иерархически организованную многоплановую структуру, представляющую собой речевое произведение, характеризующееся целостностью, связностью и завершенностью» [Там же: 16]. Как видим, в данном определении также указан ряд текстовых категорий.

Коммуникативность выступает как важнейшее свойство текста и в определении З.Я. Тураевой, которая понимает текст как «некое упорядоченное множество предложений, объединенных различными типами лексической, логической и грамматической связи, способное передавать определенным

образом организованную и направленную информацию» [Тураева 1986: 11]. Функция передачи информации, отмеченная в этом определении, и есть коммуникативная функция. Исследователь считает, что текст существует для того, чтобы обслуживать общение, существует для человека и формируется как результат его коммуникативных интенций.

Коммуникативное понимание текста получило распространение в связи с развитием коммуникативного синтаксиса. В основу трактовки синтаксиса как коммуникативного явления положено представление о том, что каждая коммуникативная единица языка, будь то предложение или текст, создаётся говорящим с целью организовать коммуникацию с собеседником, передать ему какую-то актуальную информацию, воздействовать на него. В результате синтаксические единицы формируют коммуникативное пространство и обладают коммуникативной функцией, а основной целью лингвиста становится «изучение особенностей функционирования языковых механизмов в сфере порождения речевого высказывания» [Егорова 2014: 116].

В российском языкознании коммуникативный синтаксис разрабатывали и продолжают разрабатывать М.В. Всеволодова [Всеволодова 2000], Г.А. Золотова [Золотова 1982], С.Г. Ильенко [Ильенко 2009], О.А. Крылова [Крылова 2009], Н.А. Пузов [Пузов 2021], И.П. Распопов [Распопов 2012] (первое издание — 1970 г.), Е.А. Реферовская [Реферовская 1989] и др. В аспекте коммуникативного синтаксиса анализируются категория падежа [Шушарина 2000], вставные конструкции [Старовойтова 2000], парцеллированные конструкции [Грипас 2019], присоединительные конструкции [Семенова 2016] и другие явления языка и текста.

Г.А. Золотова соотносит коммуникативное понимание синтаксиса с сущностным антропоцентризмом языка, с его направленностью на удовлетворение коммуникативных нужд человека; по мнению автора, картина мира «отражается в языке и, находя в каждом языке соответствующие формы выражения, становится содержанием коммуникации» [Золотова 1982: 5], причём в первую очередь находит отражение в синтаксических формах и категориях.

Язык выступает как орудие человека, существует как порождение человеческого мышления, направленное на репрезентацию коммуниканту мыслей и чувств, трансляцию ему своей культуры, вовлечение его в коммуникативное взаимодействие.

Основное внимание лингвистов, изучающих коммуникативный синтаксис, направлено как предложение как единицу синтаксиса. И.П. Распопов характеризует предложение как «единицу коммуникации со свойственным ей и формально сигнализируемым сообщительным смыслом» [Распопов 2012: 31]. С.Г. Ильенко отмечает, что в структуре предложения существует целый «арсенал средств, которые, принадлежа к области синтаксиса, нацелены на увеличение эффективности самого коммуникативного процесса» [Ильенко 2009: 13] и относит к таким средствам актуальное членение, типы предложений по цели высказывания, категорию лица и т. п. В свете коммуникативного синтаксиса одним из важнейших учений становится учение об актуальном членении предложения, выделении в нём темы и ремы [Крылова 2009: 7-8].

В то же время именно текст выступает как завершённая синтаксическая единица, в которой в наибольшей степени реализуется коммуникативность. Г.А. Золотова выявляет «предпосылки для последовательного перехода от синтаксиса предложения к синтаксису текста, от системы в статике к системе в речевой динамике» [Золотова 1982: 361]. С.Г. Ильенко называет «изучение текстообразовательных потенций синтаксических единиц» среди перспективных направлений коммуникативного синтаксиса [Ильенко 2009: 20]. Е.А. Реферовская считает изучение коммуникативного (актуального) членения текста одной из важнейших задач лингвистики [Реферовская 1989: 4]. В тексте единицы синтаксиса обретают своё завершённое оформление, а значит, — коммуникативность.

Н.А. Пузов выделяет две концепции коммуникативного синтаксиса, получившие распространение в современной российской синтаксической науке. Первая из них разработана И.П. Распоповым и ориентирована на анализ целей высказывания, модальности и коммуникативной перспективы [Пузов 2021: 15],

вторая — Г.А. Золотовой и предполагает анализ коммуникативных регистров речи и коммуникативных характеристик предложения и текста [Там же]. Как видим, для лингвистов, разрабатывающих коммуникативный синтаксис, важным является изучение предложения, и текста как коммуникативных единиц речи.

Коммуникативный синтаксис и вопросы связности текста в целом тесно «соседствуют». Во-первых, различные синтаксические единицы в полной мере реализуют свои характерные черты в тексте, поскольку «именно через текст, во всей полноте и сложности, проявляются системные особенности и специфические черты исследуемых конструкций» [Петрова 2011: 147]. Текст становится тем полем, на котором языковая единица получает конкретное значение, служа при этом инструментом построения текста и формирования его связности. Во-вторых (и это вытекает из первого), различные синтаксические средства могут выступать в речи коммуникативными маркерами связности. Например, вводные слова, которые «устанавливают большую или меньшую степень значимости того или иного признака, снижают категоричность высказывания, оптимизируют речевое общение, структурируют текст, придают ему упорядоченность, оформляют ход мысли и рассуждения в хронологическом порядке» [Ефремова 2020: 162]; пассивные конструкции, служащие «для передачи очень разной актуальной, информационной структуры предложения и текста» [Клюшина 2011: 91] и др.

С точки зрения семиотики текст — это «осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации <...>, в языкознании — последовательность вербальных (словесных) знаков» [Николаева 1998: 507]. Для семиотики важны обе стороны знаков, получивших воплощение в тексте, — и план содержания, и план выражения, а также явные и скрытые смыслы, транслируемые с помощью этих знаков.

При рассмотрении понятия текст важно также отметить и такое его свойство, как способность вступать во взаимодействие с другими текстами. Так, если изначально текст рассматривался как четко ограниченное речевое образование с выраженной монологичностью и замкнутостью, то в XX веке эти

черты традиционного письменного текста подверглись критике. Например, в работах М.М. Бахтина была рассмотрена возможность анализа письменного текста как открытого явления, находящегося в диалогических отношениях с другими текстами, перекликающегося с ними и отвечающего им [Бахтин 1986: 10]. Такое понимание текста можно назвать лингвopsихологическим: текст мыслится не как существующий в отрыве от других текстов, а как находящийся с ними в диалоге, в какой-то мере продолжающий все тексты, созданные в языке ранее. В определённой степени такое понимание текста соотносится также с представлением о «тексте в тексте» Ю.М. Лотмана [Лотман 1999: 73].

Рассмотрев различные определения текста, мы сконструировали на их основе определение, которое станет базовым для данного исследования: **Текст** — организованная по форме и содержанию совокупность речевых и языковых единиц, которые характеризуются в едином смысловом пространстве цельностью, законченностью, коммуникативной мотивированностью и целесообразностью, а также возможностью вступления в диалог с другими текстами.

Понятие **связности текста** в отечественной лингвистике традиционно — это следующие термины: *целостность*, *связность* или *сцепление*, *межфразовая связь*. Среди российских ученых большое внимание данной проблеме уделил И.Р. Гальперин. В его понимании **когезия** — виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность, взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр. [Гальперин 2006]. Исследователь указывает на текстообразующую роль когезии и классифицирует ее виды, выделяя дистантную, образную, ассоциативную (подтекстовую), композиционно-структурную, стилистическую и ритмикообразующую когезию.

В языкознании во второй половине XX века сформировались отдельные направления, ориентированные на изучение текста, — **лингвистика текста** и **теория текста**. Их разработчики [Валгина 2003; Зильберман 1988; Тураева 1986; Чернявская 2013 и др.] считают, что интенсивное изучение текста необходимо в связи с поворотом лингвистики от статики к коммуникации, от языка к речи, от

обособленного от человека изучения языка к изучению антропоцентрическому. Повышение интереса к тексту и формирование для его исследования отдельной научной дисциплины — закономерные следствия всей логики развития лингвистической науки на всём протяжении её истории. З.Я. Тураева определяет лингвистику текста как «науку о сущности и организации предпосылок и условий человеческой коммуникации» [Тураева 1986: 5].

Н.С. Валгина в своём учебном пособии по теории текста определяет текст как «динамическую единицу высшего порядка» [Валгина 2003: 3] и говорит о необходимости его разноаспектного изучения и обращения внимания не только на вопросы текстопорождения, но и на вопросы текстовосприятия. Для текста характерны, по её мнению, прагматическая установка, функциональные качества, коммуникативность, при этом важно, что «текст оказывается одновременно и результатом деятельности (автора) и материалом для деятельности (читателя-интерпретатора)» [Там же: 4].

В.Е. Чернявская заявляет о существовании как самостоятельных лингвистических дисциплин не только лингвистики текста, но и лингвистики дискурса и рассматривает эти две науки в сопоставлении [Чернявская 2013]. Исследователь поднимает вопрос о связности как критерии текстуальности и отмечает, что в «когнитивно-дискурсивной парадигме» критерии текстуальности меняются [Там же: 16].

По известному определению В.И. Карасика, который, на наш взгляд, широко охарактеризовал проблемы современного подхода к изучению теории текста и дискурса, «...Для лингвистики текста (в отличие от стилистики текста) существенным является вопрос о тексте как процессе, и здесь структурная модель описания текста как самодостаточного герметичного образования становится недостаточной, возникает необходимость учета обстоятельств общения и характеристик коммуникантов, т.е. требуется переход к коммуникативной модели представления текста. Такой переход осуществляется в следующих направлениях: 1) осваиваются результаты исследований, так или иначе связанных с целым текстом, в прагма-, психо- и социолингвистике,

риторике, литературоведении, когнитологии, 2) концептуально и терминологически противопоставляются текст, погруженный в ситуацию реального общения, т.е. дискурс, и текст вне такой ситуации, 3) на первый план выходят вопросы, связанные с порождением и пониманием текста, с диалогической природой общения, 4) исследуются не идеальные, правильно построенные тексты, а текстовые стратегии в их разнообразных реализациях» [Карасик 1998]. Именно текстовые стратегии наиболее ярко представлены в российской политической блогосфере. Более того, по словам И.В. Ковтуненко, «понимание социальной, лингвокультурной и психологической предопределенности субъективного характера компьютерно-опосредованной коммуникации выявляет исследовательскую действенность таких феноменов, как сетевая реальность, виртуальный диалог и конструирование личностной идентичности». Интересно, что когнициии адресатов блога рассматриваются И.В. Ковтуненко как координированная деятельность, результаты которой обнаруживаются не в сознании отдельного пользователя, а в виртуальном пространстве между сознаниями двух или нескольких пользователей [Ковтуненко 2021].

Как показал обзор определений текста, для его понимания необходимо рассмотреть основные признаки и категории текста, многие из которых в тех или иных соотношениях даны в определениях.

Основные категории, или категориальные признаки текста выявлены и описаны И.Р. Гальпериним: связность, цельность, информативность, членимость, интеграция, ретроспекция, концептуальность и завершенность [Гальперин 2006]. Саму категорию исследователь определяет как «понятие, получившее свое научно осознанное выражение» [Там же: 13] и обосновывает важность рассмотрения категорий применительно к тексту тем, что необходимо «найти категориальные признаки, отличающие его от других единиц языка» [Там же: 20].

Категория информативности предполагает передачу в тексте законченной информации, причём от вида этой информации зависят формы информативности

— «повествование, рассуждение, описание (обстановки, ситуации, действия, природы, личности) и т. д.» [Там же: 22]. Не вся информация в тексте, по мнению И.Р. Гальперина, выражается вербально, выделяются также концептуальная и скрытая информация, или подтекст [Там же: 27]. Концептуальность как важнейшая категория текста «в известной степени соотносится с идеей произведения» [Там же: 38], с теми мыслями, явными и скрытыми, которые стремился передать посредством текста его автор.

Категория интеграции проявляется в наличии различных типов подчинённости одних компонентов текста другим, например, «в формах подчинения одних частей текста другим, <...> в стилистических приемах» и т. п. [Там же]. Категория ретроспекции / проспекции предполагает последовательность компонентов текста, наличие в тексте уже сказанного и планируемого, что может выражаться «как композиционными, так и лексическими средствами» [Там же].

Членимость как категория текста — это «функция общего композиционного плана произведения» [Там же: 50], для каждого текста вычленимые из него (и/или соединяемые в нём) компоненты будут различными: для романа это части, для частей — главы и т. д. Одновременно текст членится на описания природы, диалоги, несобственно-прямую речь и т. п. Кроме того, членимость зависит от замысла автора и определяется его художественными установками [Там же: 54].

В перечень категорий текста, сформированный И.Р. Гальпериным, внесли уточнения многие исследователи: Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин [Бабенко 2005], Т.М. Дридзе [Дридзе 1984], Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2001] и др., причём их варианты текстовых категорий находятся в прямой зависимости от научных концепций, которые разрабатывают данные исследователи.

Т.М. Дридзе рассматривала текст в связи с психологией человека, с представлениями о его деятельности и восприятии им текста. В её исследованиях текст — это коммуникативная реальность, поэтому среди категорий текста для неё значима коммуникативность. Т.М. Дридзе считала, что текст зависит от

«коммуникативных намерений автора», определяющих и содержание текста, и «речевые поступки» автора [Дридзе 1984: 67], а, кроме того, выделяла и рассматривала такие текстовые категории, как завершённость [Там же: 88] и информативность как «специфический элемент потока смысловой информации, обладающего внутренне замкнутой (целостной) содержательно-смысловой структурой» [Там же: 83].

Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин выделяют такие категории текста, как целостность (или цельность), связность, завершённость, абсолютная антропоцентричность, социологичность, диалогичность, развернутость и последовательность, статичность и динамичность, напряжённость, эстетичность, образность, интерпретируемость [Бабенко 2005: 41-44]. Как видим, новые категории в данном перечне связаны с расширением взглядов на текст, появлением новых аспектов понимания языка и текста — социолингвистического, антропоцентрического, коммуникативного и др.

Е.С. Кубрякова разрабатывает категории текста, опираясь на положения когнитивной лингвистики, поэтому ею выделяются такие категории, как информационная самодостаточность текста, адресатность — «ориентация на определённый круг людей» [Кубрякова 2001: 74], целенаправленность, интенциональность — создание текста «для реализации какого-либо замысла» [Там же: 75], информативность, протяжённость и др. Благодаря данным категориям, текст побуждает адресата к когнитивной деятельности — «творческому процессу его понимания, его восприятия, его интерпретации, его додумывания» [Там же: 81].

Несложно заметить, что перечень категорий текста постоянно пополняется.

Основной категорией текста, которую тем или иным способом выделяют все исследователи, является **связность**.

Связность — одно из важнейших качеств, характерных и для всего текста, и для отдельного слова. Опираясь на исследования В.В. Виноградова, Ю.Д. Апресян отмечает, что любая единица языка предстаёт перед нами, на этом

языке говорящими, «как целый мир, во всех тонкостях ее внутреннего устройства, во всем богатстве ее внешних связей, ведущих в систему языка, в синтагматический контекст, в ситуацию общения, а затем в филологию, литературу, историю, культуру, в лингвистическую традицию ее изучения» [Апресян 1995: 156].

В словаре лингвистических терминов и понятий Т.В. Жеребило связность текста определяется как «основной признак текста, заключающийся в межзнаковом взаимодействии, основанном на связи элементов текста, определяющем целостность речевого сообщения и обусловленном авторским замыслом и особенностями языковой системы, стоящей за текстом» [Жеребило 2016: 394]. Здесь же выделены основные средства связности, в том числе лексические, фонетические, морфологические, синтаксические, стилистические.

И.Р. Гальперин рассматривает связность как когезию (внутритекстовые связи). По мнению исследователя, когезия текста вытекает из его членимости, поскольку «части, на которые дробится текст, объединяются, сохраняя единство, цельность произведения» [Гальперин 2006: 73]. И.Р. Гальперин определяет когезию как «особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую последовательность, (темпоральную и / или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [Там же: 74].

С понятием когезии связано понятие когерентности. Ряд исследователей считают данные понятия синонимическими [Зайцева 2008], однако мы считаем необходимым рассмотреть их в сопоставлении и выявить отличия между ними. Данные отличия с опорой на исследования разных авторов представлены нами в таблице 1.1.

Таблица 1.1 — Соотношение когезии и когерентности

Когезия	Когерентность
«Свойство элементов текста» [Милевская 2003: 13], реализуется на его отдельных участках	«Свойство текста в целом» [Там же]
Горизонтальная связь [Казаченко 2009: 89], синтагматический уровень	Вертикальная связь, «снизу вверх», от элементов текста к понимаю смысла [Там же]
«Локальная связность» [Николина 2003: 34]	«Глобальная связность» [Там же]
Выражается формально — спектром различных языковых средств	Может как иметь формальное, проявление, так и не иметь
Обеспечивает «связность линейного типа» [Там же], линейную трансляцию информации	Обеспечивает «связность «нелинейного типа», выражаемую «элементами разных уровней текста» [Там же]
Организует части текста с тем, чтобы текст начал выглядеть связно, как семантическое целое; «внутритекстовые связи» [Величко 2016: 40]	Организует части текста таким образом, чтобы авторская интенция становилась ясной, чтобы стал понятен посыл автора [Там же]
Внутренняя («структурная» [Бобрикова 2008: 8]) связность	Внешняя (прагматическая, «содержательная» [Там же]) связность
Вторична [Величко 2016: 41]	Первична [Там же]
Представляет собой отношения между «двумя или более элементами текста [Хэллидей 1079: 109], относящимися к одному или разным уровням языка	«Шире когезии»: охватывает не только структурную, но и семантико-прагматическую функциональность, тематическую, смысловую, деятельностьную связность,

Когезия	Когерентность
	<p>понятийно-смысловую цельность, логико-семантическую цельность [Макаров 1998: 195]</p>
<p>«Объективное свойство текста», [Суховалова 2010: 45]</p>	<p>«Категория субъективная и зависит от адресата» [Там же]</p>

Разграничивая категории когезии и когерентности, не нужно упускать из виду, что данные категории во многом едины и служат связности текста, вместе обеспечивая его целостность и, как её следствие, достижение автором в тексте его интенций, выполнения текстом его прагматической роли.

Категория связности текста рассматривается многими современными исследователями. А.Ю. Арутюнова соотносит её с диалогичностью текста [Арутюнова 2007]. Лингвисты концентрируют внимание на различных средствах связности в разных типах текста. М.С. Володина выявляет средства формальной и смысловой связности в диалогическом тексте [Володина 2015], В.Н. Корнев — средства локальной и глобальной связности публицистического текста [Корнев 2010], Н.В. Сазонова — средства реализации категории связности в математическом тексте [Сазонова 2008], Е.Н. Бобрикова — средства связности текста в литературе «потока сознания» [Бобрикова 2008]. Предметом исследования становится также связность в научно-популярном тексте [Жаббарова 2015], драматическом тексте [Бочавер 2012] и других видах текста, а также отдельные средства связности — лексико-семантические [Засеева 2002], грамматические [Шпар 2004], словообразовательные [Плесканюк 2014], стилистические [Гонтарев 2011] и др.

Исследования ведутся и в отношении когезии и когерентности как проявлений связности текста. Работа С.А. Соловьевой посвящена синтаксическим средствам организации когезии текста [Соловьева 1997]. И.С. Курьянова выявляет сопряженность категории когезии с категорией информативности [Курьянова 1991]. Ю.Ю. Худяева считает, что степень когезии

отдельных элементов в общей структуре текста может быть различной [Худяева 2001]. Категория когезии анализируется на материале разных типов текста — научно-педагогической публицистики [Павленко 2016], научно-технического текста [Загаринский 2014], текстов газетных и журнальных статей [Зайцева 2015] и др.

Лингвистами рассматриваются отдельные средства связности — антонимы [Зайцева 2008], аллюзивные антропонимы [Ананьина 2014], фразеологизмы [Великоредчанина 2015], серийные местоимения [Саланина 2016], словообразовательные средства [Орлова 2002], первый компонент высказывания [Деваева 2005], частицы [Савельева 2018], повторы [Стренадюк 2014] и др.

Вопросы о нарушении связности текста затрагиваются исследователями нечасто, при этом ими отмечается, что нарушения могут быть как ненамеренными (спонтанными), так и намеренными. О.В. Блинова анализирует ненамеренные нарушения — деформацию средств выражения грамматической связности как следствие воспроизводимости текста [Блинова 2010]. Спонтанные нарушения прагматической связности в диалоге становятся предметом анализа Н.В. Кормиловой [Кормилова 2014].

В.И. Карасик рассматривает применительно к поэтическому тексту «намеренное нарушение его семантической и структурной связности как способ повышения его экспрессивности и уплотнения ассоциативных смыслов» [Карасик 2013: 5]. О.В. Кравченко также обращается к намеренным нарушениям и выявляет, что «нарушение формальной связности синтаксических конструкций» является способом создания автором лингвистического абсурда [Кравченко 2009: 141].

Различные нарушения связности текста нередко бывают обусловлены желанием автора сделать какую-то часть информации имплицитной. Как отмечает Ш. Балли, «значение неартикулируемых приемов выражения возрастает прямо пропорционально имплицитному характеру предложения» [Балли 1955: 53]. Можно распространить это утверждение и на нарушения связности, при которых значение того элемента, который нарушает связность,

становится приёмом трансляции некой имплицитной информации, выявить, понять которую стремится адресат текста.

При анализе связности текста мы считаем важным опираться на концепцию текста М.А.К. Хэллидея и Р. Хасан, по мнению которых связность не акцентирует то, что сообщает текст, но показывает, как в тексте организуется семантическое целое [Halliday 1976: 29]. Связность имеет большое значение, являясь текстообразующей категорией. О.М. Вербицкая отмечает текстообразующий потенциал связности в структурно-смысловой организации текста [Вербицкая 2001].

Лингвистами выделяются различные виды связности. Лексическую связность рассматривает М.А. Величко [Величко 2011], прагматическую — Р.Н. Жаворонкова и З.В. Маньковская [Жаворонкова 2007]. А.А. Борисов анализирует коммуникативно-прагматическую связность художественного текста и отмечает, что в качестве «коммуникативно-прагматической скрепы-коннектора» в данном виде текста могут выступать описания природы [Борисов 2009: 4], которые эксплицируют при этом в тексте когерентные отношения [Там же: 5].

В настоящий момент текст претерпевает изменения в связи с распространением интернет-коммуникации. Свойства текста в виртуальном пространстве изучаются рядом исследователей [Асмус 2005; Тулинцева 2010; Усачева 2013; Цыбикова 2011; Шмаков 2014], в том числе с точки зрения связности текста [Авакова 2020; Мустапаева 2012].

Н.Г. Асмус считает, что в интернете формируется «особое коммуникативное пространство, определяющее цели, способ и среду общения, и в свою очередь, определяемое ими» [Асмус 2005: 7], при этом выбор языковых средств во многом устанавливается карнавализацией, а коммуниканты чаще всего используют «речевые маски» [Там же]. Е.А. Тулинцева отмечает распространение в интернете текстов-примитивов, упрощенность построения которых проявляется «на морфологическом, словообразовательном, синтаксическом, лексическом и словообразовательном уровнях» [Тулинцева

2010: 6]. Н.С. Цыбикова обращает внимание на оценочность как категорию интернет-текста и связывает её с важностью для автора текста оказать воздействие на реципиента, при этом «авторская эмотивно-отрицательная оценка обычно является имплицитной» [Цыбикова 2011: 5].

О.Ю. Усачева выявляет в интернет-языке «совмещение и сложное взаимодействие различных функциональных подсистем» [Усачева 2013: 9] и заявляет, что выражение «язык Интернета» в связи с этим не имеет смысла [Там же]. Интересно замечание исследователя о том, что текст в интернете — это всегда диалог, но при этом либо реплицирующий, либо монологизирующий [Там же: 10].

А.А. Шмаков анализирует особую разновидность интернет-текста — текст с обращением. По его мнению, бытие таких текстов определяется установкой коммуникантов «на неформальное общение, которая на текстовом уровне отражается в использовании формул обращений с характеризующей функцией» [Шмаков 2014: 6].

М.Л. Авакова и Л.Р. Сардалова анализируют лексические средства реализации связности в юридическом интернет-дискурсе, выделяя среди них в качестве главных «лексические повторы, дискурсивные маркеры и коллокации» [Авакова 2020: 144]. По мнению исследователей, данные средства способствуют «структурной связности и облегчению процессов интерпретации текстов юридической направленности» [Там же]. А.Д. Мустапаева рассматривает целостность и связность жанра интернет-сообщения и выявляет, что «в их структурировании используются коды различных семиотических систем, таких как естественный язык и изображение» [Мустапаева 2012: 128], а в обеспечении данных признаков текста важными средствами связности выступают креолизованные элементы.

Чтобы анализировать текст и средства связности в нём, мы считаем необходимым разграничить понятия текста и дискурса.

1.1.2. Текст и дискурс, история их изучения в лингвистике

Текст и дискурс выступают как схожие и в то же время неодинаковые понятия, поэтому их необходимо разграничивать.

Термин «дискурс» в современной лингвистике впервые появился во второй половине XX века в работах представителей французской школы, при этом «и теория дискурса, и сам термин “дискурс” восходят к античной риторике» [Козырева 2017: 431]. Различные подходы к дискурсу представлены в трудах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1998б], Т.А. ван Дейка [Дейк 2000], Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2000], М.Л. Макарова [Макаров 2003], П. Серию [Серио 2002], Е.И. Шейгал [Шейгал 2004] и других исследователей. Понимание языка как деятельности вообще является очень важным для языкознания. В частности, его активно разрабатывал Л.В. Щерба, отмечавший важность активности и для говорящего, и для воспринимающего информацию [Щерба 2004: 24-25]. Л.В. Щерба отмечал, что «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [Там же: 26] на языке лингвистов принято называть «текстом», однако необходимо новое понятие, и таким понятием вскоре стал «дискурс».

Распространено восприятие дискурса как речи, общения, разговорной практики. Е.С. Кубрякова отмечает, что именно в этом значении термин «дискурс» употреблялся в англоязычной литературе сразу после его появления [Кубрякова 2000: 6].

В коммуникативном ключе, как последовательность связанных между собой речевых актов, понимает дискурс Т.А. ван Дейк [Дейк 2000: 35]. Между данными речевыми актами могут быть отношения подчинения, «доминирования» [Там же: 36], в целом же речевые акты передают «релевантную прагматическую информацию» [Там же]. Исследователь уделяет большое внимание вопросам связности дискурса, отмечая, что связность осуществляется как на локальном, так и на глобальном уровнях, и в тексте, и в дискурсе.

С коммуникативных позиций дискурс понимается как использование языка, как язык в конкретной коммуникативной ситуации, и только в таком виде, а не в виде изолированных предложений язык может изучаться [Кубрякова 2000: б]. Таким образом, через понятия дискурса создавалась «формула изучения языка в действии» [Там же: 7]. Дискурс в связи с этим должен быть подвергнут «междисциплинарному изучению» [Там же: 8], то есть рассматриваться не только с позиций лингвистики, но и с точки зрения психологии, социологии, культурологии, антропологии, философии и других наук.

Дискурс с этой точки зрения понимается как коммуникативное взаимодействие участников общения или как совокупность вербальных и невербальных составляющих. В прагмалингвистике на первый план выходят ситуативные характеристики общения и прежде всего характеристики участников общения.

Понятие дискурса стало востребованным в науке с появлением в ней антропоцентрической направленности [Макаров 2003: 11], с формированием представления о том, что язык неотделим от человека и его деятельности, а, значит, и изучаться должен тоже в деятельности, в тесной связи с мышлением человека. П. Серио называет дискурс «ментальным миром», подразумевая, что в нём происходит «особое использование языка», необходимое «для выражения особой ментальности» [Серио 2002: 338].

Дискурсу в различных источниках даются совершенно разные трактовки. При этом исследователи иногда стараются максимально развести понятия дискурса и текста. К примеру, В.Е. Чернявская определяет дискурс как «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Чернявская 2011: 54], то есть вообще характеризует дискурс как «событие».

Е.И. Шейгал даёт характеристику дискурса как семиотического пространства, включающего «вербальные и невербальные знаки» [Шейгал 2004:

21], «представление о типичных моделях речевого поведения» [Там же] и другие составляющие деятельностного характера.

Нам представляется наиболее соответствующим направлению нашего исследования определение, данное Н.Д. Арутюновой. Согласно ему дискурс — это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова 1998а: 137].

Таким образом, текст и дискурс, являясь «смежными понятиями» [Карамова 2013: 19], противопоставлены по ряду критериев, представленных нами в таблице 1.2.

Таблица 1.2. — Отличительные признаки текста и дискурса

Текст	Дискурс
Результативность, «продукт речепроизводства» [Шейгал 2004: 19]	Процессуальность, связь «с реальным речепроизводством» [Там же]
Статичность, существование в законченной форме, невозможность изменения	Динамичность, изменчивость, «событийный аспект» [Арутюнова 1998а: 137]
Виртуальность, абстрактность	Актуальность, «текущая речевая деятельность» [Дымарский 1998: 19]
Завершённость	Незавершённость
Отделение от ситуации общения	Ситуативная обусловленность, существование в ситуации общения. Дискурс — функционирующий в контекстах ситуации и культуры текст [Halliday 1985]
Существование в пространстве языка	Существование в лингвистическом и экстралингвистическом пространстве

Более узкое понятие, текст «существует в системе дискурса» [Чернявская 2013: 12]	Более широкое понятие, включает текст и другие элементы (экстралингвистические)
Совокупность вербальных составляющих	Совокупность вербальных и невербальных составляющих, хотя отобразить последние «не удаётся почти никогда» [Макаров 2003: 7]
Что сказано [Там же: 17]	«Кто это сказал, кому, как, о чём, с какой целью» [Там же]
Только текст, без контекста	«Единство и взаимодействие текста и контекста» [Cook 1992: 1], причём именно контекст определяет значение произносимых высказываний [Барт 2008: 430]; существование в «социокультурном контексте» [ССТ: 61]

При этом текст и дискурс тесно связаны, дискурс формируется на основе текста, включает его в своё пространство. И категория связности в тексте и в дискурсе действует сходным образом.

Существуют различные точки зрения на дискурс, различные подходы к его анализу: социолингвистический [Карасик 2014; Негрышев 2013; Halliday 1978], коммуникативный [Борботько 2014] и др.

Социолингвисты считают, что дискурс неотделим от социальной сферы, развивается в ней. При этом выделяются персональный и институциональный виды дискурса. Персональный — это дискурс отдельной личности, существующий в ситуациях общения; институциональный проявляется в том, что каждый говорящий — «представитель определенного социального института» [Карасик 2014: 6], существующий «в заданных рамках статусно-ролевых отношений» [Там же: 17]. М.А.К. Хэллидей также отмечает, что дискурс

связан с ситуацией [Halliday 1978: 27] и должен изучаться с позиций социально-функционального подхода [Там же: 36].

Один из институциональных дискурсов — политический, и его институциональность заключается в определённом составе ситуаций общения, характерных для политической жизни, а также в наличии у коммуникантов определённых интенций и применяемых для их достижения речевых стратегий [Agar 1985: 164].

В языкознании сформировалась отдельная наука — теория дискурса. Её разработкой занимаются М.Л. Макаров [Макаров 2003], А.А. Негрышев [Негрышев 2003], А.В. Олянич [Олянич 2004] и другие исследователи. М.Л. Макаров называет ситуацию, сложившуюся в науке с появлением в ней понятия дискурса, «дискурсивным переворотом» [Макаров 2003: 24], в условиях которого изменяются цели лингвистики, строится новая научная парадигма. А.А. Негрышев среди проблем дискурс-анализа называет проблему текстообразующих единиц, проблему экстралингвистической коммуникативной мотивированности текста, проблему построения дискурсивной типологии текста и др. [Негрышев 2003]. А.В. Олянич строит презентационную теорию дискурса, называя одной из основных для дискурса функций презентационную, для реализации которой служит «совокупность концептов и образов с различным воздействием потенциалом» [Олянич 2004: 11].

Связность понимается как важнейшее свойство дискурса, его «структурная и содержательная категория» [Милевская 2003: 4]. Только благодаря связности «участники коммуникации могут сформировать определенную реакцию на содержащуюся в дискурсе информацию» [Кадыр 2016: 93]. Связность в дискурсе может быть локальной (когезия) и глобальной (когерентность) [Макаров 2003: 143].

Мы считаем, что концепция М.А.К. Хэллидея и Р. Хасан вполне применима к анализу связности в дискурсе. Исследователи выделяют основные механизмы (средства когезии), в том числе:

– указательная, личная и сравнительная референция;

- субституция (замена слов);
- эллипсис (пропуск слов);
- конъюнкция (использование связок-коннекторов);
- лексическая когезия (повтор слов, использование лексических эквивалентов, родовых наименований, коллокаций, ко- и кроссreferенций, анафор и прономинализации) [Halliday 1976: 31-324].

Данные средства связности могут быть рассмотрены и в тексте, и в дискурсе. Подход к когезии М.А.К. Хэллидея и Р. Хасан является востребованным в современной науке, поскольку взгляд на дискурс в соответствии с ним основан на связности (coherence-based), а в ходе практического исследования текста «большое внимание уделяется средствам связи в дискурсе» [Мурашковская 2014: 53].

В течение последнего десятилетия появился ряд важных научных работ, посвящённых анализу дискурса. Исследователями отмечаются отличия, которые могут наблюдаться в дискурсе людей разного возраста. Л.А. Назарова рассматривает подростковый дискурс и выявляет, что динамическое состояние языкового сознания подростка «отражается в формирующей дискурс речевой практике» [Назарова 2012: 5]. В сферу внимания исследователей попадают всё новые виды дискурса. М.В. Ундрицова анализирует глоттонический дискурс — дискурс кулинарных текстов и общения в гастрономической сфере, отмечает его полижанровость и зависимость от национальной картины мира говорящего [Ундрицова 2015: 6].

Исследователями выделяются и анализируются различные институциональные типы дискурса, связанные с социальной деятельностью человека, использованием им языка в различных ситуациях. А.В. Зиньковская рассматривает драматургический дискурс, называя его «диалогическим дискурсом в его комбинированной конфигурации», имеющим интегрированный характер [Зиньковская 2015: 8]. М.И. Барсукова анализирует медицинский дискурс, применяемый в «профессиональном речевом общении врачей», его стратегии и тактики [Барсукова 2007: 3]. И.В. Палашевская обращает внимание

на судебный дискурс, его регулятивный характер, аксиологические основания и т. п. [Палашевская 2012] и т. п. Вопросы связности дискурса поднимаются исследователями достаточно редко.

В числе других видов институционального дискурса рассматривается и политический дискурс, реализуемый в сфере политического общения.

1.2. Дискурс политической блогосферы как объект изучения

1.2.1. Понятие политического блог-дискурса

Изучение современного политического текста без применения к нему понятия дискурса является невозможным. А.П. Чудинов отмечает: «Важнейший постулат современной политической лингвистики — дискурсивный подход к изучению политических текстов» [Чудинов 2003: 12]. Существование политического дискурса для всех исследователей является несомненным, отличаются только подходы и направления в его анализе.

Политический дискурс рассматривается многими исследователями. А. Дорлигийн проводит лексико-семантический анализ политического дискурса [Дорлигийн 1999], Е.И. Шейгал подвергает исследованию семиотику политического дискурса [Шейгал 2004], Ж.В. Зигманн анализирует речевые жанры и речевые стратегии современного политического дискурса [Зигманн 2003], А.Ш. Калашаова выявляет в политическом дискурсе аспекты социального воздействия [Калашаова 2006], М.А. Фокина обращает внимание на феномен прецедентности в российском политическом дискурсе [Фокина 2017].

Исследователи затрагивают вопрос о том, как именно должен изучаться политический дискурс. Ю.А. Сорокин отмечает, что политический дискурс не может быть рассмотрен и проанализирован без учёта его идеологической составляющей, которая выражается, как правило, имплицитно [Сорокин 1997: 57]. Л.Н. Синельникова считает, что политический дискурс обязательно является предметом междисциплинарных исследований, что определяется самой его прагматикой [Синельникова 2009: 41].

Д.В. Шапочкин проводит когнитивно-дискурсивный анализ политического дискурса, обращая внимание на способы выражения политическими деятелями толерантности, на эксплицитные и имплицитные речевые стратегии [Шапочкин 2005]. Т.М. Грушевская выделяет такую разновидность политического дискурса, как политический газетный дискурс, объединяющий информационную, аналитическую, регулятивную, оценочную и прогностическую функции [Грушевская 2002: 7]. С.Э. Кегеян рассматривает лингвориторические параметры политического дискурса, также выделяя его особую разновидность — большевистский дискурс и определяя его «как речемыслительный конструкт, в котором лингвистические единицы встроены в риторические структуры» [Кегеян 2009: 5].

Исследователей, конечно, интересуют те изменения, которые наблюдаются в политическом дискурсе на данном этапе его развития. П. Бэйли считает, что необходимо обратить внимание на изменение назначения политического дискурса в современных условиях, поскольку сегодня в нём на первый план выходит не передача адресатам информации, а внушение им определённых точек зрения, формирование у них оценки явления в нужном политическом ключе [Bailey 1985: 104]. И.А. Стернин отмечает, что «политический дискурс стал более диалогичным по форме и содержанию, <...> стал более полемичным, ироничным, раскованным» [Стернин 2004: 17], «стал более кратким по форме» [Там же: 18]. Э.А. Китанина и С.В. Былкова считают основным качеством политического текста оценочность, имеющую большой прагматический потенциал [Китанина 2017б].

В исследованиях последних лет ракурс внимания нередко перемещается на реализацию политического дискурса в сети интернет, поскольку именно в этой сфере его существования трансформации наиболее очевидны и значимы. Н.Б. Белугина и Л.В. Рязанова оценивают политический дискурс как коммуникативную практику виртуальной политической реальности [Белугина 2020]. О.Д. Пастухова заявляет, что политический медиадискурс выступает как полноценная разновидность политического дискурса [Пастухова 2019].

Текстуальная составляющая политического текста и дискурса и реализация в них категории связности становятся объектами исследования В.Н. Корнева [Корнев 2010], О.Б. Найок [Найок 2019], Е.А. Нахимовой [Нахимова 2014], Г.А. Политкиной [Политкина 2018], Е.А. Суховаловой [Суховалова 2010] и др.

Е.А. Суховалова считает, что средствами связи в политическом дискурсе выступают «логическая аргументация, грамматические формы связи, композиционно-структурные формы» [Суховалова 2010: 48]. В.Н. Корнев выявляет такие средства локальной и глобальной связности в тексте политического комментария, как повтор элементов, субституции, конъюнкции, эллипсис и др. (локальная связность), использование лексики одного тематического круга, «дистантный повтор синтаксических структур» и др. (глобальная связность) [Корнев 2010: 5]. О.Б. Найок рассматривает когерентность в общественно-политическом дискурсе и называет её средства: повтор информации с её дополнением, более экспрессивная подача уже обозначенной выше темы и др. [Найок 2019]. Появляются исследования, посвящённые какому-то одному лингвистическому средству, которое служит средством связности политического текста, например, прецедентным феноменам [Нахимова 2014], компаративным языковым механизмам [Политкина 2018] и др.

По мнению К.В. Никитиной, связность может стать значимой в контексте манипулятивного потенциала политического дискурса СМИ [Никитина 2017]. А.Г. Келейникова и И.Ю. Котляревская отмечают, что средства связности, например, повторы, могут быть в политическом тексте одновременно средствами связи и инструментами воздействия на реципиента [Келейникова 2016].

Политический дискурс представляет собой неоднородное явление, включающее несколько разновидностей, зависящих от места и формы использования политической коммуникации. Э.В. Будаев и А.П. Чудинов считают, что в структуре современного политического дискурса значимой разновидностью является «массмедийный (медийный) политический дискурс, в

рамках которого используются преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, Интернета» [Будаев 2008: 34].

В рамках анализа политического дискурса можно выделить анализ политической блогосферы, или политического блог-дискурса, который представляет собой ещё более частную разновидность уже в структуре медийного политического дискурса.

Слово «блог» восходит к английскому weblog (web-log), то есть сетевой журнал (дневник). В словаре иностранных слов блог определяется как «персональная веб-страница, где автор размещает дневник с комментариями, размышлениями по различным вопросам и большим количеством гиперссылок на другие ресурсы» [Егорова 2014: 100]. Дефиниции лингвистов схожи с данной в словаре иностранных слов. Ю.Р. Салихова характеризует блог как «веб-сайт, куда вы постоянно добавляете свежие записи» [Салихова 2011: 171]. Е.Г. Новикова — как «публичный, общедоступный, открытый, нелинейный, интерактивный, динамичный, полифоничный гипертекст, который создается при участии автора и активных читателей» [Новикова 2005: 6]. Л.В. Бабитова отмечает, что блог — это жанр, возникающий в результате смешения различных стилей и жанров, имеющий «гибридный характер в жанрово-стилевой интерпретации» [Бабитова 2013: 205].

По определению И.В. Ковтуненко, **блог** — это «частотно обновляемый совместный онлайн-дневник, в котором пользователи сети Интернет размещают записи о своем личностном опыте и интересах, как правило, в обратном хронологическом порядке. Текущие записи блогеров представляют собой дискурсивный континуум между монологом и диалогом, поскольку проецируются преимущественно на широкого пользователя сети Интернет» [Ковтуненко 2021: 43]. Для политического блога важен процесс диалогизации, идущий в рамках заданного дискурса.

Определения показывают, что особенностями блога являются постоянная обновляемость, наличие свежих материалов, размышления автора, гиперссылки,

связь с адресатами. Причём новые материалы располагаются наверху «ленты» блога, чтобы посетителям блога было удобно с ними знакомиться. Что касается характерной для блогов интерактивности, то, по замечанию М.А. Фокиной, «блогам политиков свойственна меньшая, по сравнению с другими блогами, интерактивность» [Фокина 2014: 187], причиной чего является некоторая консервативность политического блогера [Там же: 192].

Блог является «совместно конструируемым виртуальным текстом» [Ковтуненко 2018: 11], то есть адресаты блога могут оставлять под каждой записью свои комментарии, на которые блогер при желании может отвечать; на комментарии адресатов влияют высказывания блогеров, с которыми данные комментарии непосредственно связаны. Уникальность текста, помещаемого в блоге, — в сочетании «публичного и интимного» [Евсюкова 2015: 236], возможности для автора блога представить адресату свой комбинированный портрет: немного рассказать о личной жизни, о семье, о личных впечатлениях, о событиях прошедшего дня, сочетая эту информацию с обсуждением общественных и политических проблем.

Лингвистами рассматриваются лингвистические и социокультурные характеристики блога как разновидности и способа реализации текста на современном этапе его развития [Бабитова 2019; Горшкова 2013; Кудряшов 2015; Панкратова 2017; Ющенко 2018], способы влияния гендерной составляющей на текст блога [Бойченко 2013; Кирчевский 2017; Смирнова 2019] и другие вопросы.

Проводится исследование текста блога и с точки зрения его связности. И.В. Ковтуненко анализирует категорию связности в блоге в когнитивном и лингвокультурном аспектах, при этом концентрируя внимания на средствах связности между текстом публикации и текстами комментариев посетителей блога [Ковтуненко 2018]. О.Ю. Гукосьянц выявляет «более высокий уровень связности текста (в блогах и чатах)» как маркер мужской речи [Гукосьянц 2014: 95], отмечая при этом, что гендерные различия в текстах блогов стираются, становятся менее ярко выраженными [Там же: 100].

С понятием блога связано понятие блогосферы как «совокупности блогов, социальных сетей и иных ресурсов, рассматриваемых как единое целое» [Егорова 2014: 100]. По мнению Л.А. Шеховцевой, блогосфера представляет собой «наиболее динамично развивающийся сегмент сети Интернет в России» [Шеховцева 2012: 133]. Блогосфере свойственен творческий характер, в то же время И.Н. Загоруйко считает одним из основных языковых признаков блогосферы клишированность [Загоруйко 2013: 3].

В лингвистике изучается дискурс политической блогосферы, к функциям которого относят «осуществление интерактивного обсуждения политических событий в информационном пространстве» [Квятковский 2011: 70], осуществление «политической конкуренции» [Гришин 2014: 170], «замещение» и восполнение деятельности СМИ, которые в настоящий момент не всегда могут предоставить гражданам полную и точную информацию о событиях [Там же: 171], и т. д.

На пересечении понятий «блог» и «дискурс» сформировалось понятие «блог-дискурс».

Термин «блог-дискурс» встречается в работах ряда исследователей. Т.М. Гермашева в диссертационном исследовании анализирует языковую личность субъекта блог-дискурса [Гермашева 2011]. Л.В. Бабитова называет блог-дискурс особым видом виртуального дискурса и отмечает, что в нём «личность коммуниканта и язык, используемый им, приобретают новые характеристики в условиях виртуальной среды» [Бабитова 2019: 85].

Лингвисты анализируют языковые особенности блог-дискурса: структуру, классификации, тематическое содержание блогов, используемые блогерами коммуникативные стратегии и тактики [Горшкова 2013], репрезентацию здесь женских и мужских особенностей речи [Бойченко 2013], грамматические особенности текста блога [Панкратова 2017], языковые инновации блогеров [Ющенко 2018] и т. п.

Политический блог-дискурс является одной из разновидностей блог-дискурса. Нами сформулировано определение, ставшее базовым для данного

исследования: **Политический блог-дискурс** — совокупность речевых произведений, используемых в сфере политической коммуникации в формате блога, передающих политическую и связанную с нею экстралингвистическую информацию.

Политический блог может быть создан отдельным политиком, как правило, яркой личностью или политической партией, кроме того, его адресантом могут стать «общественно-политические движения, эксперты-политологи, журналисты и т. д.» [Чернышов 2012: 100].

Политический блог отличается от других блогов, представленных в интернет-пространстве. Н.Н. Коптяева и А.С. Юферева отмечают, что политический блог «является гибридным жанром, как результат слияния аналитических журналистских жанров и Интернет-жанров» [Коптяева 2017: 9-1], то есть обладает оригинальной жанровой природой. Будучи представленным в сети интернет и по форме являющийся блогом, политический блог наследует особенности блога: сочетание личного и общественного, стремление к самопрезентации, постоянную обновляемость, обратное хронологическое расположение материала, диалогичность (обсуждение материалов с адресатами) [Дускаева 2004: 3], «малозатратность» [Манжосова 2018: 180; Шеховцева 2012: 135] и др. В то же время политический блог включает особенности, характерные для политической коммуникации: использование публицистического стиля, меньшую степень диалогичности и интерактивности, общественную риторику и др.

Кроме того, политический блог обладает качествами медийного явления, наследуя такую особенность СМИ, как сочетание информативной и воздействующей функций. М.С. Халиуллина называет блоги «народной журналистикой», в противовес традиционной журналистике [Халиуллина 2017: 604]. Несомненно, политический блог — это новая самостоятельная жанровая форма, относящаяся одновременно к «медийному, политическому и Интернет-дискурсу» [Там же: 608]. На стыке этих особенностей формируется новое

жанровое образование с собственной системой видов и жанров текстов, с характерными языковыми особенностями.

1.2.2. Текст политического блога: виды, жанры, особенности

Тексты политических блогов весьма разнообразны с точки зрения своих видов, жанров, языковых и других особенностей.

В политическом блог-дискурсе можно выделить такие виды текстов, как фоновые тексты, в том числе текст-заставка (о себе), тексты в ленте, тексты автора и адресатов в комментариях.

Фоновые тексты блога — это достаточно стабильный контент (в них редко вносятся изменения). Текст-заставку с информацией об авторе блога можно назвать обязательным элементом политического блога. Этот вид текста присутствует и в блогах, ведущихся как отдельные сайты, и в блогах, расположенных на каких-то интернет-платформах (радио «Эхо Москвы», интернет-издание Газета.ru, «Твиттер» и т. п.).

Этот элемент блога является практически не изученным современными исследователями. Затрагивают особенности вводного текста лишь некоторые из них. Например, Е.В. Лукашевич отмечает, что в данном сегменте блогерского пространства политик отвечает на вопрос, зачем завёл блог, и стремится к информационной открытости [Лукашевич 2016: 144].

Наши наблюдения показывают, что в тексте о себе чаще всего содержится информация об образовании блогера и роде его занятий, его достижениях. Текст о себе вариативен, причём, поскольку создаётся самим блогером, то варианты зависят от того, каким именно автор блога хочет показать себя адресатам (от выбранной им «маски»), от того, насколько для автора важно получить их одобрение, понравиться им. Например, в блоге Г. Бовта мы видим только информацию о годе рождения, образовании, научной деятельности, местах работы автора [Георгий Бовт 2021]. Тональность текста строгая, безэмоциональная. В блоге Б. Вишневого информация максимально краткая, указаны только род занятий и город проживания [Борис Вишневский 2021].

Тексты, публикуемые в ленте блога, называются постами (от англ. *post* – ‘размещать, публиковать’). Определение поста находим в актуальном онлайн-словаре: «Пост — статья в блоге или отдельное сообщение в форуме» [Словарь ИТ]. Данная разновидность интернет-текста более всего схожа со статьёй, кроме того, синонимом слова «пост» выступает слово «публикация». А.В. Куковская выделяет четыре разновидности постов в англоязычных блогах: «пост-реакция, пост-тирада, аналитический мета-пост, пост-“непопулярное мнение”» — и указывает на широту использования в них невербального контента [Куковская 2018: 358]. Данные виды можно назвать жанрами интернет-поста. Хочется отметить, что в текстах российских политических блогов невербальные средства (эмотиконы, графические элементы) используются ограниченно. Для российских политиков основным средством общения с аудиторией является слово. Кроме того, ими активно применяются фотографии и видеоматериалы, поскольку «видео позволяет “оживить” статичные текстовое сообщение и изображение» [Лукашевич 2016: 145].

Язык и стиль постов нельзя назвать в достаточной мере исследованными. Отмечаются такие их особенности, как широкое применение аббревиатур, звукоподражаний, склонность к метафоризации [Евдокимова 2017: 59], употребление большого количества заимствованной лексики, использование ненормативной лексики, «уникальность стиля и формы подачи материала» [Субботина 2018: 163]. Для политического блога в наибольшей степени характерна последняя из данных особенностей: действительно, каждый политик стремится к обретению собственного стиля и публикации постов особой, оригинальной формы. Л.В. Балахонская и И.А. Быков отмечают в постах политических блогов частые случаи (более 80 % постов) проявления явной и имплицитной речевой агрессии [Балахонская 2018].

Третий вид текста в политическом блог-дискурсе — комментарии к посту, с помощью которых происходит непосредственное общение блогера с адресатами. Н.В. Мельник проводит лингвокультурологический анализ текстов интернет-комментариев политических блогов и выявляет, что их авторы,

простые люди, склонны к использованию культурных знаков (мифологем, символов, фразеологизмов) [Мельник 2020: 87]. Д.О. Карпов считает, что авторы комментариев в сети интернет склонны в речевой агрессии именно при обсуждении политических вопросов [Карпов 2014: 85]. М.С. Халиуллина выявляет такие виды комментариев с точки зрения содержания, как «просьбы, жалобы, кляузы, анонимки и ответная реакция читателей на высказывания других» [Халиуллина 2017: 607].

Для политического блога очень важно, отвечает ли конкретный политик на комментарии посетителей блога. Если этого не происходит, у адресатов создаётся впечатление, что автор блога вообще не читает комментарии, и атмосфера непосредственного общения может быть разрушена. Большинство политиков-блогеров время от времени отвечают на наиболее интересные комментарии адресатов, вступают с ними в диалог.

Значимость комментариев и проводимых с их помощью обсуждений политических проблем осознали политтехнологи. Так, в последнее время распространилась практика использования «ботов в российском политическом киберпространстве» [Сафина 2017: 796]. С помощью специальных компьютерных программ (ботов) в блогосферу добавляются комментарии, транслирующие, как правило, проправительственные идеи.

Жанры (или субжанры) текстов политического блога пока недостаточно разработаны в исследованиях. Как отмечает Б.М. Гаспаров, очень важной «жанровой множественности дискурса уделяется большое внимание как в литературной, так и семиотической теории» [Гаспаров 1996: 301], поэтому необходимо обязательно концентрироваться на жанровых разновидностях дискурса. В то же время, по мнению Е.И. Горошко, «виртуальный жанр всё ещё остается малоструктурированным исследовательским объектом» [Горошко 2007: 370]. С этим соглашается и А.А. Селютин, предлагающий собственный перечень жанров онлайн-коммуникации, в котором, кстати, отсутствует блог и его субжанры [Селютин 2009].

П.В. Ушанов выделяет в политическом блоге такие жанры по виду контента, как «аналитические посты, близкие к такому жанру журналистики, как комментарий; экспертиза ранее опубликованных в СМИ фактов и мнений; новости», причём, как правило, политически ангажированные [Ушанов 2015: 196]. Мы считаем, что к жанрам текста политического блога можно отнести:

- новостное сообщение (собственный вариант текста новости, произошедшей в стране или в мире и уже описанной официальными СМИ);
- пост-реакция, комментарий события (аналитический пост) — наиболее часто встречающийся жанр поста, в нём предлагается авторское видение конкретного события, политической персоналии, сложившейся ситуации и т. п.;
- оценочное высказывание — разновидность поста-реакции, текст меньшего объёма, ориентированный на оценку кого- или чего-либо, как правило, эмоциональную и личностную;
- аналитический обзор — жанр, который также можно назвать разновидностью поста-реакции, особенность которого в том, что происходит обзор целого ряда каким-либо образом связанных между собой событий, причём связь эта может быть установлена автором блога на основании его собственного субъективного впечатления, и др.

Данные субжанры являются разновидностями текста поста, а два других названных нами выше вида текста политического блога (текст «О себе» и комментарий к посту) одновременно выступают как жанры. Кроме того, различные жанры могут сочетаться, например, новостное сообщение часто сочетается с комментарием события: одновременно рассказывается новость и даётся её оценка. Для автора политического блога экспрессивная реакция на события в стране и мире, описываемые в блоге, частотна и естественна.

На основе работ различных исследователей мы выявили ряд текстовых особенностей политического блог-дискурса:

- яркое «личностное начало» [Бабитова 2013: 205], «зачастую неформальность и импульсивность» [Антанович 2014: 80]. Целью такого поведения является установление контакта, определяемого как психологическая

связь и физический канал между адресантом и адресатом, которые дают возможность установить и поддержать информацию [Winford 2002];

– отсутствие строгих структурных и языковых ограничений, языковая свобода, соотносимая со свободой самовыражения [Антанович 2014: 79] и в то же время языковой пуризм [Китанина 2016];

– тесная связь с контекстом (политическими событиями, интервью, другими публикациями блогера и т. п.), «активное освещение сфер культуры, общества, политики» [Кренвальк 2016: 80];

– интертекстуальность, использование прецедентных феноменов [Лукашевич 2016: 150; Фокина 2014: 190-191; Фокина 2017];

– присутствие скрытых смыслов, недосказанность, имплицитность, неявные и даже неосознанные приёмы [Алтунян 2006: 34]. В результате информация оказывается представленной таким образом, что адресат верит в её подлинность, даже не допуская мысли о необходимости её верификации [Nimmo 1983; 8]. Особенностью политической коммуникации становится необходимость анализировать не только сказанное и написанное, но и то, что подразумевалось под сообщениями [Yule 2000: 84];

– информативность как основная текстовая категория, средствами репрезентации которой в политическом блог-дискурсе являются уместность, небанальность, адекватность в манере подачи информации [Клюев 1996: 218]. Блог становится средством «индивидуализированной доставки информации пользователю Всемирной паутины» [Грозданов 2007: 1];

– информационная неопределённость, которая противостоит заявленной выше информативности (либо сочетаясь с нею, либо противореча). Политическая коммуникация на сегодняшний день стремится к понятийной точности, однако, как считают исследователи, в текстах всё же наблюдается тенденция к смысловой неточности, объясняющаяся рядом факторов, среди которых, во-первых, семантический фактор, связанный с использованием в текстах слов с абстрактным или сложным значением, размытые семантические границы и относительность обозначения [Dieckmann 1969; Bergsdorf 1978], а, во-

вторых, прагматический фактор, состоящий в нацеленности на определённую реакцию адресата [Green 1987: 2], а также на манипуляцию сознанием адресата [Китанина 2011; 2017а; Crystal 1995: 378];

– «дифференциация тематики» — автор блога обращается не только к политическим темам, а старается, как правило, затронуть максимально широкий круг тем, чтобы заинтересовать адресата, исключить информационную монотонность [Антанович 2014: 80]. При этом «к описанию личной и общественной жизни» склонны, по мнению И.Ю. Артемовой, политики правящей партии, а политики-оппозиционеры концентрируются на политических и общественных проблемах [Артемова 2009: 49];

– обязательность интенсивного воздействия на адресата с помощью различных языковых средств (риторических фигур, образных средств, логических и графических средств и т. д.) [Алтунян 2006: 32; Фокина 2014: 189]. Л.В. Бабитова называет данную функцию политического блог-дискурса аттрактивной и отмечает, что для её достижения политиками используются «метафора, эпитеты, образное сравнение, фразеологизмы, ирония и синтаксические приемы, представленные в форме повторов и риторических вопросов» [Бабитова 2017: 161];

– динамичность: постоянное появление новой лексики, живое реагирование текста блога на новые тенденции и явления, формирующиеся в языке, «мобильность» как в событийной, так и в языковой сферах [Манжосова 2018: 180; Шеховцева 2012: 135];

– для блогов политиков, осуществляющих реальную власть, характерен «оптимистический настрой, преобладание положительных оценок и обещаний» [Лукашевич 2016: 150], блогам оппозиционных политиков свойственны меньшая степень оптимизма и негативизм — желание детально показать плохую работу властей;

– доступность языка политического блог-дискурса, обязательность понимания представленных в блоге текстов всеми членами общества. Данная черта, как полагают исследователи, обусловлена ориентированностью

политической коммуникации на массового адресата [Fetzer 2007: 25-26]. Политик сознательно идёт на некоторое упрощение языковой структуры своего текста, избегает использования большого количества терминов, предпочитает чётко структурировать текст;

– отказ от дистанцированности, от установки на отделение власти (политики) от народа. Политические блогеры уменьшают дистанцию, давая своим подписчикам возможность отслеживания каждого шага политиков, что в свою очередь служит ослаблению символичности власти и её недостижимости [Gronbeck 1996: 40]. На текстуальном уровне это проявляется и посредством упомянутой выше языковой доступности, и приёмами диалогизма, и повышенной экспрессивностью лексики.

Данные особенности политического блог-дискурса во многом являются специфическими именно для этого вида дискурса и оказывают влияние на построение текста блог-дискурса, на все его категории, в том числе связность.

1.2.3. История изучения политического блог-дискурса

Политический блог представляет собой одно из интересных явлений современной действительности, поэтому вызывает научный интерес у специалистов разных гуманитарных дисциплин.

Логично внимание к ним со стороны политологов, которые анализируют политический блогинг с точки зрения его роли в политико-коммуникативных процессах современной России, причём высказывают по этому поводу противоположные мнения. Ю.И. Нестеренок отмечает «влияние контента блогов на современный российский политический процесс» [Нестеренок 2013: 7], а М.А. Щенников, напротив, выявляет, что «интернет-технологии в настоящее время лишь дополняют традиционные средства политической коммуникации в России, не оказывая существенного влияния на протекание политического процесса в целом» [Щенников 2010: 6].

При этом для большинства политологов несомненно, что политические блоги выступают в качестве эффективного средства политического воздействия

на представителей общества, оказываемого со стороны политических структур [Кренвальк 2016], в том числе имеют влияние на «политическую социализацию молодежи» [Красноперова 2020: 123].

Становятся политические блоги и предметом социологического анализа. О.Н. Фомин и Д.В. Акаев выявляют факторы популярности политических блогов, относя к ним идеологическую позицию, количество посетителей и комментариев, количество материалов, опубликованных ежедневно, и даже цветовое оформление веб-страниц [Фомин 2009: 87].

Философы, рассматривая феномен политического блога, квалифицируют его как «элемент российской электронной демократии» [Тиховодова 2017: 22], для развития которой необходимы «действующие электронные механизмы взаимоотношений» между различными субъектами политической жизни [Там же: 27].

Для культурологов в тексте политических блогов важными являются вопросы культуроспецифичности и использования блогерами культурологического контекста на различных уровнях. О.Б. Максимова отмечает, что к элементам культурологического плана в тексте политического блога могут относиться «слова и словосочетания с культуроспецифичными коннотациями», «лексические единицы с устойчивыми ассоциативными связями», «культурозначимые фрагменты текстов национальной культуры» [Максимова 2019: 156].

Изучением политического блог-дискурса занимаются многие лингвисты, чаще всего подходя к анализу с лингвокультурологических позиций. Л.В. Бабитова отмечает, что в политическом блог-дискурсе происходит «репрезентация языковой политической картины мира» [Бабитова 2014: 21]. К.И. Долгова видит отражение в тексте политического блога языковой личности ведущего его политика [Долгова 2016].

Л.Р. Диасамидзе рассматривает способы конструирования в политических блогах гендерной идентичности. Одно из наиболее интересных наблюдений, которые исследователь делает в ходе анализа русскоязычных и англоязычных

политических блогов: «В виртуальной среде, ограниченной политическим дискурсом, наблюдается тенденция андрогинии — проявления у женщин “мужских” черт» [Диасамидзе 2010: 5]. Согласен с данной точкой зрения и А.Н. Цветков, отмечающий, что «в дискурсе политических блогов разница между женским и мужским языком сглаживается» [Цветков 2018: 239]. Одновременно исследователь пишет, что женские политические блоги отличаются большей эмоциональностью и образностью, а также более неформальным стилем общения [Там же: 240]. Единой точки зрения на данный вопрос у исследователей. К примеру, Л.Г. Карандеева считает, что «в немецкоязычных политических блогах мужчины и женщины сохраняют свою гендерную идентичность» [Карандеева 2017: 99].

Внимание ученых привлекают различные языковые особенности политического блог-дискурса. О.С. Кудимова отмечает, что в политическом блоге нередко встречаются речевые манипуляции. Среди способов речевых манипуляций, к которым прибегают политики, исследователь называет использование политических мифов, театральность, апелляцию к теории заговора, применение «магических» слов (*свобода, демократия*) и имён (авторитетных исторических персонажей) [Кудимова 2018: 412]. Указывает исследователь и языковые средства манипуляции: риторические конструкции с логическими нарушениями, аллюзии, смысловые пропуски, эвфемизмы, лексемы-ярлыки и т. п. [Там же: 414-415].

М.В. Никифорова и Е.А. Нахимова анализируют языковые средства выражения комического в политическом блоге, называя среди них фразеологизмы и крылатые слова, разговорно-просторечную лексику (*оттяпать*), средства языковой игры, а также «пародии, аллюзии, метафоры, обыгрывание прецедентных текстов, интерстилевое тонирование текста» [Никифорова 2018: 933] и отмечая их «высокий прагматический потенциал» [Там же].

В постах и комментариях политических блогов исследователями нередко отмечаются случаи речевой агрессии. Л.В. Балахонская и И.А. Быков

рассматривают средства речевой агрессии в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» и выявляют среди них лексику, выражающую негативную оценку, в том числе окказионализмы, и лексику сниженной стилистической окраски (разговорную, просторечную, жаргонизмы и др.) [Балахонская 2018: 492] и т. п. М.С. Халиуллина пишет, что речевая агрессия в комментариях политического блога проявляется даже при наличии премодерации (предварительной проверки контента модераторами и отсекация нежелательных высказываний), реализуется агрессия с помощью инвективов, подмены понятий, нарушения коммуникативных норм [Халиуллина 2017: 609].

В текстах постов политических блогов и в самой структуре блога, включающей возможность коммуникации с адресатами, заложено использование средств диалогичности. Е.В. Лукашевич отмечает, что политики в блогах часто применяют «сигналы диалогизации монологической речи» [Лукашевич 2016: 146], а также выявляет их стремление уйти от императивности [Там же: 148]. М.С. Халиуллина считает, что «сетевой ресурс представляет собой полилог» [Халиуллина 2017: 611], поскольку в его пространстве возможно участие в общении большого количества людей, причём большое количество реплик и минидialogов между посетителями «ведет к размыванию образа автора» [Там же: 612], в результате чего бывает сложно определить, где точка зрения адресанта блога, а где — его адресатов.

Исследователями, рассматривающими политический блог с точки зрения коммуникативной лингвистики, часто затрагивается вопрос о коммуникативных стратегиях и тактиках, применяемых политиками в тексте блога. При этом лингвистами выделяются и анализируются как допустимые, так и недопустимые стратегии и тактики политических блогеров. Вполне допустимые стратегии и тактики выделяет М.С. Сидненко: стратегию подчинения с тактиками аргументации, уговаривания, убеждения, активизации социальных обязательств, выражения субъективного мнения; стратегию сохранения позитивного лица с тактиками смягчения категоричности, выражения солидарности; стратегию активизации эмоциональной стороны адресата с тактиками активизации

внимания, преуменьшения и преувеличения [Сидненко 2014: 57-58]. Стратегию подчинения и её реализацию в политических блогах рассматривают также М.Ф. Талиашвили и М.А. Голованева, отмечая, что данная стратегия здесь становится важнейшей, поскольку политик «хочет получить определённую, прогнозируемую реакцию» [Талиашвили 2017: 1706]. Для реализации данной стратегии, как считают исследователи, политиками применяются тактики указания пути решения, указания на вред для объекта, обвинения и возбуждения страха [Там же: 1709].

К вполне допустимой стратегии относится использование «коммуникативной тактики призыва (декларативность), когда коммуникатор побуждает аудиторию к выполнению каких-либо действий, направленных на проявление гражданской позиции», которую рассматривает Е.В. Лукашевич [Лукашевич 2016: 149].

К реализации недопустимых, манипулятивных, нарушающих коммуникативные нормы стратегий и тактик исследователи обращаются чаще. Л.В. Балахонская и И.А. Быков выявляют в политическом блоге «тактики дискредитации политических оппонентов, тактики оскорбления (в том числе по этническим признакам), тактики обвинения (в том числе в непрофессионализме), тактики унижения, тактики угрозы или предостережения, тактики негативного прогноза развития событий» [Балахонская 2018: 492], используемые как коммуникативные средства речевой агрессии. Н.Н. Коптяева подробно описывает способы осуществления стратегии дискредитации в британских политических блогах, отмечая среди них приёмы создания окказионализмов на основе фамилий политиков, применение в описании их личности и характеристике их деятельности негативно окрашенной и даже пейоративной лексики [Коптяева 2018: 138] и др.

Средства языковой выразительности, используемые в политических блогах, оцениваются лингвистами с позиции их эффективности в оказании воздействия на адресата информации. Л.В. Бабитова признаёт высокую эффективность каламбуров, метафор, эпитетов, образных сравнений,

риторических вопросов, повтором и других языковых и стилистических средств [Бабитова 2017: 162-164]. С помощью средств языковой выразительности автор блога привлекает внимание к постам, заставляет адресата внимательнее в них вчитываться, получая удовольствие и от языковой, и от содержательной составляющих текста. М.С. Сидненко называет языковые средства, которые служат активизации эмоций адресата и посредством этого — усилению воздействия на него: иронию, сарказм, градацию, синтаксический параллелизм и др. [Сидненко 2014: 58].

Ряд лингвистов рассматривают какой-то один приём выразительности, используемый в тексте политического блога. Е.О. Панфилов анализирует имеющий графическую природу прием зачеркивания в интернет-дневниках прокремлевских и оппозиционных блогеров и отмечает, что зачёркивание выделяет текст или его фрагмент и повышает его значимость. Приём предполагает противоречие: с одной стороны, зачёркнутый текст позиционируется как лишний, с другой — как самый важный [Панфилов 2014].

Есть также исследования, в которых анализируется блог определённого политика или журналиста. Е.М. Крижановская рассматривает блог журналиста Д. Шушарина с целью выявления особенностей его индивидуального стиля, в котором отмечает «комбинаторику разноуровневых языковых средств» [Крижановская 2011: 88]. Е.В. Лукашевич рассматривает блог губернатора Алтайского края А.Б. Карлина и анализирует его коммуникативную позицию [Лукашевич 2016]. К.И. Долгова выявляет особенности языковой личности англоязычного политика Криса Вейганта [Долгова 2016]. Внимание к блогам отдельных политиков напрямую связано с антропоцентрическим направлением к лингвистике и желанием учёных увидеть язык определённой языковой личности.

В то же время текстуальные особенности политического блог-дискурса исследованы недостаточно, а вопросы связности текстов политического блог-дискурса пока остаются неохваченными исследованиями.

1.3. Антропоцентрический подход в лингвистике текста

Антропоцентрический подход пришёл в лингвистике на смену системоцентрическому и структурно-семантическому. Согласно данному подходу человек понимается как фактор, определяющий функционирование языка. Язык существует для человека, является его орудием и отражает личность человека, его менталитет и мировоззрение.

Антропоцентрический подход разрабатывался и продолжает разрабатываться в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963], Д.С. Лихачёва [Лихачёв 1993], Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1988; 1998б], В.В. Воробьева [Воробьев 2006], В.А. Масловой [Маслова 2001], В.Н. Телия [Телия 1999], В.И. Тхорика и Н.Ю. Фанян [Тхорик 2005] и других исследователей.

И.А. Бодуэн де Куртэне высказал мысль о связи языка и человека одним из первых. Ему принадлежит утверждение о том, что «язык существует только в душах человеческих» [Бодуэн де Куртенэ 1963 1: 130], то есть немислим без человека, возникает для него и развивается, обслуживая его нужды. При этом язык зависит от человека настолько сильно, что «есть индивидуальные языки как непрерывно существующие целые» [Там же: 131]. Идеи И.А. Бодуэна де Куртэне повлияли на формирование антропоцентризма в языкознании.

По мнению Д.С. Лихачёва, восприятие языка и строение на его основе собственного языкового варианта всегда индивидуально, причём «охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его» [Лихачёв 1993: 5-6]. Иными словами, фактов понимания языкового значения столько, сколько понимающих это значение субъектов.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что «язык антропоморфен и антропоцентричен по своей природе» [Арутюнова 1988: 55-56]. Ю.Д. Апресян заявляет, что в языке существует «образ человека» [Апресян 1995: 37], который необходимо отразить в особом типе словаря. Результатом деятельности исследователя становится «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», в котором

лексические значения слов объяснены с позиции человека, его «наивной», или языковой картины мира [НОСС].

Одним из важнейших следствий появления в лингвистике антропоцентрической трактовки языка стал лингвокультурологический подход к языку, то есть представление о его неразрывной связи с культурой. В.Н. Телия заявила о необходимости разработки «общей для языка и культуры методологической платформы» [Телия 1999: 14]. Тезис о «функционирующей системе культурных ценностей, отражаемых в языке», выдвинул В.В. Воробьев в учебном пособии «Лингвокультурология» [Воробьев 2006: 4]. Разработкой лингвокультурологии занималась также В.А. Маслова, отмечавшая, что язык необходимо рассматривать как «культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания» [Маслова 2001: 3]. В.И. Тхорик и Н.Ю. Фанян также занимались разработкой основ лингвокультурологии, при этом обращая внимание на отражение в языке в первую очередь этноса, национальности [Тхорик 2005].

Антропоцентрический подход применяется по отношению к различным языковым явлениям, в том числе к тексту. При исследовании лексической структуры художественного текста его использует Л.Н. Чурилина, отмечающая, что все характеристики языковой личности («лексикон, тезаурус, прагматикон» [Чурилина 2003: 63]) представлены в лексической системе текста. С.А. Манаенко относит к антропоцентрическим характеристикам публицистических текстов их интенциональность [Манаенко 2015: 56], для реализации которой говорящий прилагает «известные ему языковые средства и приемы», способные «дать желаемый результат» [Там же: 59]. К политическому тексту антропоцентрический принцип исследования применяют Е.С. Оридорога и А.М. Холод, исследуя особенности речи политического лидера [Оридорога 1999].

Одним из основных понятий при антропоцентрическом анализе языка стало понятие языковой личности (ЯЛ), которое разрабатывали В.В. Виноградов [Виноградов 1980], Г.И. Богин [Богин 1982], С.Г. Воркачев [Воркачев 2001],

В.И. Карасик [Карасик 2002], Ю.Н. Караулов [Караулов 1987; 1989], К.Ф. Седов [Седов 1999] и др. Ю.Н. Караулов даёт следующее определение понятию языковой личности (ЯЛ): «человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [Караулов 1987; 1989].

В современных лингвистических словарях языковая личность определяется как «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования средств данного языка для отражения окружающей действительности (картины мира)» [Азимов 2009: 365].

В структуре ЯЛ выделяются три уровня: вербально-семантический (языковые средства, которыми владеет ЯЛ), когнитивный (концепты, составляющие картину мира языковой личности) и прагматический (цели, мотивы, интересы, интенции языковой личности) [Караулов 1989: 6].

Лингвисты рассматривают особенности каждого из уровней ЯЛ самых разных говорящих. Языковую личность блогера (автора, субъекта блога) изучают А.И. Алексеевская [Алексеевская 2016], Л.Г. Антонова и Е.А. Лебедева [Антонова 2015], Д.С. Богатков [Богатков 2020], А.В. Болотнов [Болотнов 2014; 2016], Т.М. Гермашева [Гермашева 2011], К.И. Долгова [Долгова 2016; 2018], А.В. Замилова [Замилова 2013], А.А. Калашникова [Калашникова 2011; 2013], М.Э. Рябова [Рябова 2018] и др. Каждый из исследователей стремится выявить общие черты, характерные для авторов разных блогов, и в то же время отметить их индивидуальные особенности.

Т.М. Гермашева считает, что личность субъекта блог-дискурса формируется на основе двух составляющих — реальной и виртуальной ЯЛ, которые оказывают друг на друга взаимное влияние. По её мнению, для ЯЛ блогера характерны такие особенности, как «непризнанность и одиночество, превознесение собственных способностей и талантов, самовыражение, противопоставление своего виртуального мира в блогосфере реальному миру»

[Гермашева 2011: 6], что и диктует для него необходимость ориентации на виртуальную ЯЛ — более успешную, более уверенную в себе, более агрессивную. Н.Н. Казнова называет подобный процесс выбором блогером речевой маски [Казнова 2009], в результате чего реальную ЯЛ становится сложно идентифицировать и отличить от виртуальной.

А.А. Калашникова также называет важнейшей интенцией ЯЛ блогера стремление к самопрезентации, с которым связано «моделирование образа автора в блоге» [Калашникова 2011: 5]. А.В. Замилова, анализируя интернет-блог, отмечает, что «на основе лексико-семантического и грамматического анализа текстов, созданных языковой личностью, возможно создание ее лингвосоционического портрета» [Замилова 2013: 7], учитывающего психологию ЯЛ. При этом исследователь считает, что создаваемые блогером тексты отражают и индивидуальные, и типовые черты, то есть создают авторский вариант типичного явления, к каковым относится блог.

Стратегию самопрезентации ЯЛ блогера анализируют также Л.Г. Антонова и Е.А. Лебедева, считающие, что успешная самопрезентация для блогера является способом оказания влияния на адресата, достижения автором блога своей основной коммуникативной цели. Исследователи также приходят к выводу, что одной из наиболее распространённых стратегий самопрезентации становится выбор искусственного образа — «маски» [Антонова 2015: 89].

К.И. Долгова отмечает, что в структуре ЯЛ блогера есть лингвистический и экстралингвистический уровни. К экстралингвистическому уровню в числе прочего относится информационная база как «коммуникативное пространство, включающее в себя знания окружающего мира, необходимые для успешной коммуникации» [Долгова 2018: 399]. Информационная база имеет лингвокультурные основы и, независимо от желания блогера, отражается в продуцируемых им текстах.

Д.С. Богатков концентрирует своё внимание на поведении в блогах конфликтной ЯЛ. По его мнению, ЯЛ этого типа относится к доминирующим и манипулятивным и нацелена на оказание влияния на адресата любыми, даже

нечестными способами [Богатков 2020]. Е.В. Какорина отмечает, что проявления конфликтности и речевой агрессии свойственны в первую очередь публикациям представителей оппозиции [Какорина 1996: 409].

Исследователями выделяются различные языковые и невербальные приёмы, которые используют блогеры и которые отражают особенности их ЯЛ. Так, А.А. Калашникова и И.В. Ковалева анализируют устноподобность как инструмент влияния в коммуникативной блог-среде, а именно, одно из её проявлений — эмодиконы. По мнению исследователей, эмодиконы служат самопрезентации автора блога и относятся к прагматическому уровню его ЯЛ [Калашникова 2013]. М.Э. Рябова отмечает нацеленность блогера на ситуацию «абсолютного управления восприятием реципиента» [Рябова 2018: 3], для чего им используются «визуальные средства коммуникации», а также никнейм, аватар, а в языке — сочетание нейтральных и разговорных языковых средств [Там же].

Блоги создаются и ведутся представителями самых разных профессий, и при этом каждый из видов деятельности отражается на блоге и его текстах. А.И. Алексеевская рассматривает блог писателя на примере блога Б. Акунина и выявляет в блоге такие черты ЯЛ писателя, как открытость и дружелюбие, воспитанность, склонность к рефлексии, чувство справедливости, креативность [Алексеевская 2016: 27].

Конечно, для нас в первую очередь интересны исследования по ЯЛ блогера-политика или политического журналиста. Несколько публикаций такого типа подготовил А.В. Болотнов, который рассматривает ЯЛ В. Познера, отражённую в его блоге, а именно, её аксиологическую составляющую. Исследователь отмечает такие аксиологические принципы ЯЛ блогера, как «точность и глубина оценок», «открытый характер суждений», «приглашение к диалогу, приоритет ценности личности, толерантность» [Болотнов 2014: 27]. Кроме того, А.В. Болотнов анализирует ЯЛ учёного, публициста и политолога Г.И. Мирского на основе используемой им в блоге аргументации. При этом применяемые автором блога аргументы позволяют лингвисту говорить «о

принадлежности автора к носителям элитарной речевой культуры» [Болотнов 2016: 279].

В ходе анализа текста политического блога необходимо учитывать антропоцентрический подход к языку, поскольку в блоге отражаются особенности языковой личности автора блога, его образование, воспитание, национально-культурные представления и т. п.

Связность текста, в частности, соблюдение или нарушение автором политического блога правил связности, также испытывают на себе воздействие языковой личности, создающей текст, и, в свою очередь, являются одними из проявлений особенностей ЯЛ блогера. Антропоцентрический подход к связности текста блога требует учёта влияния на неё ЯЛ блогера.

Выводы по содержанию главы 1

Текст является основным понятием современной лингвистики, определяется как языковая единица, обладающая смыслом, как явление, в котором язык получает конкретную реализацию, превращаясь в речь. Одним из основных вопросов теории текста является вопрос о его категориальных (то есть делающих его собственно текстом) признаках. Основными категориальными признаками текста признаются связность и цельность. Кроме того, различными исследователями выделяются такие категориальные признаки текста, как завершённость (законченность, хотя бы относительная), информативность, членимость, интеграция, проспекция / ретроспекция, концептуальность, коммуникативность, антропоцентричность, социологичность, диалогичность, последовательность, эстетичность, адресатность, интенциональность и др.

Понимая текст как организованную по форме и содержанию совокупность речевых и языковых единиц, которые характеризуются в едином смысловом пространстве связностью, цельностью, законченностью, коммуникативной мотивированностью и целесообразностью, а также возможностью вступления в отношения и связи с другими текстами, мы считаем связность важнейшим свойством текста.

Связность текста реализуется посредством его когезии и когерентности. Данные категории, с одной стороны, едины, поскольку с их помощью поддерживается связность текста, а с другой — противопоставлены. Когезия является свойством элементов текста, осуществляется на его горизонтальном уровне, представляет собой локальную внутритекстовую связь линейного типа и понимается как объективное качество текста. Когерентность является свойством текста в целом, осуществляется на его вертикальном уровне (от элементов — к смыслу), представляет собой глобальную, внешнюю, прагматическую связь нелинейного типа и понимается как субъективное свойство текста.

Современный политический текст реализуется в условиях политического дискурса. Текст и дискурс — это явления разного плана. Для текста характерны результативность, статичность, абстрактность, завершённость, ограниченность от ситуации и контекста, существование в пространстве языка, вербальные составляющие. Для дискурса характерны процессуальность, динамичность, актуальность, незавершённость, включённость в ситуацию и контекст, лингвистические и экстралингвистические составляющие. При этом текст и дискурс тесно связаны, в том числе с точки зрения реализации в них категории связности.

Политический дискурс — один из институциональных видов дискурса, динамичное, многожанровое явление, в последнее время получившее свою реализацию в сети интернет, в том числе как политический блог-дискурс. Блог-дискурс понимается нами как совокупность речевых произведений, которые функционируют в сфере политической коммуникации в формате блога, передавая политическую и связанную с нею экстралингвистическую информацию.

В структуре политического блог-дискурса выделяются три вида текстов: стабильные фоновые тексты блога, в том числе текст о себе; посты и комментарии. К жанрам политического блог-дискурса можно отнести новостное сообщение, пост-реакцию, оценочное высказывание, аналитический обзор, текст о себе и текст комментария. Для политических блог-дискурсов характерны такие

текстуальные особенности, как яркое личностное начало, языковая свобода, тесная связь с социальным и политическим контекстом, интерактивность, имплицитность, информативность и информационная неопределённость, дифференциация тематики, использование языковых средств воздействия на адресата, динамичность, доступность языка и др.

Исследование политического блог-дискурса должно осуществляться в контексте антропоцентрического подхода к языковым явлениям, поскольку в языке блог-дискурса реализуется языковая личность автора блога, воссоздаются элементы его картины мира. Изучение связности на основе политического блог-дискурса будет способствовать более глубокому постижению её текстообразующих функций и пониманию авторских установок, влияющих как на соблюдение правил связности, так и на их нарушение.

ГЛАВА 2. ВИДЫ НАРУШЕНИЙ СВЯЗНОСТИ В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГОВ

2.1. Намеренные / ненамеренные нарушения связности в тексте политического блог-дискурса

Прежде чем приступать собственно к обнаружению и анализу намеренных или ненамеренных нарушений лексической и прагматической связности в текстах русскоязычных политических блогов, необходимо выявить данные средства связности и попытаться обнаружить в политическом блог-дискурсе наиболее распространённые нарушения в их использовании.

Рассматривая примеры нарушений связности, мы считаем необходимым ответить на вопросы: а) в чём заключается нарушение? б) какие средства связности использованы неправильно или не использованы (опущены)? в) в чём причина нарушения связности? г) осознанным или неосознанным является нарушение со стороны адресанта? д) какое воздействие оказывает нарушение на адресата текста?

Анализ случаев нарушения связности проводился нами с опорой на концепцию М.А.К. Хэллидея и Р. Хасан и установленные ими механизмы связности:

- различные виды референции (анафора, катафора, экзофора), в том числе указательная, личная и сравнительная референция;
- субституция имени, глагола и предикативной группы;
- эллипсис имени, глагола и предикативной группы;
- союзы, союзные слова и другие коннекторы;
- коллокации и т. д. [Halliday 1876: 31-288].

Отметим, что не все средства связности, существующие в языке и выделяемые в исследованиях учёными, регулярно подвергаются трансформациям. Наиболее часто наблюдается намеренное или ненамеренное нарушение референции.

В книге М.А.К. Хэллидея и Р. Хасан референция трактуется как отсылка к чему-то, что помогает интерпретации сказанного [Там же: 31]. Выделяются такие виды референции с точки зрения объекта отсылки, как анафора (указание на предшествующий элемент текста) и катафора (указание на последующий элемент), которые авторы работы называют текстуальными и характеризуют как разновидности эндофоры. Им противостоит экзофора (установление связи с какими-то фактами и объектами, находящимися вне текста), или ситуативная референция [Там же: 33].

В Литературной энциклопедии 1929-1939 гг. **анафора** (греч. αναφορά — возвращение, единоначатие, скреп) трактуется как повторение каких-либо сходных звуковых элементов в начале смежных ритмических рядов (полустихий, строк, строф).

Анафора является наиболее распространённым видом референции в тексте. Е.В. Самохвалова называет её «ретроспективной» и отмечает, что, как и катафора, анафора обладает «двучленной структурой, включает в себя референт и семантический источник» [Самохвалова 2011: 33].

Языковые средства, с помощью которых анафора реализуется в тексте, рассматривают П.А. Катышев [Катышев 2013], В.К. Прокопеня [Прокопеня 2017] и другие исследователи. При этом предметом их внимания неизменно становятся примеры соблюдения правил анафоры. На наш взгляд, проанализировать нарушения анафоры и их роль в тексте не менее важно.

Рассмотрим текст из блога А. Галлямова «Что Лукашенко потом со своими силовиками сделает?» (11.08.2020) [Аббас Галлямов 2021]. Приведём начальный абзац данного текста:

Передайте белорусским генералам, что через несколько месяцев после того как они разгонят протестующих, Лукашенко начнёт от них избавляться. Это простая логика тирана — он не должен ни от кого зависеть, все должны зависеть от него. Зачем ему те, кто его когда-то спасал? Те, кто помнит, как он дрожал; кто понимает, что если бы не они, то он сейчас сидел бы в лучшем случае в изгнании, в Ростове, а в худшем — здесь же в Минске, на нарах?

Начало выглядит неожиданным и необычным, что деавтоматизирует восприятие адресата. В данном случае первое предложение представляет собой референт анафоры, семантический источник которой опущен. Референт: *«Передайте белорусским генералам, что через несколько месяцев после того как они разгонят протестующих, Лукашенко начнёт от них избавляться»*, а его опущенный семантический источник можно попытаться сформулировать: *«Военные Белоруссии нарушают закон и воюют против собственного народа. Хочу обратиться к ним и передать послание...»*. Неожиданным является и обращение, которое формально представляет собой референт. У адресата возникают вопросы: к кому обращается автор статьи? кто будет передавать эту информацию белорусским генералам?

Опущенная первая (важная для понимания смысла текста) часть анафоры значительно перестраивает семантическую структуру текста и изменяет способ его воздействия на адресата. Данное воздействие ведётся в нескольких направлениях.

Во-первых, у адресата создаётся впечатление, что в тексте опущено начало. Это впечатление похоже на чувство в ситуациях устной коммуникации, когда человек не слышал начала речи и догадывается о нём по продолжению, которое услышал, достраивает начало самостоятельно.

Во-вторых, адресату передаётся мысль о том, что опущенная начальная часть текста содержит информацию, настолько ясную для всех и естественную, что её даже не надо озвучивать, ведь все пользователи российских газет этого периода и так полностью в курсе событий, происходящих в Беларуси после выборов президента, которые состоялись 8 августа 2020 года.

В-третьих, текст приобретает интонацию непринуждённой разговорной речи, обсуждения проблемы «между своими», в тесной компании. Сокращается дистанция между адресантом и адресатом, что делает слово первого более убедительным.

Это несомненное нарушение связности, в данном тексте, как нам кажется, носящее намеренный характер. Журналист осознанно выносит семантический

источник анафоры в плоскость «несказанного», подразумеваемого. Текст вообще насыщен референциями разного типа, но другие референции являются полносоставными, построены без опущения компонентов, например, экзофора — отсылка к общим историческим знаниям автора и адресата в последнем абзаце текста:

Я бы на месте белорусских генералов почитал сейчас биографии своих предшественников из НКВД. Многим ли из них Сталин позволил умереть в своих постелях от старости?

Однако нарушение связности в результате неполноты анафоры более явное и сильнее воздействует на адресата, чем разнообразные референции, представленные в тексте без нарушений. Усиливает воздействие текста на адресата и то, что компонент с нарушением связности находится в начале текста — его сильной в логическом и эмоциональном планах части.

Приём опущения данного (известной информации) в текстах политических блогов встречается регулярно. В ряде случаев этот приём может быть охарактеризован как **экзофора** — отсылка к «экстратекстуальному пространству дискурса» [Федорова 2019: 774], к информации, находящейся за пределами текста. Этот тип референции «требует общих знаний между говорящим и адресатом» [Там же].

Нарушения связности в результате неточной **экзофоры** чаще всего связаны с опорой автора текста на те предполагающиеся общие знания, которые небесспорно присутствуют в культурном поле адресата.

Рассмотрим пример контекста из блога А. Горного.

Слова Меркель воодушевили улюлюкающих на очередной вой, а толку? Потирают руки в ожидании новых санкций для России?

О каких именно словах канцлера Германии идёт речь, в статье не сказано. Конечно, можно возразить, что адресаты блога должны быть подготовленными и владеть политической ситуацией, чтобы читать статью, содержащую её анализ. Кроме того, адресаты являются пользователями сети Интернет и могут мгновенно получить информацию, которая является неясной, из другого

источника. Однако, на наш взгляд, экзофора всё-таки оказалась не совсем удачной и нарушила правила референции.

Во-первых, поиск дополнительной информации станет для адресата не совсем удобным, заставит его перейти на другой интернет-ресурс и, возможно, там остаться, что явно не является целью блогера.

Во-вторых, по прошествии некоторого времени уже всем адресатам блога, решившим перечитать старые посты, будет сложно вспомнить, о каких словах идёт речь, что является фактом, к которому отсылает журналист. Сложно будет и отыскать эту информацию, переставшую быть актуальной, в сети интернет. В результате текст блога утратит свою значимость.

Можно объяснить, чем вызван приём, применяемый блогером. А. Горный не хочет цитировать те слова А. Меркель, которые уже процитированы многими блогерами на других ресурсах, а также стремится к краткости и в связи с этим, возможно, вполне осознанно нарушает правила связности текста. Тем не менее, на наш взгляд, это происходит не совсем удачно, нарушение связности не оправдано намерениями автора.

Точное применение экзофоры, то есть установление прямой, однозначной и бесспорной связи текста и его элементов с какими-то фактами и объектами, находящимися вне текста, становится проблемой для многих авторов политических блогов. В тексте из блога А. Рощина «Почему Собчак не справилась со своей ролью» (19.01.2018) [Алексей Рощин 2021] также видим такое нарушение. Автор многократно использует в публикации аббревиатуру АП, не поясняя её значение:

Если смотреть на президентскую кампанию с точки зрения АП (а только так на нее и имеет смысл смотреть, поскольку никакого внутреннего содержания у нее нет), то пока, пожалуй, наиболее разочаровывающим выглядит выступление Собчак. Единственный смысл выборов для АП — обеспечение высокой явки, и вот тут Ксения как-то перестала оправдывать авансы.

Догадаться, что скрывается под этим сокращением, достаточно сложно: аббревиатура не является общепринятой и знакомой всем адресатам политических блогов, поисковые системы интернета не дают её однозначной расшифровки. Поясним, что аббревиатура означает *Администрация Президента*. Референт оказывается полностью оторванным от своего семантического источника, что грубо нарушает референцию как структурное свойство текста.

Ещё один пример нарушения связности текста мы видим в блоге Максима Кац. Ср.: *Сегодня ЦИК принял первое решение по Питерским муниципальным выборам, которое пришло к нему для решения по существу. Одно дело публичные заявления и выступления, другое дело решение. Суть дела такова. ИКМО Звёздное имеет привычку выкидывать документы, поданные кандидатами и потом снимать их за то, что документы якобы поданы не были. В такую ситуацию там попали как мы, так и СР и некоторые самовыдвиженцы.*

ИКМО тупо приносит в суд или вот в ЦИК копию расписки, где говорится, что документ ты не сдавал. А ты приносишь ту, где говорится, что сдавал. Несколько дней назад суд рассматривал подобный кейс и пришёл к выводу, что кандидат прав, а комиссия нет. ЦИК решил иначе — нет оснований обвинять комиссию в уголовном преступлении, и кандидатов всех снял (19 июля 2019 г.).

Заголовок блог-текста «Первое решение ЦИК по Питеру — встали на сторону ИКМО» также содержит экзопору, выступающую и в заголовке, и в тексте коннектором как функциональной единицей когниции.

Нарушения связности такого типа будут, по нашему мнению, прагматическими, поскольку автором не учитываются особенности аудитории: делается необоснованное предположение, что адресат обладает той информацией, которой может и не владеть. Например, не всякий адресат понимает, что ИКМО — это избирательная комиссия Московской области.

Нарушения, хотя и реже, отмечаются и в использовании **катафоры**. С помощью катафоры в тексте формируется отсылка к какому-то последующему элементу, то есть наблюдается что-то вроде анонсирования дальнейшего

содержания текста. Нарушение правил использования катафоры находим в тексте статьи Николая Старикова (не оппозиционный блог). Публикация посвящена правам человека и отношениям Европы и России.

Ср.: То, что предлагает Россия — это брак. То, что предлагает Европа — послушать с девушкой пластинки (май, 2014).

Это скрытая, имплицитная информация, транслируемая адресату посредством нарушения катафоры. И автору вполне, как нам кажется, удаётся передать адресату данную мысль. Перед нами намеренное нарушение связности текста, имеющее прагматическое значение. Пейоративные коннотации доминируют во всех фрагментах текста, посвящённых Европе, а мелиоративные коннотации «сопровождают» те части текста, в которых характеризуется Россия.

Как видим, нарушения могут наблюдаться в механизме каждого из видов референции — в анафоре, катафоре и экзофоре. Ещё одно нарушение связности, которое встречается в тексте современных политических блогов, — полное отсутствие референции как связи между компонентами текста, отсутствие ссылок, позволяющих мысли адресата переходить от одной части текста к другой. Для примера рассмотрим статью в блоге М. Захаровой «Думаю, будет жарче» (07.08.2020) [Мария Захарова 2021]. Приведём данную публикацию полностью и обратим внимание на референцию, устанавливаемую между абзацами:

Лукашенко в интервью Гордону: «Пресс-служба каждое утро даже в выходные готовит мне огромный обзор... Просто в поисковике, где нажал кнопку... “Лукашенко” — и выдало всю информацию. “Беларусь”. И они мне всю эту информацию собирают — и на стол... Кроме того, конечно... Спецслужбы мне вывернули наизнанку всю биографию: что было, что не было. Это норма такая всегда».

Как думаете, кто сегодня рискнул положить «на белорусский стол номер один» эту статью? Пресс-служба или все-таки спец-служба? А кто потом окажется на этом столе? Потому что нравы там суровые, судя по признанию Александра Григорьевича:

Лукашенко в интервью Гордону: «Несмотря на то, что он (сын Коля, 15 лет) еще молодой, он разбирается во всем. Ему лапшу на уши не повесишь. И очень критикует, если где-то мы неправильно поступаем. Особенно пресс-секретаря... Она боится с ним разговаривать по телефону. Ей со мной проще поговорить, чем с Колей. И притом по существу».

По прогнозу сегодня в Минске +27 и переменная облачность. Думаю, будет жарче, с грозой и не без осадков.

Если между первым и вторым абзацами связь присутствует (она выражена такими средствами связи, как повтор (*Лукашенко, на стол*); повтор с изменением орфографии (*спецслужбы — спец-служба*); субституция (*Лукашенко — Александр Григорьевич* и др.), то связь между этими абзацами текста и третьим абзацем уже ослаблена (она устанавливается с помощью катафоры: *там* — в семье Лукашенко). Связь же между тремя абзацами и четвёртым, последним, полностью отсутствует, что тем более странно, потому что данный абзац должен подытоживать текст, повторять его основную мысль. В четвертом абзаце, вместо вывода, даётся прогноз погоды в Минске, который формально связан с предыдущими при помощи лексического средства связи (*Беларусь — Минск*), но смысловой связи нет, так как отсутствует референция между данными частями текста.

Такой приём, несомненно, окажет воздействие на адресата, который постарается самостоятельно установить связи между текстом и его последним абзацем, причём скорее всего подумает, что в прогнозе погоды зашифрован какой-то скрытый смысл и постарается этот смысл декодировать. Его внимание привлечёт фраза *«Думаю, будет жарче»*, вынесенная автором в заголовок публикации. Останется понять, что автор подразумевает под *грозой* и *осадками*. Можно предположить, что по завершении чтения этой статьи адресату предстоит сложная мыслительная деятельность.

Является ли удачным данный приём отсутствия референции, сознательно примененный автором, однозначно сказать сложно. С одной стороны, с его помощью читателю транслируется имплицитная информация, и стимулируется

когнитивная деятельность адресата по её дешифровке. С другой стороны, адресат может не понять скрытой референции и не установить связи между последним абзацем и всем текстом. В любом случае данный пример свидетельствует о поисках авторами политических блогов новых способов воздействия на адресата, среди которых применяются и нарушения связности текста.

Подвергается трансформациям и такой механизм связности текста, как **субституция**. М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан характеризуют субституцию как замену в тексте одного элемента другим [Halliday 1976: 88]. М.С. Володина отмечает, что текст, в котором автором активно и правильно используется субституция, отличается «семантической прозрачностью и синтаксической несложностью» [Володина 2018: 282]. Логично предположить, что в том случае, если правила использования субституции для связности текста нарушаются, «прозрачность» семантики уменьшается, а сложность синтаксиса возрастает. Необходимо разобраться в том, какое влияние это явление может оказать на адресата.

Рассмотрим для иллюстрации пример из блога К. Ремчукова. Это статья «Немота интерпретации происходящего: если не печеньки, то что?» (01.09.2020) [Константин Ремчуков 2021]. Приведём начальные абзацы текста:

Очень долго молодой и свежий диктатор использует против своих оппонентов простые аргументы из серии: Я объективно так хорош для своего народа, что выступать против меня могут только проплаченные агенты иностранных государств, врагов нашей Родины.

Одновременно это и есть главный контент в коммуникации со своим электоратом.

А когда на улицу выходят в мирном протесте сотни тысяч граждан, возникает неожиданное затруднение. Отмахнуться от протестующих и оппонирующих, как агентов Госдепа, Запада, печеньки-поедателей больше нельзя, не катит, потому что все живут по-соседски, на одной лестничной клетке и друг про друга знают примерно всё.

И тогда у диктатора не хватает слов для разговора со своим избирателем, со своей нацией. Немота интерпретации происходящего. Если не печеньки, то что? А поскольку языка общения с оппонентами не было отродясь, то наступает тотальная немота власти. Человеческий язык заменяется пиктограммой, картинкой, как на указателе в общественный туалет. И эта пиктограмма сегодня выглядит так: человек, похожий на Лукашенко, с автоматом...

Далее в статье идёт обсуждение политики президента Беларуси А.Г. Лукашенко и его нелогичного, по мнению автора статьи, поведения после выборов в августе 2020 года. В дальнейшем тексте статьи наблюдаемый нами приём разрушения связности перестаёт применяться.

В процитированном же начальном компоненте можно увидеть, что автор сознательно отказывается от использования субституции, которая помогла бы по-разному называть президента, а также точно и однозначно описывать действия, которые тот совершает. Вместо возможных номинаций *Лукашенко, президент, белорусский лидер* и других К. Ремчуков использует исключительно лексему *диктатор*. При этом характеристики данного *диктатора* таковы, что адресату достаточно сложно быстро догадаться, о ком идёт речь: *молодой и свежий*. Это саркастические характеристики, не соответствующие реальности. В конце организованного данным образом фрагмента появляется сочетание, которое помогает понять, о ком идёт речь, хотя и в нём объект описания пока назван предположительно: «...*Человек, похожий на Лукашенко, с автоматом...*». Неясно, без применения достаточного количества средств субституции, описываются также слова и действия президента Беларуси. Используются и неполные предложения: «*Немота интерпретации происходящего. Если не печеньки, то что?*».

Несомненно, связность нарушается автором статьи намеренно. Блогер хочет, чтобы адресат сам догадался, о чём и о ком идёт речь, а в процессе вдумчивого восприятия текста убедился в нелогичности и абсурдности поведения белорусского лидера. Иначе говоря, абсурдность как результат

ослабления связности в тексте становится средством описания абсурдности как содержательного элемента — особенностей поведения и характеристики происходящего.

Такие приёмы нарушения связности способны становиться прагматическими средствами и усиливать воздействие автора на адресата текста блога.

Правила использования в тексте **эллипсиса** как средства связности нарушаются реже. М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан трактуют эллипсис как «нечто недосказанное», но при этом «хорошо понятое» [Halliday 1976: 142]. В связи с тем, что опущены при эллипсисе могут быть разные элементы предложения, исследователями выделяется эллипсис имени, глагола и предикативной группы [Там же: 147-225].

Употребление в тексте эллипсиса не только служит установлению связности между разными компонентами текста, но и позволяет экономить языковые средства [Фомичева 2020], а также делать высказывание более выразительным [Чайко 2018], поэтому эллипсис в политических блогах является часто используемым языковым инструментом.

Нарушения же в его применении наблюдаются тогда, когда автор не опускает те элементы текста, которые явно являются лишними и опущения которых требует конструкция эллипсиса.

Рассмотрим отрывок из публикации блогера О. Макаренко от 09.09.2020 [Олег Макаренко 2021]:

*Понятно, что равные права не означают равных возможностей: богатый или влиятельный **человек может** значительно больше, а бедный и никому не известный **человек может** значительно меньше.*

Нам представляется очевидным, что в последней части данного предложения необходимо использование эллипсиса предикативной группы, то есть повторяющееся подлежащее и сказуемое *человек может* во втором случае необходимо было опустить. Возможный результат: «...*богатый или*

влиятельный человек может значительно больше, а бедный и никому не известный — значительно меньше».

Повтор вместо эллипсиса в данном случае оказывается необоснованным, не требуется для связности текста или иных целей (усиления выразительности высказывания, уточнения). Повтор только усложняет и утяжеляет высказывание.

Механизм использования **коннекторов** (грамматических средств связи) реже подвергается трансформациям и нарушениям в тексте политического блога. Однако такие примеры всё же обнаруживаются, и каждый из них демонстрирует нам, насколько важны коннекторы для понимания содержания и смысла текста.

Суть коннекторов в том, что с их помощью устанавливаются разного рода отношения между различными частями текста. Это могут быть отношения противопоставления [Кудрявцева 2008], причинно-следственные отношения [Понятина 2016] и т. д. Установление отношений с помощью коннекторов служит цели убеждения адресата, коннекторы «реализуют функции убеждения, обоснования, уточнения, входящие в более общую функцию аргументации» [Там же: 41]. Следует предположить, что неправильное использование коннекторов разрушает логику текста и аргументацию автора.

Мы убеждаемся в этом на примере текста публикации в блоге Г. Зюганова за 24.08.2020 [Геннадий Зюганов 2021]. Это небольшая публикация (заметка) из двух абзацев. Приведём её полностью:

Нас категорически не устраивает голосование в течение 3 дней. Это, конечно, полное безобразие.

Но КПРФ всегда боролась, и будет бороться за справедливые выборы. Мы сделаем все для защиты народного волеизъявления!

Коннекторы представляют собой структурные средства, которые, как уже было сказано, обеспечивают связь между собой двух элементов текста, причём не просто соединяя эти элементы, как референты, а устанавливая между ними значения, зависящие от семантики и языковой роли коннектора. Как отмечают М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан, коннекторы «выражают определенные значения,

которые предполагают присутствие других компонентов в дискурсе» [Halliday 1976: 226].

В этой связи обратим внимание на использование в приведённом примере коннектора *но* — противительного союза, которых должен выражать противопоставление. В данном случае — противопоставление между мыслями, выражаемыми в двух абзацах, поскольку коннектор расположен в начале второго из них.

В первом абзаце адресату представлена мысль о том, что голосование в трёхдневных срок недопустимо. Политику хочется выделить свою позицию и подчеркнуть, что его партия выступает против такого вида голосования, поэтому, видимо, блогер и использует коннектор *но* для ввода следующего абзаца.

На самом деле отношения противопоставления между абзацами и высказанными в них мыслями отсутствуют; скорее, абзацы связаны причинно-следственными отношениями, в связи с чем вместо *но* логичнее было бы употребить коннектор *поэтому*. Передаётся мысль: именно из-за несправедливости трёхдневного голосования партия Г. Зюганова борется за справедливые выборы.

Более того, коннектор *но* вносит в текст противоречия, из-за которых появляется смысл, противоположный запланированному автором. Высказав мысль о том, что *«нас категорически не устраивает...»*, автор далее заявляет: *«но КПРФ всегда боролась»*. Иначе говоря, КПРФ боролась сама с собой, и то, что её что-то *«не устраивает»*, неверно?

Данное нарушение, несомненно, является непреднамеренным, спонтанным. Скорее всего, как большая часть нарушений связности такого типа, данное нарушение отрицательно скажется на восприятии мысли автора адресатом, помешает ему правильно понять политика. Кроме того, из-за неверно используемого коннектора в тексте появляется имплицитная информация: *«Наша партия лучше всех! И всегда такой была! Голосуйте за нас!»*. Данная скрытая реклама способна отрицательно воздействовать на адресата и вызвать у

него реакцию, противоположную той, которую планировал автор. Значит, перед нами пример нарушения прагматической связности.

Рассмотрим ещё один случай использования коннектора *но*, в котором также нарушается связность текста, но совсем другим способом. Приведём отрывок из статьи К. Собчак «Этика Маразма, Этика Ханжества, Этика Лицемерия» (18.07.2020) [Ксения Собчак 2021]:

Мы долго работали в одном кадре. Паша своеобразный человек, и много обо мне говорил плохого после моего ухода с Дождя, много говорил и неправды, а потом звонил (как и большинству на Дожде) в ночи и долго разговаривал, а потом опять говорил плохое, а потом опять извинялся. В какой-то момент я просто перестала подходить к телефону.

Но. Я — за справедливость. Паша все что угодно: алкоголик, любитель преувеличить, фантазер, но он НЕ насильник. И никогда им не был.

В статье блогер объявляет несостоятельными обвинения одного из своих коллег, П. Лобкова, в харрасменте. Как видим, коннектор *но*, как и в предыдущем тексте, связывает информацию, находящуюся в соседних абзацах, и стоит в сильной позиции — начале абзаца. Это отделяет его от предыдущей мысли. Одновременно парцелляция и точка после коннектора отделяют его (графически, визуальнo, содержательно) от следующей мысли. Коннектор становится автономным предложением, и адресату приходится самостоятельно восстанавливать его связи и с тем, что перед ним, и с тем, что после него, то есть самостоятельно выяснять, какие именно компоненты текста коннектор (это для адресата очевидно) соединяет.

Нарушение связности такого вида, в отличие от того, что мы видели в рассмотренном выше примере, является осознанным и преднамеренным. Такое нарушение способствует усилению мысли автора, выделению следующего предложения (которое начинается с личного местоимения *Я*, очень важного при высказывании собственной позиции для К. Собчак) и вообще подчёркивает противоречия, выявляемые блогером в создавшейся ситуации. Такое нарушение связности имеет прагматическое значение и одновременно указывает на

особенности ЯЛ автора текста — её стремление к речевой оригинальности и сознательное выделение собственного Я.

В использовании коннекторов может быть ещё один вид нарушений: первый элемент текста из двух, которые должен соединять коннектор, отсутствует. Особенно очевидно данное нарушение становится, если коннектор находится в начале текста. Приведём для примера первый абзац из публикации А. Рощина «Уникальные 90-е, или Торжество Зависти» (08.09.2020) [Sapojnik 2021]:

А вообще, если вдуматься, то нынешняя атака власти на личность в политике совершенно не случайна; напротив, она полностью соответствует аналогичной атаке на т. н. «олигархов». По сути, это есть прежде всего «атака на самостоятельность», даже точнее — на САМОСТОЯНИЕ, причем как в политике, так и в экономике.

Коннектор *а*, занимая начальное положение в публикации, связывает здесь не одну часть текста с другой, а некие мысли (и слова) автора (и адресатов), высказанные ранее, с теми, которые будут высказаны далее. Первый элемент отсутствует, что указывает на разрушение механизма использования коннектора.

Несомненно, это нарушение является преднамеренным. С его помощью автор имитирует ситуацию живого обсуждения, выдвижения проблемы, которая известна всем и в этом тесном кругу (автор — адресаты блога) неоднократно затрагивалась. Расстояние между автором и адресатами сокращается, последние начинают выступать как добрые приятели, беседы с которыми ведутся постоянно, поэтому и можно начать статью не с начала, а с середины разговора. Имитируется диалогичность, помогающая автору более эффективно воздействовать на адресатов. Нарушение имеет прагматический смысл. Ещё подобный пример. Ср.:

А вот вообразите не очень большую и довольно нищую приморскую страну. В которой правит... пожалуй, не Известно-Кто, а кое-кто похуже. И правит не 18, а 36 лет (а режим держался еще дольше).

Не самый жестокий — даже смертную казнь отменил (а зачем она, если можно медленно убивать в тюрьмах?). Довольно удачливый, не самый глупый — хватило ума, чтобы не скорешиться в свое время с Гитлером (блог Егора Седова, 14 мая 2018).

Нарушения такого типа регулярны в политических блогах. Приведем еще один пример — первый абзац публикации от 31.08.2020 в блоге Б. Рынки [Боженa Рынска 2021] с другим коннектором в начале текста:

***Потому что** общество такое. Леша за нас жизнь свою отдает, а нам почти насрать. Потому что мы — такие. Инертные, пассивные ...*

Публикация, в начале которой находится коннектор, служащий для передачи причинно-следственных отношений, выглядит оригинально, и, несомненно, это является целью автора. Здесь нарушение связности, помимо характерной для данного приема имитации диалогичности и ситуации живого обсуждения, служит передаче интенсивных эмоций автора, то есть моделируется ситуация: автор так сильно чем-то возмущена (в данном случае, отсутствием в России протестов), что не находит времени давать «предысторию» своего вывода и сразу приступает к собственно выводу. Возможно, такая эмоциональность характерна для женского стиля ведения блога, поскольку, по наблюдениям исследователей, в политических блогах «мужчины и женщины сохраняют свою гендерную идентичность» [Карандеева 2015: 174].

Нарушение связности в данном примере также можно охарактеризовать как намеренное, имеющее своей целью привлечь внимание адресата необычным построением текста и синтаксической игрой, основанной на нарушениях связности.

Помимо того, коннекторы могут использоваться слишком часто и не всегда в том случае, когда действительно нужны. Пример видим в публикации «Серые люди в белых халатах» (21.08.2020) блогера А. Ореха [Антон Орехъ 2021]. В финальной части статьи мы наблюдаем, что практически все предложения начинается с коннекторов, которые иногда даже повторяются:

Ведь омская больница не ждала ничего подобного, не готовилась, работала, как тысячи таких же больниц. Но тут на нее обрушился такой «токсичный» пациент, и медики приняли нужную позу — моментально. Но если оставить его здесь, то кто вообще даст гарантии, что доктора не получат прямого указания, насколько старательно им этого больного спасать? У пациентов и родственников на самом деле очень мало прав в России. Но протоколы и регламенты существуют.

Однако вместо полных и внятных объяснений мы слышим противоречащие друг другу заявления, ссылки на врачебную тайну...

Текст перенасыщен коннекторами, причём необходимо отметить, что это не является особенностью языка автора и встречается только в приведённом тексте, то есть о речевой ошибке в данном случае говорить нельзя. Практически подряд три раза использован противительный союз *но*, а союз следующего предложения, начинающегося к тому же с нового абзаца, также противительный — *однако*. Нарушение очевидно: данные фрагменты текста не связаны между собой сильными отношениями противопоставления, демонстрируемыми с помощью союзов.

Как нам кажется, данное нарушение является непреднамеренным, случайным. Немотивированное использование лишних противительных союзов, не являющихся коннекторами по семантике, произошло в результате волнения автора по поводу описываемых событий. Блогер ищет способ разобраться в ситуации, пытается подобрать аргументы. Появление лишних коннекторов — реакция на то, что происходящее кажется ему нелогичным, абсурдным.

В политических блогах можно обнаружить тексты, в которых связность ослаблена в силу того, что используется **минимальное количество средств связности**.

Данный приём можно наблюдать в публикациях многих блогеров. Рассмотрим пример — блог А. Шария [Анатолий Шарий 2021]. Публикация от 09.09.2020 выглядит следующим образом:

Арабская осень. На самом деле осень. Закат. И стремительный.

Адресат наблюдает здесь последовательность мало связанных между собою предложений. Некоторые средства связности всё же присутствуют (лексический повтор *осень*, коннектор *и*), но средства связности использованы действительно минимально. В результате текст составляют короткие, односоставные или неполные предложения, между которыми слабо выражена или вообще отсутствует формальная, логическая и содержательная связь. В результате адресат самостоятельно попытается достроить мысль, восстановить логику рассуждений автора, то есть отыскать, декодировать скрытые, имплицитные смыслы.

Встречаются в политических блогах и другие способы нарушения связности текста. Остановимся на одном из них, который можно отнести к графическим. Данное нарушение рассчитано на визуальное восприятие текста блога адресатом и при устном воспроизведении станет незаметным.

Рассмотрим начальный фрагмент публикации «Броня крепка» (10.09.2020) в блоге Л. Вершинина [Дорога без конца 2021]:

Время от времени меня упрекают в том, что я-де "баню неудобных собеседников", создавая себе в блоге "тепличную обстановку", — и стало быть, "боюсь жесткой дискуссии". Это, разумеется, неправда. То есть, я, действительно, баню часто, но отнюдь не потому, что чего-то боюсь (мой блог гостеприимно открыт для таких жестких оппонентов, как Александр Тищенко или Мамаша Хру, и даже бессмысленное создание под ник-неймом Шталмейстер порой заходит на огонек). Иное дело, что я очень привередлив в смысле санитарии, в связи с чем время от времени делаю уборку, — но значит ли это, что я "боюсь появляться там, где мне могут напихать?". Разумеется, нет.

Что касается графического оформления текста блога, важным является также то, что между абзацами в нём располагается пустая строка, что ещё более отделяет абзацы друг от друга.

Как видим, предложение разорвано, причём «разрыв» произошёл между подлежащим и сказуемым, то есть в месте наиболее тесной связи компонентов

высказывания. По мнению Е.С. Зориной, рассматривавшей роль графического расчленения компонентов текста, «расчлененные конструкции — мостик, смычка между полем читателя и автора, которая работает через воздействие на концептуальном уровне» [Зорина 2019: 84]. Предполагается, что оказание таким текстом воздействия на когнитивную сферу адресата происходит обязательно: ему становится интересно, почему одна часть предложения находится в конце одного абзаца, а вторая — в начале другого; какая именно часть оказалась оторванной; почему автор применил такой странный приём.

Естественно, связь между компонентами текста ослабляется, происходит нарушение связности. Для автора в данном случае это способ привлечь внимание к своему качеству как блогера: *«очень привередлив в смысле санитарии»*.

Л. Вершинин применяет данный прием графического нарушения связности регулярно. Прочитируем также его публикацию «Одна в городе» (11.09.2020) [Дорога без конца 2021]:

В связи с чем

*не могу не обратить внимание на пассажи, помеченные желтеньким,
поскольку*

*выход на улицу объекта,
ранее никогда не ходившего в одиночестве,
без сопровождения именно в этот день*

и "похищение" его

аккурат в том месте,

где случайно оказались журналист МБХ-медиа и (если TUT.by не врет)

какая-то "протестантка",

как минимум,

наводят на размышления...

Мы видим в этом примере, что одно предложение «разорвано» на 11 частей, каждая из которых начинается с новой строки, а в трёх случаях делается пробел в одну строку, дополнительно подчёркивающий нарушение связности. С помощью данного приёма автор добивается эффекта увеличения внимания как ко всему предложению, так и к смыслу составляющих его элементов, отделенных друг от друга графически. Блогер передаёт своё чувство недоверия к излагаемой информации и старается передать данное чувство адресату. Несвязность текста при этом коррелирует с несвязностью (нелогичностью) описываемых автором событий.

Общая особенность, которую хочется отметить после проведённого в данном параграфе анализа основных намеренных и ненамеренных нарушений связности текста, встречающихся в современных политических блогах, состоит в том, что в тех случаях, которые можно охарактеризовать как осознанные, преднамеренные, такие нарушения чаще всего наблюдаются или в начале текста (ближе к началу), или в конце (ближе к концу). Для авторов текстов очевидно, что наибольший эффект нарушения механизма связности будут иметь в текстуальных позициях, отмечаемых учёными как сильные [Замашанская 2012; Стрельцова 2018], — в начале или конце текста. А само нарушение, таким образом выступает как дополнительное средство усиления данных позиций.

Итак, в текстах политических блогов встречаются разнообразные нарушения связности, причём наиболее часто происходит разрушение механизмов референции, субституции, использования эллипсисов и коннекторов. С помощью преднамеренного нарушения связности журналисты транслируют адресатам скрытую, имплицитную информацию.

2.2. Нарушения лексической связности в текстах политических блогов

Связный текст — это текст, элементы которого (слова, предложения, абзацы, части и т. п.) хорошо структурированы и логично соединены. Иначе говоря, связность наблюдается тогда, когда интерпретация одного элемента зависит от интерпретации другого. В п. 2.1. мы увидели, что в текстах

политических блогов встречаются разнообразные примеры нарушения данной закономерности.

Если учесть, что связность служит адекватному декодированию каждого из элементов текста, то можно предположить, что нарушение связности будет препятствовать такому декодированию. При этом необходимо различать намеренные и ненамеренные нарушения связности, которые, очевидно, будут выполнять в тексте различные функции и по-разному влиять на адресата.

М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан выделяют следующие средства лексической связности:

- повтор лексических единиц [Halliday 1976: 282-284];
- коллокация [Там же: 284-288];
- интертекстуальность (аллюзия).

Применение средств лексической связности в текстах разных видов рассматривают М.Л. Авакова, Л.Р. Сардалова [Авакова 2020], М.А. Величко [Величко 2011], С.П. Зубрий [Зубрий 2019], Ф.У. Жаббарова [Жаббарова 2010] и другие исследователи. В то же время вопросы нарушения лексической связности остаются пока недостаточно изученными.

Лексические повторы можно отнести к наиболее часто применяемым средствам связности [Зубрий 2019; Келейникова 2016; Стренадюк 2014]. При повторе слово «имеет один и тот же референт в обоих случаях» [Halliday 1976: 282]. М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан трактуют лексический повтор широко, относя к нему случаи не только собственно повтора, но и использования «того же элемента независимо от того, имеют ли они один и тот же референт или нет» [Там же: 283]. Здесь речь идёт о синонимах, гипонимах, гиперонимах и других лексических средствах полного или частичного повтора семантики референта.

Лексические повторы тесно соединяют между собой элементы текста, и их отсутствие в структуре текста становится причиной нарушения его связности.

Рассмотрим в качестве примера отрывок из публикации А. Бабченко [Аркадий Бабченко 2021]. Автор перечисляет те события мировой политики, которые, по его мнению, положительно скажутся на рейтинге российского

президента. В главной части статьи блогер переходит к прогнозированию того, как в дальнейшем могут развиваться события в мире:

Вхождение Европы в турбулентную стадию. Меркель уходит. Евросоюз трясет на колдобинах. Франция пытается соперничать с Германией и ищет союза в России. Плюс коронавирус. Плюс усталость от газовой и нефтяной войны. Плюс повсеместное прорастание скреп по всем странам. Брекзит. Турция с Эрдоганом (24.06.2020 г.)

Как видим, данный отрывок демонстрирует минимальную связность компонентов текста политического блога, которая как приём блогера уже рассматривалась нами выше (п. 2.1). Тем не менее, этот пример демонстрирует ряд особенностей, в числе которых разноструктурность предложений, нарушающая грамматическую связность текста (назывное — двусоставное нераспространённое — бессоюзное и т. д.); повтор слова *плюс* как средства связи, уместного для разговорной речи.

Но основным, на наш взгляд, приёмом, формирующим структуру данной части текста статьи, является отсутствие лексических элементов связности, причём как в тех случаях, когда данные средства были бы использованы первично, так и в тех, где был бы их повтор. Например, первые три предложения в полном виде могут выглядеть: *«Следующим этапом развития событий могло бы стать вхождение Европы в турбулентную стадию. Затем вследствие этого могла уйти со своего поста Ангела Меркель. В результате Евросоюз затрясет на колдобинах...»*.

Автор сознательно не прибегает ко многим лексическим элементам, опускает их, делая свой прогноз развития событий максимально кратким. Следствием этого становится появление у адресата ощущения неизбежности прогнозируемых фактов, которое скрытно (имплицитно) транслируется ему автором.

Ещё одно средство связи компонентов текста, относимое М.А.К. Хэллидеем и Р. Хасан к лексической связности [Halliday 1976: 284-288], — **коллокации**. Коллокация достигается за счет ассоциации лексических

элементов, которые регулярно сочетаются [Там же: 284]. Данные регулярно сочетающиеся элементы могут образовывать фразеологизмы и другие языковые единицы, второй элемент которых обусловлен первым и появляется в тексте вслед за ним. М.Л. Авакова и Л.Р. Сардалова определяют коллокацию как «устойчивое сочетание слов, состоящее из двух и более компонентов» [Авакова 2020: 147].

Нарушения связности, основанные на коллокациях, могут быть вызваны отсутствием одного из компонентов устойчивого сочетания или заменой его другим компонентом. В одном из анализируемых нами текстов разрушение коллокации выступает как основное средство выразительности. Это публикация Бориса Вишневского «Последняя ошибка Ельцина» (30 декабря 2019). Ср.:

Но, скорее всего, он и сам прекрасно понимал, что надежнее молчать. Не рискуя безопасностью и комфортом себя и родственников.

Через двадцать лет после его последней ошибки Россия, — вопреки тому, в чем Ельцин тогда уверял, — во многом вернулась в прошлое.

С монополией на власть и номенклатурными привилегиями, «министерством правды» и преследованием инакомыслящих, декоративным парламентом и «позвоночным» правосудием, тотальной государственной ложью и отвратительным лицемерием, «негативным отбором» во власть, врагами, якобы осаждающими снаружи, и «национал-предателями», орудующими внутри.

Ещё один способ разрушить коллокацию — расширить её, добавить к ней дополнительные элементы. Устойчивые сочетания имеют стабильную структуру, и введение в их состав новых компонентов, «продолжения», заставляет по-особому взглянуть на фразу и высказываемую с её помощью мысль. Александр Минкин в своей публикации «Послание дрожащим» от 22 февраля 2019 г. пишет:

На рывок способна только команда энтузиастов с горящими глазами; команда, верящая в идею и в лидера. А рождённый ползать — летать не может даже под угрозой расстрела.

Нагляднейший пример — наш футбол. Если команда заряжена на победу — мужики выкладываются, рвутся изо всех сил, а если нет — еле ползают по полю, и многомиллионная зарплата не прибавляет им ни скорости, ни воли к победе.

Вы, жадною толпой стоящие у трона...

Компонент продолжения в тексте блога в одной части введён, а в другой отсутствует, таким образом «домысливается» адресатом.

Блогер Антон Носик в своей публикации «Про Жарова и Дурова: все точки над i» (23.07.2017) использует наиболее частотный в политической блогосфере приём — это аллюзия, понимаемая нами как соотнесение текста с каким-либо известным историческим фактом или литературным текстом. В блог-текстах А. Носика доминирует соотнесение текста с известными художественными произведениями русских и зарубежных классиков: А.С. Пушкина, И.А. Крылова, братьев Гримм. Ср.:

*Свершилось: глава «Роскомнадзора» Александр Жаров написал долгожданное **письмо Татьяны** к Павлу Дурову. И разместил его в открытом доступе на сайте ведомства — вдруг Дуров туда время от времени наведывается, пусть прочтёт.*

Это, на самом деле, очень потешный сюжет — противостояние Жарова и Дурова.

*Потому что оба — фигуры в высшей степени знаковые. Осталось разобраться, **кто из них — Слон, а кто — Моська.***

Кто такой Павел Дуров? 15 лет назад это был интеллигентный питерский юноша, медалист и отличник из профессорской семьи — не бедной, но отнюдь не миллионерской (отец его — филолог-античник Валерий Семёнович Дуров, автор прекрасных литературных биографий Юлия Цезаря и Нерона, успешно переиздающихся уже четверть века). С детства увлекаясь Интернетом, в СПбГУ Павел Дуров учился не компьютерным или математическим дисциплинам, как его старший брат Николай, а английской

филологии и переводу. Это, впрочем, не мешало ему в студенческие годы побеждать на олимпиадах по информатике и дизайну.

Всему, что Павел Дуров знает и умеет (кроме английского перевода), он научился сам, благодаря неуёмной жажде к знаниям и систематической привычке к их получению. Нет ничего удивительного в том, что применение своим огромным интеллектуальным и организаторским способностям он нашёл не на госслужбе и не в рядах олигархических финансово-сырьевых чеболей, а в русском Интернете, который 10 лет назад обладал, как нам тогда казалось, бесконечным потенциалом роста и развития. На этом рынке он в точности повторил американский успех Марка Цукерберга — с нуля создал самую популярную среди молодёжи соцсеть, привлекая в качестве стартового капитала деньги своих сокурсников из миллионерских семейств (в истории ВКонтакте дуровские партнёры Мирилашвили и Левиев повторили успех бразильца Эдуардо Саверина: он тоже миллионерский сынок, который в Гарварде подавал большие надежды и ловко играл на бирже, но 15 лет спустя единственная яркая строчка в его биографии гласит: «в начале нулевых дал умному сокурснику 20.000 долларов на соцсеть»).

Фактически окно возможностей для такого человека, как Павел Дуров, окончательно закрылось в России с аннексией Крыма и войной на Донбассе, но первый звонок прозвенел после событий мая 2012 года на Болотной площади. За фразой Пескова о размазывании печени нелояльных граждан по асфальту Госдуме последовала отмашка «разобраться» с российским Интернетом. Задачи ставились ровно две: что получится, поставить под жёсткий контроль спецслужб. А что не получится — запретить на территории России. Счёт законам, которые в этом направлении принимали за последующие 5 лет, идёт на дюжины, и **горшочек не перестает варить по сей день.**

Нарушение связности в данном контексте предлагает адресату вспомнить истории Слона и Моськи, Татьяны и Онегина, а также известный сюжет о горшочке каши. Именно аллюзия делает блог-текст шире, глубже, информативнее.

Итак, лексическая связность в политических блогах нарушается вследствие изменения механизма использования лексических повторов и коллокаций. Нарушения могут быть непреднамеренными и преднамеренными; последние, как правило, имеют прагматическую направленность, связаны с речевыми намерениями автора, с его желанием передать адресату неявные, скрытые смыслы.

2.3. Нарушения прагматической связности в текстах политических блогов

Прагматическая связность формируется в сознании адресата на основе лексической и формально-грамматической. В её создании участвует предыдущий опыт адресата как читателя и слушателя, стереотипы и языковые соответствия.

Задачей автора текста политического блога является обеспечение необходимой ему реакции адресата на текст, поэтому соблюдение прагматической связности ему необходимо. В то же время блогер может полагать, что намеренные нарушения прагматической связности могут, напротив, дополнительно усилить прагматический эффект текста.

И лексическая, и прагматическая связность могут классифицироваться в тексте блога либо как ошибка автора, либо как стилистическое текстуальное средство, призванное деавтоматизировать восприятие текста адресатом, передать ему скрытые смыслы текста, привлечь его внимание и оказать на него воздействие.

Нарушение прагматической связности видим в тексте «Предвыборный хайп на коммуналке» (15.02.2019) из блога С. Никитского [Сергей Никитский 2021]. Текст состоит из семи абзацев, в первом из которых блогером ставится проблема — *«Вопрос обеспечения бесперебойной работы системы ЖКХ — болезненный для любого крупного города»*. В следующих пяти абзацах последовательно рассказывается о различных проблемах ЖКХ — сложностях с вывозом мусора, проблеме неплатежей и т. п. Компоненты текста связаны

разными средствами — повторами лексических единиц (*коммунальщики*), однокоренными словами (*неплатежи — платит — платёжкам — заплатит, жилищно-коммунальные — коммунальщики — коммуналка*) и т. п.

Ожидаемым результатом обзора проблем ЖКХ, проведённого в тексте, должен был, очевидно, стать вывод, также касающийся ЖКХ, однако последний абзац посвящён политической проблеме. Причём начинается абзац с резкого обвинения: *«Впрочем, говорить о правильности или неправильности человеку, который считает возможным и “нормальным” уничтожать славян, если есть такая цель, смысла нет»*. Лексема *человек* и следующее за нею сочетание *оппозиционный политик*, на первый взгляд, совершенно не связаны с предыдущими частями текста. Адресату сложно догадаться, в чей адрес брошено обвинение. Только возврат к четвёртому абзацу позволит увидеть в нём упоминание об *«активистке и депутате Лефортово Александре Андреевой»*. Однако дистанционное расположение данных компонентов текста мешает адресату соотнести их, и в результате прагматическая связность значительно ослабляется или, скорее, утрачивается. Текст, компоненты которого не связаны, не может оказывать на адресата необходимое воздействие, и автор не может достичь коммуникативной цели.

В данном тексте мы видим спонтанное (непроизвольное) нарушение связности. Автор не планировал его, и данное нарушение является ошибкой, которая, скорее всего, будет препятствовать восприятию основного смысла текста адресатом, а значит, нарушение носит прагматический характер.

Нарушение может быть и намеренным. Рассмотрим для демонстрации этого текст статьи *«Способы закручивания гаек, общественные оборотни и административный маразм»* (03.09.2020) в блоге А. Златкина [Алексей Златкин 2021]. В начале текста задаётся его тематический посыл:

В связи с Белоруссией и Хабаровском атака на общественность началась по всем фронтам с использованием всех средств сверху донизу и коснулась сейчас не только самых видных общероссийских публичных персон, но и регионального и местного уровня.

Становится очевидно, что в тексте будут последовательно описаны *атаки на общественность*, которые происходят в стране. И, действительно, мы видим перечень фактов, приводимый автором относительно *публичных персон местного уровня*, проживающих в Татарстане (Казани). Особенностью описания ситуаций является то, что автор не называет имена их главных участников, главных действующих лиц. Вместо этого в тексте звучат референты: «*независимые ранее журналистки*», «*эту журналистку*», «*другая*», «*у одного*», «*там был арестованный*», «*для задержания одного уголовника*», «*наркоман, которого три дня выворачивало в постели*» и т. п.

Автор опускает имена и другие сведения, которые конкретизировали бы информацию, сознательно, о чём говорит следующая его фраза: «*Имен называть смысла нет, здесь они и так известны*». Под словом *здесь* понимается в Татарстане (в Казани).

Отсутствием имён и других характеристик, которое можно оценить как нарушение связности текста, автор пытается достичь следующего.

Во-первых, блогер сознательно создаёт имитацию публикации, выполненной в условиях цензуры. Адресатам транслируется мысль: «*Я не могу назвать имена. Это запрещено цензурой*». Этот посыл представляется нам ложным, поскольку в других публичных сообщениях описанные А. Златкиным факты представлены без купюр, кроме того, цензура в современной России не имеет значительного влияния на блогера, по крайней мере в изложении фактов регионального масштаба.

Во-вторых, автор ищет в адресатах единомышленников и союзников, транслируя им мысль: «*Вы — жители Татарстана. Вы владеете ситуацией и знаете, о ком идёт речь*». Этот посыл также представляется нам неудачным, поскольку текст адресован аудитории всей России, а не только Татарстана (статья опубликована в федеральном СМИ). Таким приёмом автор может оттолкнуть значительную часть адресатов.

В-третьих, автор опускает имена, убеждая адресата: *«Не важно, как зовут данных людей. Таких фактов множество, они типичны, и имена можно подставить любые».*

Возможно сочетание всех обозначенных посылов как комплексное речевое намерение автора. В любом случае мы видим, что сознательное нарушение связности (представляющее собой неудачную экзофору с неясным семантическим источником) в данном тексте является прагматическим. С его помощью автор усиливает своё влияние на адресата, создаёт условия, в которых адресат проникнется его идеями, станет единомышленником.

В данном тексте экзофора становится основным средством связности, в других может применяться только в каком-то одном структурном элементе статьи. Рассмотрим отрывок из публикации Д. Митиной «Трагедия как повод. Кто раскачивает Южную Осетию?» (01.09.2020) [Дарья Митина 2021]:

То, что Россия считает РЮО де-факто своим субъектом федерации, тот ещё секрет Полишинеля. У нас даже целое подразделение в Администрации Президента есть по взаимодействию с Абхазией и Южной Осетией, а до недавнего времени целый помощник Президента был, нагруженный этим функционалом. Правда, не слишком преуспел, за что и изволил выйти вон.

Референтом является сочетание *целый помощник Президента*, называющее некоего человека, который должен, по замыслу автора, быть известен адресату, тем более, что рассказ о нём содержит целый ряд подробностей, в том числе упоминание о его отставке: *«Правда, не слишком преуспел, за что и изволил выйти вон».* Однако мы считаем, что механизм экзофоры построен с нарушениями: далеко не каждый адресат будет знать, что речь идёт об экс-помощнике Президента РФ по вопросам социально-экономического сотрудничества с государствами СНГ, Абхазией и Южной Осетией В.Ю. Суркове. Данное направление внешней политики России не является приоритетным, а данный политик — не является лицом, широко известным всем потенциальным адресатам блога.

Тем не менее, прагматическое воздействие текста на адресата в этом случае может быть сильнее, чем в рассмотренном выше примере. Во-первых, приём используется как один из механизмов связности, а не основной (практически единственный). Во-вторых, нарушение механизма экзофоры менее очевидно: адресат может просто пропустить данный момент текста, не обратив внимание на то, что речь идёт о каком-то политике, с деятельностью которого адресат незнаком. В этом случае автору удастся оказать прагматическое воздействие на адресата, подчеркнуть: *«Неважно, как зовут главу подразделения, главное, что оно существует»*.

Как и другие механизмы связности, экзофора может разрушаться и непреднамеренно, и преднамеренно. Во втором случае могут быть как коммуникативно неудачные примеры, так и вполне удачные. Второе, в частности, происходит, когда автор статьи с помощью экзофоры пытается обойти цензурные ограничения.

Рассмотрим для примера текст от 20.08.2020 г. из блога Ксении Собчак. Отметим, что исследователей очень привлекает этот блог с точки зрения стратегий взаимодействия автора с адресатами, учета их потребностей, проявления ЯЛ автора и т. д. В то же время блог интересен с точки зрения сознательного использования автором средств связности и их нарушений.

Автор весьма успешно использует субституцию для создания дисфемизма (в этой роли выступает номинация «домашние коты», такой дисфемизм изначально нейтральное понятие «обращает» в обценную лексему), который после данной публикации, возможно, станет популярным в сети интернет. С помощью экзофоры устанавливается связь текста с элементами вне текста, находящимися в культурном и информационном поле адресата. Как отмечают М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан, слушателю всегда доступно гораздо больше доказательств для толкования предложения, чем содержится в самом предложении [Halliday 1976: 142]. Ср.:

... «самовыдвиженцы» уже давно не способны ни с кем бороться, даже не потому, что они плохие, а просто потому, что у них нет никаких навыков

политической борьбы. Они как *домашние коты*, которые давно не ловят никаких мышей и только *жрут* бюджетный корм. И главная трагедия как раз в этом.

Пример нарушения прагматической связности обнаруживаем в публикации В. Шклярова «С Днём парада!» (24.04.2020) [Виталий Шкляров 2021]. Здесь отсутствует формальная связь между заголовком статьи и её текстом.

С Парадом Победы статья связана только датой своего выхода (в этот день состоялся парад) и последней фразой: «С праздником, кстати. С Днём Парада!». Сам же текст статьи посвящён наиболее важному событию того периода — предстоящему референдуму по поводу поправок в Конституцию Российской Федерации. Связь между заголовком и текстом отсутствует, на наш взгляд полностью: и явная, и скрытая. Воздействие такого текста на адресата может быть оценено негативно: посетители блога, увидевшие заголовок и захотевшие получить информацию именно по заявленной в нём теме, данной информации при чтении статьи не получают. Это способно снизить прагматическую ценность текста, оттолкнуть от него адресатов.

Ошибка в соблюдении категории связности текста в данном случае скорее всего связана с небрежностью журналиста. Работая в формате блога, более свободном, чем формат печатных или даже электронных СМИ, автор не учёл фактора «дотекстового ожидания адресата» [Ким 2009: 48], формируемого, в числе прочего, посредством заголовка статьи.

В результате планируемый и реальный прагматические эффекты оказались различными, не совпали, что явно свидетельствует о нарушении прагматической связности.

Интересным способом нарушения прагматической связности текста в политических блогах является несоответствие текста публикации и фотографии, которая его иллюстрирует. Пример видим в блоге Е. Ройзмана, в публикации от 11.09.2020 [Евгений Ройзман 2021]:

Решили завтра провести приём по адресу Толмачёва 11.

Начнём в 10.00 и до конца. Понятно, со всеми мерами предосторожности — маски и всё такое.

Если вдруг нужна помощь, или сами хотите людям помогать — приходите.

Всем добра и удачи.

Фотку просто так поставил. Это мы с Мишей Брусиловским. Как мне его не хватает...

Действительно, публикацию иллюстрирует фотография, на которой изображены Е. Ройзман и художник М. Брусиловский, скончавшийся в 2016 году. Фотография полностью не соотносится с текстом публикации, однако связана с личностью автора. С её помощью Е. Ройзман демонстрирует адресатам, что его блог является личным пространством, а также пространством свободного изъяснения своего мнения, не ограниченным строгими правилами, допускающим неожиданные проявления искренних человеческих чувств.

Структурная несвязность компенсируется тем прагматическим эффектом, который данный приём будет, по мнению автора, оказывать на адресата. Во-первых, привлечёт внимание к образу собственно автора и тем самым повысит внимание к его деятельности, о которой говорится в посте. Во-вторых, внесет в восприятие адресата ощущение свободы самовыражения. В-третьих, установит референцию с образом М. Брусиловского, о котором адресатам после чтения статьи и просмотра фотографии, возможно, захочется узнать побольше. Исходя из этого, данное нарушение связности мы характеризуем как преднамеренное, осознанно использованное автором и способное оказать прагматическое воздействие на адресата.

Итак, нарушения прагматической связности наблюдаются тогда, когда текст не оказывает на адресата ожидаемого автором прагматического эффекта, когда адресат не может (или ему трудно) дешифровать заложенный автором в текст смысл.

2.4. Зависимость категории связности текста от особенностей языковой личности блогера

В ходе проведённого в данной главе (пп. 2.2 и 2.3) анализа нарушений лексической и прагматической связности становится очевидно, что у разных авторов политических блогов эти нарушения могут иметь специфику. В данном параграфе сконцентрируем внимание на отличиях, зависящих именно от языковой личности автора.

Интересный пример зависимости категории связности текста от особенностей ЯЛ автора политического блога представлен в публикациях Д. Быкова [Дмитрий Быков 2021]. Автор осознанно использует приёмы нарушения связности, причём делает это достаточно редко, что только увеличивает эффект от приёма.

Например, в статье «Остается одно, непостижимое и необъяснимое. Они боятся Дмитриева» (28.07.2020), посвящённой судебному процессу по поводу действий Юрия Дмитриева, автор в нескольких абзацах излагает своё мнение о данном персонаже, в основном положительное. Затем, уже перед заключением, читаем в статье два абзаца:

Остается одно, непостижимое и необъяснимое. Они боятся Дмитриева. Эта машина действительно выскакивает из колеи, наткнувшись на настоящий, истинно твердый камень. Они сдают назад тогда, когда видят массовое негодование или когда им в челюсти вдруг попадает неразгрызаемое. Как ответил мой сын на вопрос, почему они там, на Соловках, в экспедиции киношколы, слушались Дмитриева, выходили с ним бегать по утрам и вовремя укладывались при отбое: «Ты Хоттабыча видел?».

Видел.

В данном отрывке представлен диалог, который мог бы при правильном оформлении выглядеть следующим образом:

– Ты Хоттабыча видел?

– Видел.

Однако с тем оформлением, которое использовано в статье, слово «*Видел*», вынесенное в отдельный абзац, явно представляет собой неполное предложение, связи которого с остальным текстом нарушены. Предложение «*Видел*» не воспринимается как ответ в диалоге, становится неясно, какие именно лексические элементы в нём опущены. В результате предложение получает статус морального вывода: «*Да, Дмитриев очень похож на Хоттабыча, и этим он привлекал подростков. Выйти из поля его влияния, не подчиниться его харизме было невозможно*».

Примеры неполных предложений, вынесенных в отдельный абзац и выступающих как выводы, обнаруживаются и в других публикациях Д. Быкова. Так, в статье «*Виноваты все, но только не мы*» (23.06.2020) последний абзац:

Насчет будущего — тоже.

Последний абзац и высказанная в нём мысль неожиданны, так как посвящены не прошлому — теме публикации и критикуемой в ней статьи, а будущему. Причём эта новая тема только названа, не развита, в отличие от основной темы статьи, а адресату предстоит самостоятельно обдумать брошенную автором, словно случайно, короткую фразу, являющуюся неполным предложением.

Формально последнее предложение связано с текстом: с помощью антонимов (*прошлое — будущее*), эллипсиса и коннектора *тоже*. Однако его можно охарактеризовать как катафору, механизм которой разрушен, а последующий элемент, на который даётся ссылка, отсутствует.

Наличие примеров в разных публикациях показывает, что стремление выделить главную мысль в отдельный абзац, состоящий из краткого (порой однословного) неполного предложения с нарушенными механизмами связи с остальным текстом, является для Д. Быкова одним из механизмов создания выразительности.

При этом и другие нарушения связности становятся для Д. Быкова способом языковой игры. В остальных абзацах блогового текста по-прежнему многократно повторяется местоимение *он*, то есть приём разрушения анафоры

распространяется на весь текст. Цель нарушения связности в данном случае — создание иронии.

Использование Д. Быковым языковой игры, основанной на нарушениях связности, можно охарактеризовать как особенность коннотативного уровня его ЯЛ. Этот уровень дополнительно к вербально-семантическому, когнитивному и мотивационно-прагматическому, названным Ю.Н. Карауловым [Караулов 1989: б], выделяет ряд исследователей, в частности, М.В. Власкова в диссертационном исследовании, посвящённом ЯЛ бывшего сельского жителя. М.В. Власкова рассматривает в качестве составляющей данного уровня ЯЛ эмоциональный компонент [Власкова 2012: 8]. Языковыми проявлениями коннотативного уровня ЯЛ, по мнению исследователя, являются эмоционально и экспрессивно окрашенная лексика, образность и её языковые средства [Там же: 15]. Языковая игра, в том числе игра, основанная на нарушениях связности текста, относится к образным языковым средствам языка.

При этом нарушения связности текста в статьях Д. Быкова всегда происходят преднамеренно и служат прагматическим целям автора — помогают ему влиять на восприятие информации адресатом.

Итак, в случае регулярного сознательного нарушения связности текста автором политического блога этот приём может стать особенностью его языковой личности.

Выводы по содержанию главы 2

Текст, обладающий связностью, — это текст, составляющие части которого (слова, предложения, абзацы, части и т. п.) находятся между собой в тесных логических, содержательных, семантических, стилистических и структурных отношениях. При этом смысл каждого компонента текста зависит не столько от собственной семантики, сколько от того, в соотношении с какими другими элементами текста (а также внетекстовыми элементами) этот компонент находится.

В текстах политических блогов встречаются примеры нарушения данной закономерности. Если нарушение спонтанное, непреднамеренное, то, как правило, препятствует адекватному декодированию текста, мешает автору передать адресату ту информацию, которую блогер намеревался передать и с помощью которой планировал оказать воздействие. Однако встречаются случаи намеренного нарушения связности, обусловленные выстраиванием автором индивидуальной стратегии воздействия на адресата.

В различных механизмах связности, действующих в тексте (таких как референция, эллипсис, субституция, повторы, коллокации, использование коннекторов), нарушения отмечаются с разной степенью регулярности. Чаще всего нарушается референция — анафора, катафора и экзофора. Вводя в текст только один из компонентов механизма референции и опуская другой, автор добивается того, что именно на оставшийся элемент текста обращает свое внимание адресат, стремясь восстановить опущенный семантический источник референта. Данный приём чаще всего является преднамеренным, и журналист, используя его, рассчитывает на необходимую ему реакцию адресата.

Помимо механизма референции, трансформациям в тексте политического блога подвергаются субституция, эллипсис, использование коннекторов. Встречаются также нарушения связности, основанные на отсутствии средств связности или минимальном их количестве, нарушения с помощью графических средств и т. д.

Нарушения связности могут носить лексический и прагматический характер. Нарушения лексической связности могут происходить в результате отсутствия лексических средств связности, в первую очередь средств лексического повтора (собственно повторяющихся слов, синонимов, гипо- и гиперонимов и др.); в результате трансформации коллокации (отсутствия одного из компонентов устойчивого сочетания, замены его другим элементом, расширения коллокации). Наблюдается небрежение средствами связи, устанавливаемыми на лексическом уровне между компонентами текста, или сознательное их опущение.

Нарушения прагматической связности могут наблюдаться в случае, если текст не способен оказать на адресата воздействие, планируемое автором. Так происходит, когда автор намеренно вводит в текст элементы лексической и / или формально-грамматической несвязности, которые не достигают своей цели, поскольку автором не учтены законы построения текста или культурные особенности адресатов, их фоновые знания. На первый план выходят цели блогера, который, чтобы оказать впечатление на адресата, варьирует связность текста, и в результате влияние автора на адресата значительно меняется или в лучшую, или и в худшую сторону.

Преднамеренное нарушение связности, как и её соблюдение, может стать элементом авторской самопрезентации и служить характеристике ЯЛ автора политического блога. Посредством сознательного нарушения связности автор блога может позиционировать себя, к примеру, как творческую личность, для которой нарушения связности текста — оригинальный способ языковой игры (Д. Быков).

Сознательные нарушения связности текста свидетельствуют о том, что авторами политических блогов ведется поиск новых механизмов воздействия на адресата, к числу которых относится и обыгрывание нарушений связности. Такие нарушения становятся языковой игрой и средством выразительности. В этом случае часть информации, важная с точки зрения автора, начинает транслироваться адресату не прямо, а скрыто, имплицитно, и ему приходится прилагать когнитивные усилия для дешифровки скрытого смысла. В результате воздействие на адресата становится более эффективным, поскольку адресат осознанно воспринимает информацию, «присваивает» её, начинает считать себя её полноценным автором. Внушение становится менее демонстративным и более результативным.

В данной главе мы регулярно высказывали предположения о том, как отреагирует адресат на ту или иную публикацию с нарушением лексической или прагматической связности, какое воздействие окажет на него статья, будет ли достигнута прагматическая цель автора. Этот вопрос требует более

внимательного изучения с использованием метода эксперимента (опроса потенциальных адресатов текста и анализа его результатов), что и станет одной из наших целей в следующей главе.

ГЛАВА 3. НАРУШЕНИЯ СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА В ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГАХ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

3.1. Категория связности и её нарушение в текстах политических блогов разных лет

Сравнение текстов, которые представлены в политических блогах в настоящий момент, и текстов, которые были опубликованы 5-10 лет назад, позволяет выявить закономерности в соблюдении и нарушении категории связности, поэтому в данном параграфе мы обратим внимание на этот аспект проявления связности.

В первую очередь интересно оценить воплощение категории связности в текстах разных лет, представленных в блоге одного и того же автора. Например, сопоставим тексты разных лет, написанные М. Захаровой [Мария Захарова 2021]. Проведём данное сопоставление на примере двух текстов: «О терроризме, Украине, но не сразу» (9.02.2015) и «Вопрос к Зеленскому: а пустите?» (10.12.2019).

В первом тексте автор подходит к основной мысли через несколько примеров, ассоциативно весьма опосредованно связанных с темой публикации. Сначала адресат вместе с блогером наблюдает сцену ссоры двух водителей, произошедшую в Манхеттене в 2007 году, в ходе которой один из водителей оскорбил другого с помощью слова *Талибан*; затем узнаёт, что «*всего несколько дней назад заместитель пресс-секретаря Обамы Э. Шульц заявил, что Белый дом НЕ считает Талибан террористической организацией*». После этого М. Захарова концентрируется на том, чтобы доказать: Талибан — террористическая организация. Данные доказательства представляют собой последовательность фрагментов, тематически и структурно мало связанных друг с другом. Средства связности между этими фрагментами нами не выявлены.

С одной стороны, для адресата может быть занимательно воспринимать такой текст, в котором, несомненно, содержатся значительные нарушения

категории связности. Ему, скорее всего, станет интересно, какой же вывод последует. Ср.:

И теперь пусть только кто-нибудь из американской администрации попробует завести разговор, что ДНР и ЛНР — это террористы. Раз Талибан — это «вооруженные повстанцы», то ополченцы Донбасса — это авраамы линкольны, борющиеся за отмену рабства на территории юго-восточных штатов.

С другой стороны, обозреватель слишком долго ведёт адресата к этому выводу, и последний может утратить связь между смысловыми блоками текста, практически не объединёнными средствами лексической связности. Адресату в 2015 году предлагается самостоятельно устанавливать структурную и смысловую связь между частями текста. Журналист опирается при этом на внимательного и наблюдательного адресата и предполагает, что адресат неотрывно следит за его мыслью и движется вместе с ним, следуя за скрытой логикой.

Иначе обстоит дело во втором тексте, тоже посвящённом проблеме политических отношений с Украиной, — «Вопрос к Зеленскому: а пустите?» (10.12.2019). Текст меньше по размеру, и все его элементы тесно связаны друг с другом средствами лексической связности. В начале текста автор цитирует слова президента Украины В. Зеленского о том, что журналисты могут свободно приехать на Украину, чтобы *«посмотреть, походить ножками, ручками, глазками»*. А затем последовательно опровергает данное утверждение и доказывает, что *«российских журналистов не пускают на территорию Украины»*. Средствами лексической связности выступают встречающиеся во всех частях текста повторы (*ножками и ручками, ножками и глазками*), синонимы (*не пускают, задерживают и депортируют, не выпускают из самолета, не дали покинуть аэропорт*). Повторяется фамилия президента Украины (*Зеленский, господин Зеленский*), используется прономинализация — с данной фамилией соотносятся местоимения (*Вы, своё*) при прямом обращении к президенту в конце текста.

Тесная связь компонентов текста обеспечивает «линейность информационного потока» [Величко 2016: 39], который адресат воспринимает напрямую. Текст в данном случае становится понятным адресату любого уровня, поскольку не требует дополнительных усилий по дешифровке заложенного в нём смысла.

Схожую ситуацию наблюдаем также в блоге А. Минкина. Тексты, созданные 5-10 лет назад, нередко демонстрируют различные нарушения связности. Это может быть трансформация в области экзофоры (установлении связи с какими-то фактами и объектами, находящимися вне текста). Ситуативная референция нарушается тогда, когда предмет публикации, событие, являющееся причиной создания текста, не называется.

Такое нарушение видим, например, в статье «Пробка нашей мечты» (29.01.2012) [Александр Минкин 2021]. В ней, действительно, рассказывается об одной из московских пробок и о том, как вели себя в ней люди. Приведём текст полностью:

В воскресенье внутренняя сторона Садового кольца ползла и гудела. Пять километров в час. Машины в три ряда. Никто никого не подрезает, не материт, все друг другу улыбаются.

В жизни не видел, чтобы так вежливо ездили в Москве. Правый ряд оставили автобусам-троллейбусам. Левый ряд оставили тем, кто спешит. А если даже и не спешит, но не с нами (белой ленточки нет, плакатов нет) — пусть едет.

Мы ехали как люди не потому, что опасались ГАИ или еще чего-нибудь. Мы вели себя правильно, потому что так хотим. И хотим, чтобы власть вела себя правильно. И мы заставим ее вести себя правильно.

В воскресенье москвичи доказали, что им не требуется разрешения властей на то, чтобы быть людьми. Захотели — и поехали.

С точки зрения доходов народ ехал самый разный — от битого «жигуля» до роскошных иномарок (а у некоторых иномарок такие роскошные номера,

которые бывают дорожке машины). Но с политической точки зрения народ был един.

А на тротуарах стоял безлошадный народ (или те, кто успел с утра принять на грудь и за руль сесть не отважился). Стояли пожилые, стоял молодежь, стояли красивые девчонки, они нам махали, а мы им бибикали.

Предыдущий раз, когда москвичи сами вышли на улицы махать проезжающим машинам, случился в 1961-м. Гагарин вернулся из космоса. Тоже было всеобщее счастье.

Мы видим, что в данном тексте не названа та контекстная информация, которая объяснила бы, о какой пробке говорится. Несомненно, речь идёт о какой-то политической акции, но о какой именно, сейчас, по прошествии нескольких лет, сказать уже сложно. Скорее всего, данное нарушение не выглядело таковым (по крайней мере, для большинства адресатов) в момент публикации поста, то есть автор, не называя напрямую предмет обсуждения, был уверен, что каждый адресат находится в едином с ним информационном поле. Такое нарушение, очевидно, является намеренным и демонстрирует уверенность автора в том, что читатели находятся в едином с ним информационном поле.

В приведённом тексте видим и другие, более частные случаи нарушения связности. Хотя лексическая связность установлена автором вполне убедительно (различные части текста связаны с помощью синонимов: *гудела — бибикали, ползла — ехали*; повторов: *хотим — хотим, вела себя правильно — вести себя правильно, народ — народ, стоял — стояли, махал — махали*; однокоренных слов: *ехали — поехали*), а также используется морфологический приём прономинализации (*люди — мы*), синтаксическая связность во многих частях текста нарушена. Автором активно используется парцелляция, «рваный» синтаксис, вводятся в текст отрывочные предложения. Такой синтаксис имитирует разговорную речь, неподготовленность, нацелен на то, чтобы продемонстрировать быстроту реакции автора на событие, в условиях которой не проработан основательно синтаксис текста, а также его эмоциональность, способная, очевидно, вызвать ответные эмоции адресата.

Автор использует приём «потока сознания», будучи полностью уверен, что его адресаты поймут высказанные им мысли и идеи, поскольку равны ему, находятся на одном уровне по способности к осмыслению действительности. Таким образом построены основная часть рассмотренных нами публикаций А. Минкина за 2010-2014 годы.

Иную ситуацию наблюдаем в блоге того же автора последних лет. Нарушений связности становится меньше, автор стремится максимально понятно и доступно изложить информацию и старается не нарушать, даже осознанно, связности.

Приведём характерный отрывок из текста, в котором содержится одна из приводимых автором цитат, прослеживается логика и очевидны приёмы структурной связности текста:

Что касается разгорячившегося П. Толстого, его, похоже, ждут неприятности. Он стал не просто одиозной фигурой, он стал объектом юридической атаки. Надеемся, она будет беспощадной, поскольку за дело взялся главред «Эха Москвы». Вот официальное сообщение:

ТАСС. «Зампредседателя Госдумы Петр Толстой должен быть наказан за оскорбление жителей блокадного Ленинграда» — сказал в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» главный редактор Алексей Венедиктов.

Все части текста связаны между собой, логичны, нет «рваного» синтаксиса. Перед адресатом — не «поток сознания», а продуманная и выверенная статья, в которой в результате логика звучит громче, чем эмоции автора.

Динамика категории связности, отмеченная нами в текстах разных лет из блога одного автора, проявляется в том, что средства связи компонентов текста начинают использоваться блогером более последовательно и явно с целью облегчить восприятие адресата. Автор текста уже не ориентируется на подготовленного адресата, который способен самостоятельно проследить за мыслью автора и установить связность в тексте. Наблюдается переход от

скрытой связности к явной, выраженной комплексом предназначенных для этого языковых средств.

Можно предположить, что по прошествии нескольких лет, когда новые события затмят те, которые описаны в посте А. Минкина, текст будет оставаться понятным для адресатов, поскольку в ходе его создания не нарушены правила связности, вся информация излагалась последовательно, логично, убедительно.

Мы проанализировали хронологическую динамику категории связности (отличия в связности текстов политических блогов, наблюдаемые в зависимости от времени создания текста) и представили свои подсчёты в виде диаграммы на рисунке 3.1. Количество нарушений категории связности посчитано от общего числа текстов.

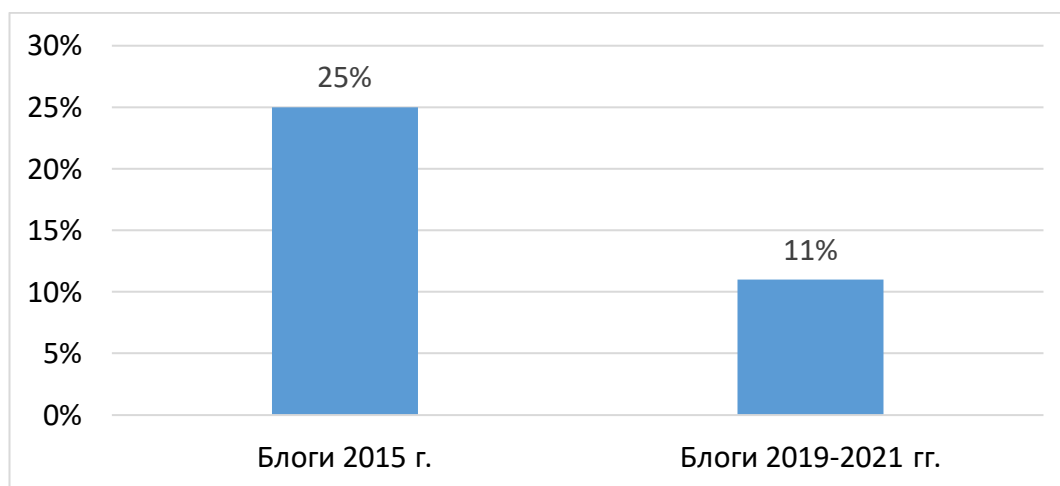


Рисунок 3.1 — Количество текстов с нарушениями связности в политических блогах разных лет

Выявленные нами изменения в категории связности политических блогов разных лет могут быть оценены по-разному. Во-первых, данные изменения показывают, что в политических блогах менее явным и интенсивным становится эмоциональное авторское начало. Во-вторых, блогеры так выстраивают своё речевое поведение, словно ощущают постепенное снижение уровня подготовки адресатов. Предположение о том, что адресаты не способны понять мысли, высказанные непрямо, в том числе посредством нарушений связности текста, диктуют авторам блога необходимость говорить более однозначно, чётко,

просто. Говорить в данном случае о повышении уровня грамотности авторов блогов не стоит, поскольку речь идёт именно о преднамеренных нарушениях связности текста, которых в блогах становится всё меньше. Впрочем, количество непреднамеренных (ошибочных) нарушений связности тоже снижается, и в этом случае, действительно, речь может идти о большей проработанности текста, лучшем его редактировании и корректуре. Кроме того, сопоставляя блоговые тексты разных лет, нетрудно заметить, что усиливается такая тенденция: «среди политиков, ведущих блоги, в большей степени известны не представители официальной власти, а оппозиционеры, для которых основной задачей ведения блога становится привлечение сторонников своих взглядов с целью информирования, координации действий, пропаганды своих идей, контрпропаганды и борьбы против политических оппонентов» [Китанина, Гезельбаш 2019: 62]., и если встречается намеренное нарушение связности — оно прагматическое. С одной стороны, автор текста понимает, что намеренное нарушение связности может повысить эффективность текста, усилить его воздействие на адресата, с другой — опасается допускать такие нарушения, способные сделать создаваемый текст непонятным для читателей. Эта ситуация демонстрирует тенденцию к снижению значимости нарушений связности как одного из прагматических средств воздействия на аудиторию.

3.2. Категория связности и её нарушение в политических блогах разных видов и жанров

Сходство и отличия с точки зрения категории связности отмечаются в блогах разных видов и жанров, а именно: в коллективных и персональных политических блогах; в таких разновидностях политического блога, как публичный дневник, блог-дайджест, микроблог и авторский журналистский блог.

Между разновидностями политических блогов есть сходство и отличия, которые зависят как от языка автора блога, особенностей его ЯЛ, так и от видовой и жанровой разновидности блога. Сходство и отличия связаны в первую

очередь с используемой автором лексикой, характерными для него выражениями, грамматическими формами и средствами образности, а также проявляются в следовании или неследовании автором правилам связности.

Например, блог В. Наганова, который ведётся на платформе Livejournal, — это наиболее распространённая разновидность блога — личный дневник. Блог как интернет-явление создавался именно в формате публичного дневника, в который автор блога регулярно добавляет записи (посты), описывая в них наблюдаемые им лично события, оценивая их, высказывая своё мнение делая и оценки. Анализ категории связности в блоге В. Наганова показывает, что нарушения, которые здесь встречаются, чаще всего произвольны и представляют собой ошибки автора.

Так, в посте «Кто представляет основную опасность на массовых акциях?» (12.06.2019) [Владислав Наганов 2021] в середине текста читаем абзац:

Посудите сами. Бесчисленные немотивированные массовые нападения на заведомо мирных людей, избиение их дубинками, закидывание в автозаки, отсидки в «обезьянниках» и несправедливые суды, штрафы либо даже аресты... Это — всё то, что постоянно сопровождает уличные мероприятия в РФ, особенно если они «не согласованы» (что, естественно, является нарушением конституции, которая в РФ ценится не дороже, чем бумага, на которой она напечатана).

Анализ последнего предложения абзаца, заключённого в скобки, показывает, что в нём нарушены правила связности. Местоимение *что*, которое здесь использовано, соотносит предложение с предыдущим элементом текста «особенно если они “не согласованы”» (то есть получается, что нарушение конституции — несогласованность уличных мероприятий), в то время как автор явно хотел сказать другое и связать предложение в скобках со всем абзацем (передать мысль о том, что нарушение конституции — запрет уличных мероприятий). Вследствие нарушения категории связности в тексте формируется иная и даже противоположная мысль. Нарушается связность текста, которая, как известно, «организует части дискурса таким образом, что авторский замысел

становится понятным читателю» [Величко 2016: 40], и такое нарушение связности в одном участке текста влияет на свойства текста в целом, на его содержание.

Нарушения связности такого типа регулярно встречаются в политических блогах, которые ведутся в жанре публичного дневника.

Иная картина наблюдается в авторском журналистском блоге. Его ведёт, как правило, профессиональный журналист, причём на платформе определённого авторитетного СМИ (например, на сайте радиостанции «Эхо Москвы», на сайте интернет-издания Газета.ru и т. п.). Данные публикации более значительны по объёму и представляют собой основательные аналитические материалы, в которых осмысливается какая-то проблема, волнующая данного конкретного автора и, по его предположению, — адресата. Нарушения связности здесь чаще всего носят преднамеренный характер, их цель — увеличивать прагматический эффект текста и помогать автору воздействовать на адресата.

Нарушения связности, которые являются преднамеренными, могут быть охарактеризованы как попытки авторов текстов выйти за рамки типичности [Трушков 2018] с тем, чтобы выделить свой блог на фоне других блогов, привлечь внимание адресатов к проблеме и способу выражения этой проблемы, представленной в данном блоге.

Например, в публикации «На каждый роток наденешь платок» (04.05.2020) Г. Бовта, расположенной в блоге автора на платформе интернет-издания Газета.ru, видим абзац:

В Подмосковье собираются ввести «масочный режим» с 12 мая. Я категорически за — можете кидать в меня тапками. Такой же порядок и в Москве надо вводить. Было. Еще вчера. Чем быстрее, тем лучше.

В конце данного абзаца присутствует нарушение связности: «*Такой же порядок и в Москве надо вводить. Было. Еще вчера*». Связность нарушена посредством использования автором парцелляции — выделения двух компонентов предложения (*Было. Еще вчера*) в отдельные синтаксические единицы. Парцелляция вносит в предложение парадоксальное звучание: сначала

адресату передаётся информация о том, что *такой порядок надо вводить*, а затем эта информация опровергается: *такой порядок*, оказывается, уже поздно вводить. Несомненно, это намеренное нарушение, преследующее прагматические цели — выделить мысль, удивить адресата парадоксом и привлечь его внимание к фразе.

То есть нами отмечено, что в жанре личного дневника нарушения связности носят, как правило, непреднамеренный характер и ведут к ошибкам в высказывании смысла, а в жанре авторского журналистского блога такие нарушения чаще преднамеренны, обоснованы замыслом автора и призваны оказывать воздействие на адресата.

Количественные данные исследования представлены в диаграмме на рисунке 3.2.

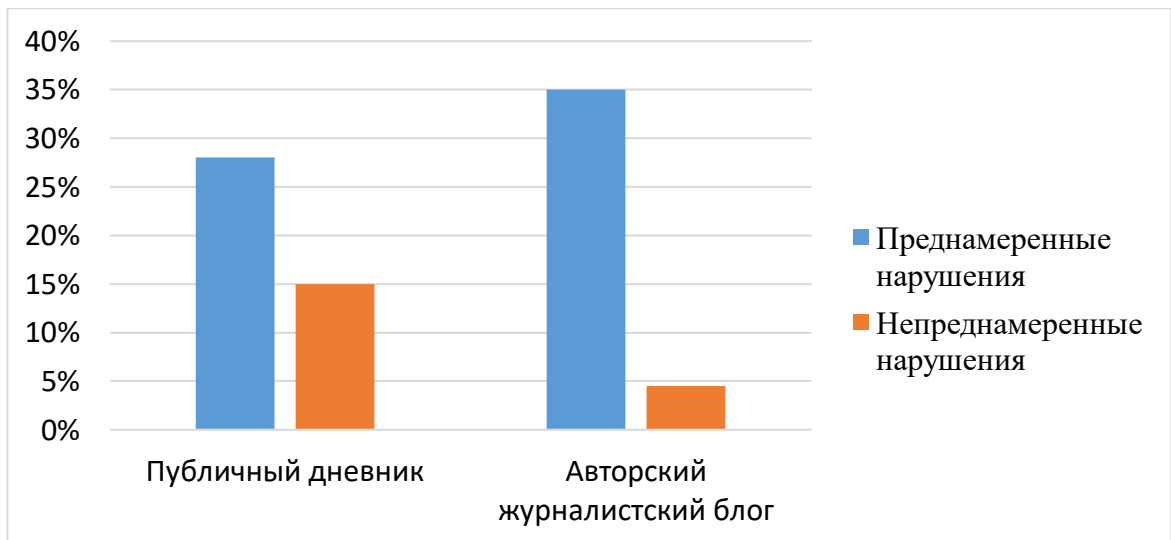


Рисунок 3.2 — Количество текстов с преднамеренными и непреднамеренными нарушениями связности в политических блогах разных видов

То есть блогеры, действующие в формате авторского журналистского блога, используют нарушения связности как стратегию, как продуманный механизм прагматического воздействия на адресатов текста; непреднамеренные нарушения связности, то есть ошибки, встречаются здесь реже в силу более тщательной работы с текстом, его культурноречевой составляющей, а также, по-видимому, вследствие работы редактора и корректора.

Кроме того, мы решили сопоставить реализацию категории связности в коллективном и персональном политическом блоге. В качестве коллективного блога был выбран паблик Radiosvoboda в социальной сети Instagram [Radiosvoboda 2021]. Публикации в данном профиле не имеют заявленного авторства, не подписаны, то есть создаются, по-видимому, целым коллективом авторов, целью которых является проводить определённую политическую линию (оппозиционного толка).

С публикациями данного блога были сопоставлены с точки зрения связности публикации персонального блога, ведущегося в жанре личного дневника, «Дорога без конца» Льва Вершинина [Дорога без конца 2021]. Сходство между данными блогами — в непрерывном характере публикаций (ежедневно в обоих блогах появляется по несколько заметок). Можно предположить, что времени на подготовку текстов авторы обоих блогов имеют немного, поэтому публикации обладают непосредственным характером и живым речевым оформлением. Сходство позволяет более контрастно увидеть отличия в категории связности.

Проведённые наблюдения показывают, что в блоге Radiosvoboda непреднамеренные (ошибочные) нарушения связности практически отсутствуют. Текст имеет хорошо обработанный вид.

При этом в текстах блога Radiosvoboda минимально представлены и намеренные нарушения связности, что не делает их более выразительными. Создаётся впечатление, что главным для авторов этого блога является передача информации, причём в текстах не случайно отсутствуют приёмы воздействия на адресатов (эмоциональная и оценочная лексика, инверсии), в том числе и такой приём, как намеренное нарушение связности. Тексты имеют, как правило, небольшой объём, в них транслируются преимущественно факты, а комментарии отсутствуют.

В блоге Л. Вершинина тексты также невелики по объёму. Такое сходство связано со спецификой обоих блогов, авторы которых стремятся быстро реагировать на происходящие события, излагать актуальную информацию.

Однако отличия в реализации категории связности довольно значительны. В отличие от текстов блога Radiosvoboda, в текстах блога «Дорога без конца» данные отличия обнаруживаются.

Рассмотрим для примера пост «Основы политического пониводства» от 08.07.2021:

В политическом смысле, Молдова — величина, исчезающе малая. Как и, допустим, с недавних пор Армения.

И тем не менее,

не устаю повторять: огромная ценность маленьких стран — в том, что на их примере можно наглядно, без ширмочек увидеть суть проблем, решать которые приходится не только малышам,

но и гигантам. А там уж все зависит от того, государство это или, извините, какая-то "украина", — в конце концов, та же Куба и та же Белоруссия, по правде сказать, отнюдь не першероны, но...

Короче говоря, и площадь, и количество населения, и даже ресурсная база — сугубо вторичны.

Мы видим здесь применённый автором приём нарушения цельности и связности текста с помощью разрыва предложений и помещения их частей в отдельные абзацы (в трёх случаях между абзацами сделаны пробелы для ещё большего отделения частей). При этом, естественно, внимание адресата переносится на те компоненты предложений, которые оторваны от предыдущего абзаца. Автор стремится автоматизировать восприятие адресата, заставить его видеть текст по-новому — как комбинацию оторванных друг от друга фрагментов.

Кроме того, связность нарушена в предпоследнем абзаце: здесь после союза *но...* опущен заключительный компонент предложения, нарушение

обозначено с помощью многоточия и адресату предлагается самому предположить, о чём идет далее речь, что хотел сказать автор.

В этой связи нарушение связности обнаруживается и в последнем абзаце, поскольку вывод, содержащийся здесь, оказывается лишён логичности: структурно соотносится с тем компонентом, который опущен в предыдущем абзаце, а значит, связан с нулём, с отсутствующей единицей.

Рассмотрим также текст «I'm back» от 8.07.2021. Здесь автор не делает упора на абзацные разрывы предложений, применяя другие способы нарушения связности:

Вернулся. Как и обещал, в среду. Отсутствовал по причинам не рабочим, личным, и не сказать, что очень уж приятным, но, по крайней мере, скоро прояснится, что к чему, и если какие-то сложности, будьте уверены, скрывать не стану. А пока что буду спать, бо устал. Благо и писать особо не о чем, а о том, что за эти три дня было более-менее интересно, давайте уже завтра, бо, повторяю, устал. Тем не менее, о важнейшем...

Мы видим здесь использование приёма «рваного» синтаксиса в начале текста, полное отсутствие местоимения я (субъект очевиден и не стремится персонализировать себя) и т. д. Есть нарушения и логические: сначала автор дважды повторяет, что устал (логично, что не будет сейчас писать), а затем без всякой связи начинает всё же рассказ: «Тем не менее, о важнейшем...».

Отсутствие намеренных нарушений связности в тексте коллективного блога и их наличие в тексте персонального блога — личного дневника мы связываем с представленностью личностного начала в данных текстах. В коллективном блоге нет личностного начала; все авторы, которые создают для него тексты, осознают это и стараются не проявлять себя, писать максимально информативно и в то же время отстранённо, не анализируя информацию и не высказывая своё мнение. Это в некоторой степени продуктивно, поскольку у читателя создаётся ощущение получения точной информации, не искажённой чьей-то трактовкой.

Но, как нам кажется, авторские блоги, более эмоциональные и поэтому допускающие намеренные нарушения связности, оказываются более результативными с точки зрения воздействия на адресата. С помощью нарушений связности блогер транслирует адресату скрытую информацию о том, как сильно взволнован поднимаемой в посте проблемой, как не находит времени и возможности продумать сообщение, сделать его более логичным, поскольку спешит быстрее поделиться с адресатом мыслями и чувствами. В результате в блоге складывается диалогическое пространство, в котором автор и адресат становятся равными; автор не занимает, как это нередко наблюдается в коллективном блоге, более высокого положения, сообщение не звучит отстранённо или назидательно.

3.3. Соблюдение и нарушение связности в текстах политических блогов: сопоставление, прагматический эффект

Чтобы оценить эффект, производимый на адресата текста нарушениями связности, необходимо выявить роль дейктических и других средств в организации и обеспечении связности дискурса и текста, а затем обратить внимание на эффективность воздействия на адресата в текстах с различным характером связности.

Исследование характера воздействия ряда текстов, в которых по-разному нашла преломление категория связности, на адресата проводилось нами с помощью анкеты, в которой респондентам предлагалось ознакомиться с определённым текстом и ответить после этого на несколько вопросов.

В исследовании приняли участие 190 человек, относящихся к различным возрастным группам: 16-24 года — 3,7 % (7 человек), 25-32 года — 19,1% (36 опрошенных), 33-45 лет — 28,7 % (54 человека), 46-65 лет — 26,1 % (94 респондента), старше 65 лет — 22,3 % (42 человека). Такая возрастная подборка позволила нам сделать исследование более репрезентативным, а выводы — более доказательными.

В ходе анкетирования проверялось следующее:

- понимают ли адресаты, о чём текст, какова его тема;
- понимают ли, в чём их хотел убедить автор, какие основные мысли транслировал им посредством текста;
- как адресат оценивает логичность текста;
- осознаёт ли наличие / отсутствие связности между отдельными элементами текста.

Анкетирование позволило нам выяснить, как нарушения связности (преднамеренные и непреднамеренные) воздействуют на адресата текста; помогают или мешают данным нарушениям адресату понимать текст и те мысли, которые в нём содержатся.

Всего анкетированным было предложено для рассмотрения четыре текста, некоторые из которых были сокращены для упрощения работы с ними реципиентов. Далее мы рассмотрим, какие результаты продемонстрировало анкетирование.

Первый текст позволил нам выяснить, насколько хорошо воспринимают адресаты текст с намеренными нарушениями связности.

Респондентам было предложено прочитать текст «Что Лукашенко потом со своими силовиками сделает?» из блога А. Галлямова, опубликованный 11.08.2020 г. [Аббас Галлямов 2021]. Как уже отмечено нами выше (п. 2.1), в этом тексте автором намеренно нарушена связность, а именно: опущен семантический источник анафоры. Текст начинается сразу с референта данной анафоры, то есть, по сути, не имеет начала:

Передайте белорусским генералам, что через несколько месяцев после того как они разгонят протестующих, Лукашенко начнёт от них избавляться. Это простая логика тирана — он не должен ни от кого зависеть, все должны зависеть от него. Зачем ему те, кто его когда-то спасал? <...>

Авторитарному правителю нет нужды устраивать в рядах силовиков чистки только в тех случаях, когда он правит не столько с их помощью, сколько с помощью политического инструментария. В этой ситуации он от них не

зависит и, значит, понимает, что у них нет никаких соблазнов предъявить ему счет и заставить плясать под свою дудку. <...>

Я бы на месте белорусских генералов почитал сейчас биографии своих предшественников из НКВД. Многим ли из них Сталин позволил умереть в своих постелях от старости?

После знакомства с текстом респондентам было задано четыре вопроса. Первый вопрос: «Как бы вы озаглавили этот текст?». Ответ на данный вопрос должен был показать, поняли ли респонденты смысл поста, не затруднило ли их понимание наличие анафоры в начале текста. Были предложены варианты ответа:

- а) «Что Лукашенко потом со своими силовиками сделает?»;
- б) «Непростая жизнь белорусских генералов»;
- в) «Лукашенко и его генералы».

Наиболее точным, по нашему мнению, является вариант заголовка *а*, который создан автором текста. Для чистоты исследования текст давался респондентам без заголовка. Полученные результаты представлены в виде диаграммы на рисунке 3.3.

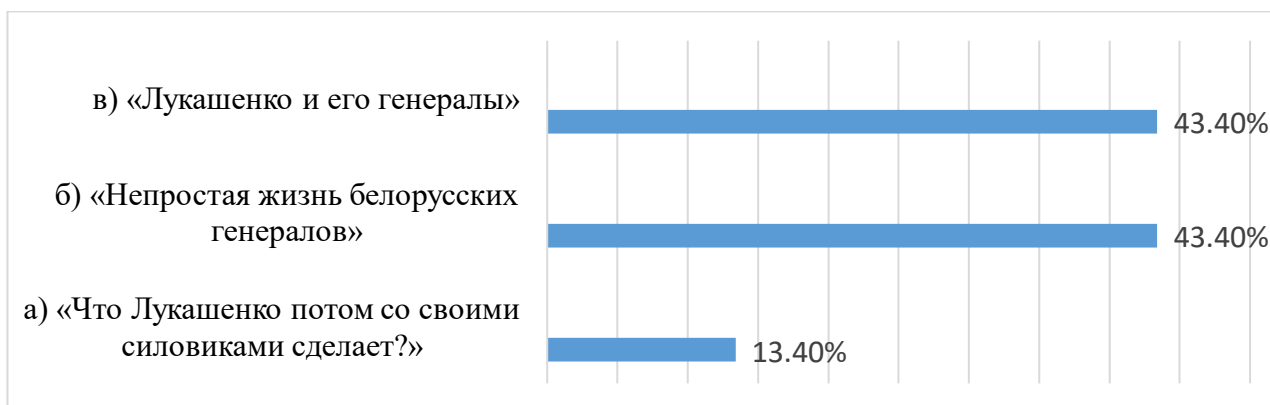


Рисунок 3.3 — Ответы на вопрос 1 по тексту 1

Как показывает диаграмма, только 13,4 % опрошенных смогли выбрать тот заголовок, который действительно отражает основную мысль текста. Заголовки *б* и *в* содержат лишь информацию, более того, заголовок *б* неточен по оценке

действий белорусских силовиков: предполагает сочувствие им, а в самом тексте скорее содержатся ирония, насмешка, издёвка.

Второй вопрос, который был задан респондентам: «В чём автор хотел вас убедить?». Как и предыдущий, данный вопрос был нацелен на выявление степени понимания анкетирруемыми текста, его основного смысла. Для ответа также предложили рассмотреть три варианта:

- а) силовикам Лукашенко нечего бояться;
- б) Лукашенко скоро начнёт избавляться от своих генералов;
- в) люди в погонах — сила Беларуси.

Из данных вариантов смысл текста точно передаёт только вариант б; вариант а выражает противоположное значение, а вариант в — отвлечённое, не связанное с текстом. Результаты ответов представлены на рисунке 3.4.

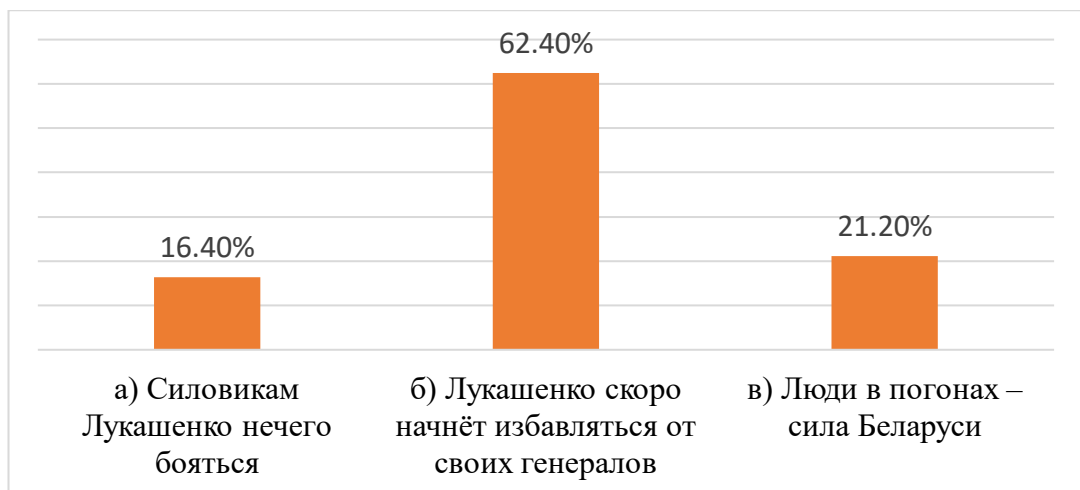


Рисунок 3.4 — Ответы на вопрос 2 по тексту 1

Как видно из диаграммы, более половины ответивших поняли смысл текста правильно, а значит, намеренное нарушение анафоры в начале текста не сделало его менее понятным.

Третий вопрос был обусловлен категорией связности и имел своей целью выяснить, легко ли было респондентам понять смысл текста, помогала ли им в этом логичность текста. Это был вопрос: «Логичны ли предположения и выводы автора?» с вариантами ответа:

- а) совершенно логичны;

б) немного нелогичны;

в) совсем нелогичны.

Результаты можно увидеть на диаграмме (рисунок 3.5).

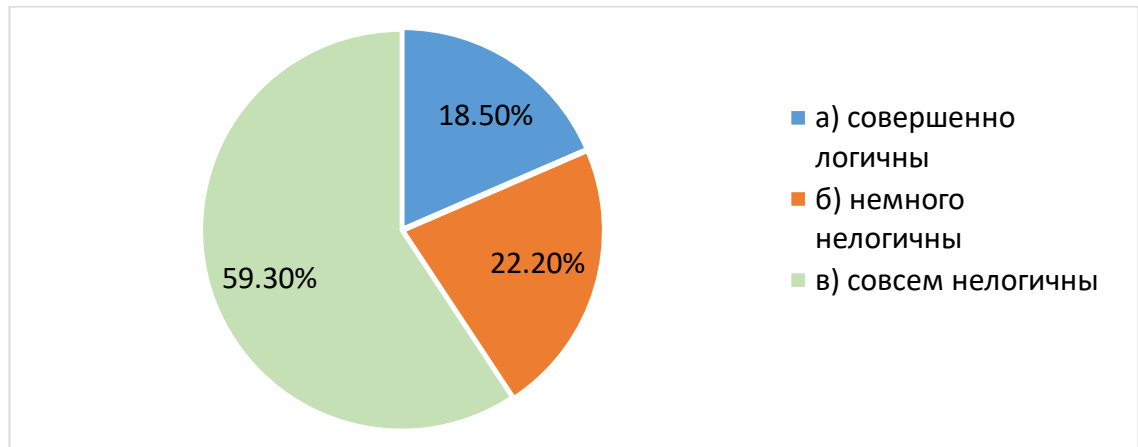


Рисунок 3.5 — Ответы на вопрос 3 по тексту 1

Ответы выглядят парадоксальным образом. Хотя большинство респондентов правильно поняли смысл текста (вопрос 2), пусть и не сумели его точно озаглавить (вопрос 1), они почему-то не увидели логики в рассуждениях автора. Возможно, это как-то зависит от нарушения связности. С другой стороны, текст ими понят, а вот воздействие на них автора напрямую респонденты не ощутили. Скорее всего, такое воздействие и будет наиболее эффективным.

Четвёртый вопрос анкеты был уже напрямую нацелен на выяснение мнения адресатов о связности отдельных частей текста: «Являются ли связными следующие фрагменты текста?». Анкетироваемым было предложено оценить степень связности двух фрагментов (охарактеризовать их как связные или несвязные):

1. *Передайте белорусским генералам, что через несколько месяцев после того как они разгонят протестующих, Лукашенко начнёт от них избавляться...*

2. *Авторитарному правителю нет нужды устраивать в рядах силовиков чистки только в тех случаях, когда он правит не столько с их помощью, сколько с помощью политического инструментария...*

Результаты ответа на этот вопрос представлены на рисунке 3.6.

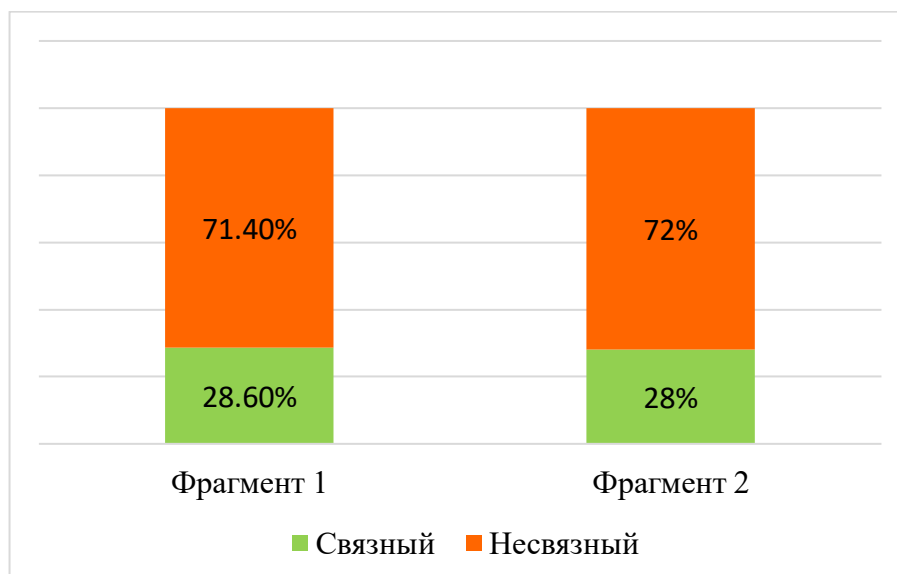


Рисунок 3.6 — Ответы на вопрос 4 по тексту 1

Как видно из диаграммы, оба фрагмента большинство опрошенных оценили как несвязные. При этом первый из них — это начало текста, в котором действительно есть нарушение связности, а второй не имеет нарушений связности, но содержит лексемы, которые могут быть непонятны адресатам: *чистки, политический инструментарий*, а также достаточно сложное синтаксическое строение, что, очевидно, и послужило причиной такого ответа респондентов.

Вторая анкета позволила нам выявить, может ли текст с явными (и даже демонстративными) нарушениями связности оказывать воздействие на адресата.

Прежде чем проводить анкетирование, мы на примере блога Александра Горного проанализировали два текста: 1) текст, в котором связность не нарушается, и 2) текст, где такие нарушения присутствуют. Данный блог расположен на платформе Facebook и ведётся в жанре личного дневника: практически каждый день автор выкладывает свои размышления и заметки.

Первый рассмотренный нами текст опубликован 26.05.2020 г. и не имеет заголовка (что обычно для жанра личного дневника, ведущегося на платформе социальной сети):

Парад Победы 24 июня. Радоваться или стучать в боевой барабан? Не знаю. Для меня есть 9 мая, а эта история, которая действительно история, но нарушит биоритмы россиян, которые и так сбиты.

Я свои боевые 100 гр за Победу и наших победителей выпил 9 мая. Очень все непросто, и не однозначно. Парад ради политики или ради кого и чего? Тем более это среда, людям работать надо. Ох не знаю, но уже слышал фразы — У нас больше проблем нет? К 24 июня мы коронавирус победим или парад в масках будет? [Александр Горный 2021].

Данный текст можно охарактеризовать как такой, в котором соблюдаются правила связности. Мы видим в нём следующие средства лексической связности [Halliday 1976]:

- повтор лексических единиц в смежных частях предложения, смежных предложениях и абзацах (*история, Победа, парад, 9 мая, не знаю, 24 июня*);
- использование однокоренных слов (*победа — победители — победим*);
- употребление видового и родового понятий, соотнесённых друг с другом (*россияне — люди*);
- предлоги (*ради политики или ради кого и чего*);
- прономинализация (*люди — у нас*);
- вводное слово (*действительно*) и др.

В результате использования различных лексических средств связности автору удаётся достичь цели — создать связный в целом текст, который определённым образом воздействует на адресатов — убеждает их в отсутствии необходимости проведения Парада Победы 24 июня 2020 года. Следствием лексической связности становится прагматическая.

Второй рассмотренный текст был опубликован А. Горным 04.06.2020 г. и посвящён принятию решения участвовать или не участвовать в голосовании по поводу поправок в конституцию РФ:

Я тут попал на одну из веток спора в ФБ по поводу голосования ЗА или ПРОТИВ поправок в Конституцию и дебильных роликов, которые стали массово штамповать.

*Обсуждалось — идти **голосовать** или нет. После просмотра этих роликов если у меня и были сомнения, то сейчас мне эта история настолько неприятна и непонятна, что хочется просто постоять в сторонке и отдышаться.*

*Что по факту изменится, если **проголосовать** ЗА пакетом? Да ничего наверное, как был бардак и жульё во власти, так и останется(((*

*Как сознательный гражданин своей страны я пытаюсь во всем этом **разобраться**, но чем больше **разбираюсь**, то тем меньше ответов....*

*А вы пойдёте на **голосование**? Хотя кто-то понимает смысл происходящего?*

К чему фото? Да просто, вчера с набережной увидел. Очень хотел бы побывать на военном корабле)

Как видим, в данном тексте наблюдается тот же набор средств лексической связности, что и в предыдущем (видимо, характерный для речевой манеры данного блогера): однокоренные слова (*голосовать — проголосовать — голосование*), формы одного и того же слова (*разобраться — разбираюсь*) и др., хотя и в меньшем количестве. Единственное отличие на уровне средств связности — меньшее число повторяющихся лексем и сочетаний. Текст, вследствие использования автором средств связности, выглядит в целом связным и создаёт впечатление текста, с помощью которого оказывается воздействие на адресата.

Однако последнее предложение, выделенное в отдельный абзац, полностью разрушает выстроенную было автором связность текста. Предложение совершенно не связано с текстом ни по смыслу, ни средствами связности, и представляет собой комментарий по поводу фотографий, выложенных вместе с этой дневниковой записью.

Респондентам была предложена анкета, включающая второй из рассмотренных нами текстов. Анкетируемые ознакомились с текстом и ответили на четыре вопроса. Первый вопрос «Как бы вы озаглавили этот текст?» был нацелен на проверку точности понимания респондентами смысла текста. Для выбора были предложены следующие варианты:

- а) «Голосование по поправкам в Конституцию»;
- б) «Идти голосовать или нет»;
- в) «А вы пойдёте на голосование?».

Наиболее точно, на наш взгляд, отражает смысл текста заголовок б, поскольку заголовок а противоречит всему тексту отсутствием проблемности, а заголовок в передаёт смысл только частично. Были получены результаты, которые представлены на рисунке 3.7.

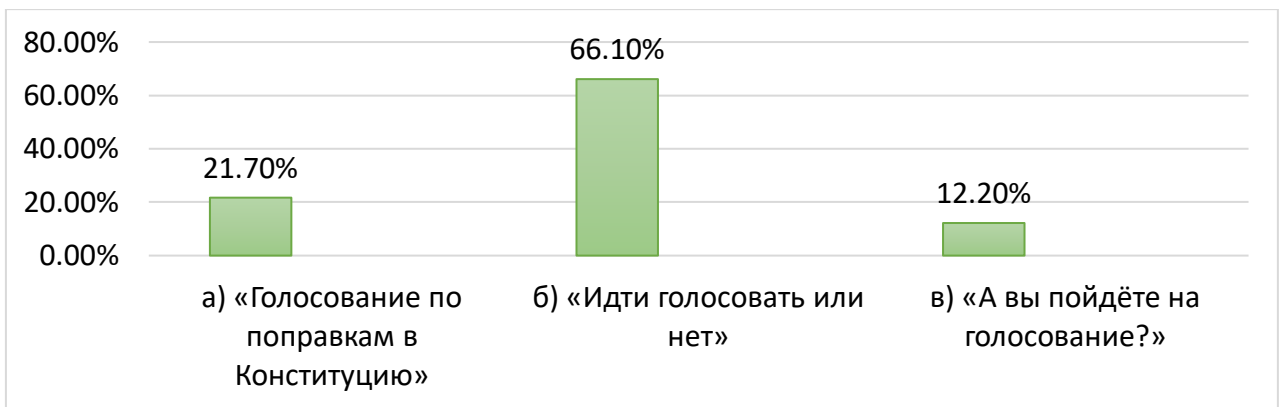


Рисунок 3.7 — Ответы на вопрос 1 по тексту 2

Как показывает диаграмма, большинство опрошенных точно поняли смысл текста. К сожалению, более 20 % выбрали заголовок общего плана, не выражающий проблему и поэтому не соотносимый с намерениями автора, однако это не может быть показателем непонимания. Возможно, это указывает на наличие среди опрошенных не очень внимательных людей или на то, что многие считают для заголовка необязательным выразить проблему.

Затем анкетированным был задан вопрос 2: «В чём автор хотел вас убедить?», нацеленный на выявление степени понимания речевого намерения автора. Ответить на него респондентам должны были помочь варианты:

- а) надо идти на голосование;
- б) не пойму, идти ли на голосование;
- в) надо побывать на военном корабле.

Количество ответов разного типа представлено на рисунке 3.8.

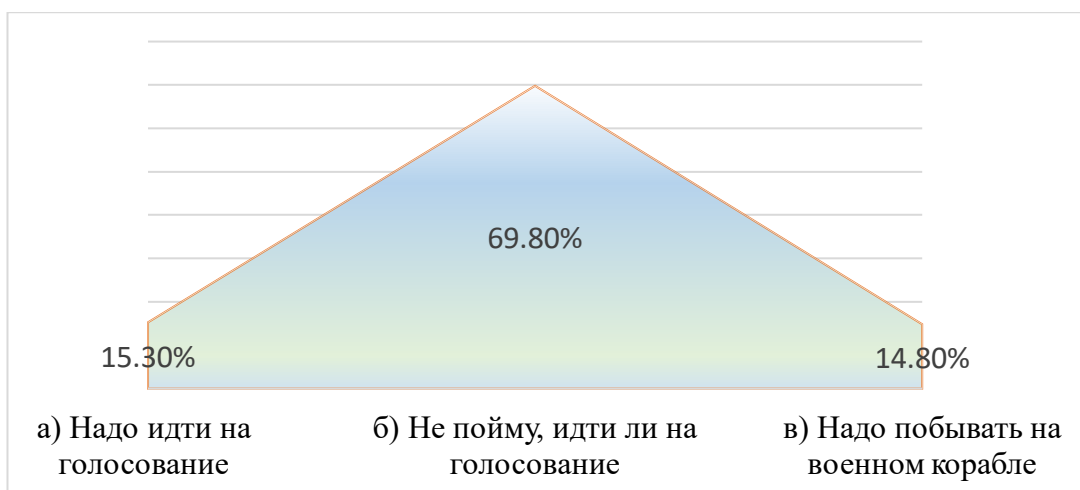


Рисунок 3.8 — Ответы на вопрос 2 по тексту 2

Несомненно, наиболее правильным, показывающим понимание намерений автора, является ответ *б*, поскольку блогер сомневается в необходимости голосования и стремится не только поделиться этим сомнением с адресатами, но и спросить у них совета, выявить их мнение. Как видим, респонденты в большинстве своём смогли декодировать смысловой посыл автора. Наличие более 15 % ответов *а* может говорить о поверхностном взгляде на текст, а присутствие почти 15 % ответов *в* связано либо с невнимательностью респондентов, либо с их ироничной реакцией на последнее предложение текста, противоречащее всему его смыслу.

Третий вопрос «Логичны ли предположения и выводы автора?» должен был показать, насколько хорошо респонденты поняли замысел автора, как соотнесли его с воспринятым смыслом текста. Варианты ответа были следующими:

- а) совершенно логичны;
- б) немного нелогичны;
- в) совсем нелогичны.

Количество ответов распределилось следующим образом (рисунок 3.9).

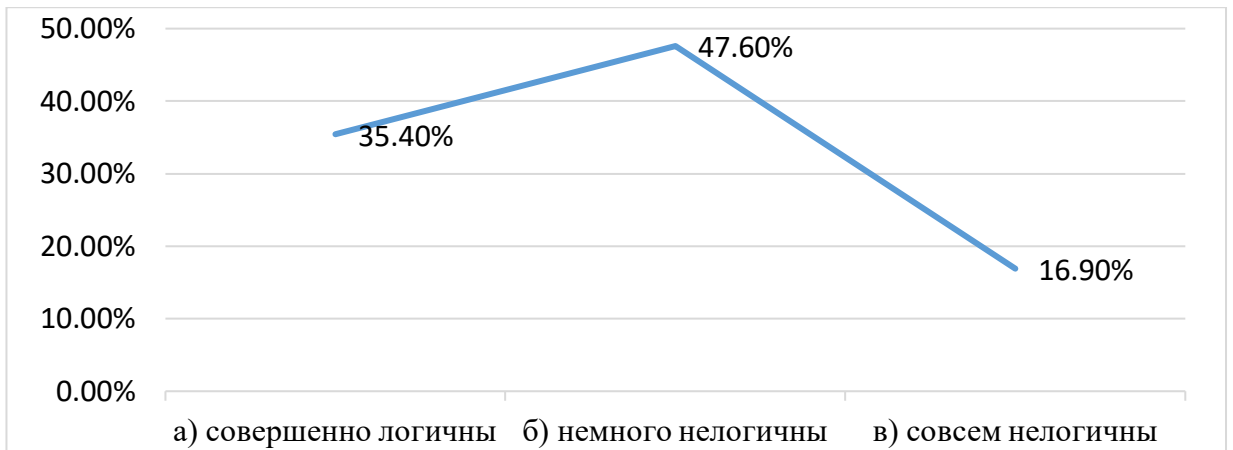


Рисунок 3.9 — Ответы на вопрос 3 по тексту 2

Как показано на диаграмме, почти половине опрошенных мысль автора показалась затемнённой; если добавить к этому количеству число тех, кому текст показался совсем нелогичным, то получается более 60 %. Несомненно, на такое решение респондентов повлияло конечное предложение текста, посредством которого автор нарушил его связность.

Именно на это конечное предложение и на оценку его восприятия адресатами был нацелен следующий вопрос анкеты. Анкетированным было предложено оценить степень связности двух фрагментов рассмотренного ими текста (охарактеризовать их как связные или несвязные). Это были следующие фрагменты:

1. *Обсуждалось — идти голосовать или нет...*
2. *К чему фото? Да просто, вчера с набережной увидел. Очень хотел бы побывать на военном корабле).*

Оценка понимания первого фрагмента была важна, поскольку фрагмент содержит основную мысль текста, второго — потому что с его помощью в тексте нарушена связность. Количество ответивших разным способом представлено на рисунке 3.10.

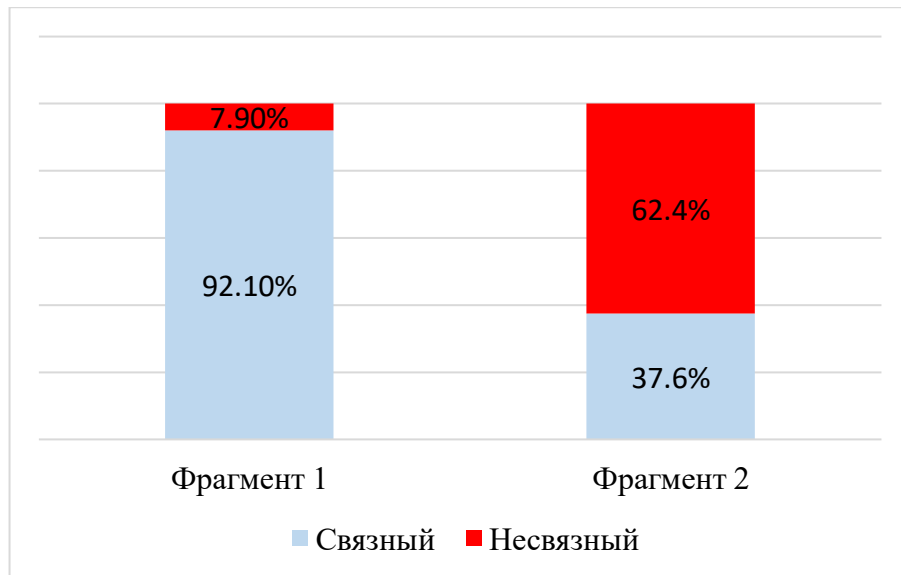


Рисунок 3.10 — Ответы на вопрос 4 по тексту 2

Ответы на данный вопрос оказались вполне ожидаемыми. Фрагмент 1 показался связным, и, действительно связан с предыдущим и последующим цепочечной связью, с помощью различных структурных средств (однокоренные слова *голосование* — *голосовать*, тематически близкие слова *спор* — *обсуждалось* и т. п.). Фрагмент 2, действительно нарушающий правила связности текста, был охарактеризован большинством респондентов как несвязный.

Воздействие автора на адресата с помощью данного текста может быть оценено двояко. С одной стороны, отсутствие связности последнего абзаца со всем текстом нивелирует воздействие на адресата, которое было оказано в начале текста, то есть противоречит целям автора. Вместо сильной точки (итога, заключения), которая необходима в конце текста, здесь звучит странная и нелогичная нота, уводящая от темы, не дающая адресату полностью осмыслить текст. С другой стороны, такое окончание текста может быть создано автором сознательно: блогер стремился подчеркнуть, что не желает оказывать на сознание адресата воздействие, а просто делится с ним мыслями, которые в формате дневника могут высказываться и с нарушениями связности. В этом случае воздействие переходит из плоскости явных влияний в плоскость скрытых.

А скрытое воздействие, как известно, более эффективно, чем явное. Иначе говоря, нарушение лексической связности не обосновывает нарушения прагматической, а даже, напротив, усиливает прагматику текста.

Мы дополнительно провели исследование характера воздействия данных текстов на адресата. 20 человек из общего количества опрошенных получили предложение сравнить два текста из блога А. Горного и ответить на вопрос:

– Согласны ли вы с автором?

Достоверность результатов обеспечивала тематика текстов, которая была схожа по отношению к официальной политике и по актуальности; тексты создавались в один временной промежуток по поводу сходных политических событий.

Результаты данного миниопроса представлены на рисунке 3.11.

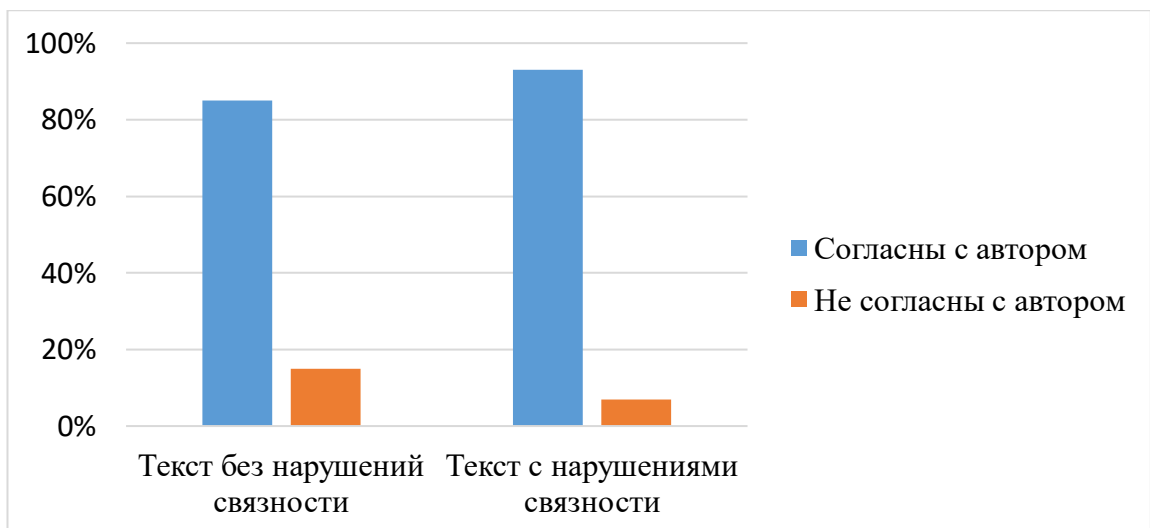


Рисунок 3.11 — Воздействие на адресата политического блога текста без нарушений связности и текста с нарушениями

Эффективность воздействия блогера на адресата текста в любом случае обусловлена категориями лексической и прагматической связности, однако соблюдение правил связности становится обычным и для автора блога, и для адресата, и перестаёт оказывать сильное воздействие (накопительный эффект вызывает снижение влияния). В этом случае намеренное, демонстративное

нарушение связности (как мы это увидели в проанализированном примере) служит деавтоматизации восприятия и усилению воздействия на адресата.

3.4. Лексическая связность и пространство текста блог-дискурса

Рассмотрим в данном параграфе специфику лексической связности как особого способа формирования семантического пространства текста.

Согласно концепции М.А.К. Хэллидея и Р. Хасан [Halliday 1976], лексическая когезия обеспечивается разнообразными средствами, которые проанализированы нами на материале текстов политических блогов. «Под когезией М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан понимают такую формальную структурную связность текста, которая отделяется от содержательной связности — когерентности. Следовательно, когезия в понимании М.А.К. Хэллидея и Р. Хасан — это внутренняя линейная организация текста через связующие средства языка. Когезия включает в себя все формально-грамматические связи высказываний внутри текста. Когерентность схожа с когезией, так как также отражает связность, однако здесь на первый план выходит логико-семантическая цельность текста» [Гезельбаш 2020:139]. В ходе анализа зафиксированы следующие средства лексической связности:

– повтор лексических единиц в смежных предложениях:

Без шуток и двусмысленностей — российская власть как раз сейчас верна идеалам добра. То есть она, конечно, постоянно кого-то репрессирует, и это основное содержание новостей, — но делается это для нашего спасения, из лучших побуждений. Больше скажу: Россия сегодня — единственный оплот добра в мировой политике. Это наводит на мысль о том, что добро вообще вещь опасная, часто вредная, но нам оно завещано предками, мы иначе не можем (27.11.2019) [Дмитрий Быков 2021];

– использование родового понятия (*Лондон — Запад*), использование лексического эквивалента (*скандал — враждебность*): «Складывается ощущение, что **Лондон** хочет использовать **скандал** в двух целях. Во-первых, для

того, чтобы оправдать все усиливающуюся **враждебность Запада** по отношению к России...» (15.03.2018) [Павел Грудинин 2021];

– коллокации:

*Окажется ли культурное ядро Европы способным сохранить общеевропейскую цивилизацию в условиях **эрозии** европейских идеологических форматов в социальной среде мультикультурного релятивизма анклавного типа?* (04.02.2017) [Константин Ремчуков 2021]. Здесь мы видим использование коллокации *эрозия почв*, но вместо ожидаемого слова почв в тексте появляется выражение *«европейских идеологических форматов в социальной среде мультикультурного релятивизма анклавного типа»*;

– прономинализации:

*Завтра российский **президент** в очередной раз выступит с посланием к парламенту.*

*Заранее предупредив, о чем **он**, главным образом, будет печалиться: о «застое в сфере доходов граждан» и снижении уровня жизни этих же граждан* (14.01.2019) [Борис Вишневский 2021].

Вызывает интерес использование идеологем в блог-текстах. «Полиидеологичность постсоветского дискурса не разрушила систему идеологем, а только переформатировала» [Клушина 2014]. По словам Н.И. Клушиной, «вербальные реализации идеологемы разнообразны... В роли идеологемы может выступать предложение [Клушина 2014].

Конечно, более всего нас привлекли случаи нарушений лексической связности и их влияние на пространство текста блог-дискурса, а также оценка этих нарушений адресатами текста.

Отметим, что нам сложно оценивать точность ответов респондентов, поскольку не исключено, что при выборе ответов респонденты не оценивали то, в чём хотел убедить их автор, а высказали собственное мнение по проблеме, поднятой в тексте и очень актуальной в период проведения анкетирования. Тем не менее, можно увидеть, что большинство опрошенных поняли смысл текста именно так, как его хотел донести до них автор.

Респондентам было предложено оценить, логичны ли предположения и выводы автора текста.

Президент Ирана Хасан Роухани признал ответственность Ирана за сбитие украинского самолета и гибель людей, а также принес извинения семьям погибших на третий день после катастрофы, 11 января 2020 г.

За сбитие майором Г.Осиповичем, пилотировавшим истребитель Су-15, Боинга-747 рейса KAL007 Нью-Йорк — Сеул авиакомпании «Корейские авиалинии» 1 сентября 1983 г. руководство СССР в лице Ю.Андропова и К.Черненко ответственности не признавало и извинений не приносило. Только через 7 с лишним лет после катастрофы, в декабре 1990 г., президент СССР М.Горбачев принес извинения президенту Республики Корея Ро Дэ У во время его официального визита в Москву, в ходе которого обсуждался вопрос получения Советским Союзом южнокорейского кредита. О советских компенсациях родственникам погибших не сообщалось.

За уничтожение подполковником Ш.Бидзинашвили и капитаном М.Бабушкиным, пилотировавшими пару бомбардировщиков ДБ-3, пассажирского Юнкерса-52 «Калева» рейса 1631 Таллинн — Хельсинки финской авиакомпании «Аэро» 14 июня 1940 г. в течение прошедших 80 лет ни руководство СССР (И.Сталин, Н.Хрущев, Л.Брежнев, Ю.Андропов, К.Черненко, М.Горбачев), ни руководители России (Б.Ельцин, В.Путин, Д.Медведев) ответственности не признавали, извинений не приносили, компенсаций семьям погибших не предлагали.

За сбитие Боинга-777 рейса MH17 Амстердам — Куала-Лумпур авиакомпании «Малайзийские авиалинии» 17 июля 2014 г. расчетом ЗРК Бук-М1 53-й Курской бригады ПВО руководство России в лице В.Путина ответственности не признавало, извинений не приносило, компенсаций семьям погибших не предлагало.

В тексте Андрея Илларионова «Чем Кремль отличается от остального мира, включая и Иран» можно выделить несколько частей, а также

повторяющийся лейтмотив, выступающий ответом на вопрос, вынесенный автором в заголовок. В качестве лейтмотива можно рассматривать два похожих по смыслу и прагматической цели отрывка:

1-й фрагмент. *Этим — отношением к людям и наличием чувства ответственности — руководство других стран мира (включая и Иран) отличается от руководителей бывшего СССР и нынешней России»*

2-й фрагмент. *«Именно этим — отношением к людям, лживостью, банальной трусостью нашкодлившей шпаны — бывший советский и нынешний Кремль отличается от руководителей других стран современного мира, включая и Иран»*

Эти отрывки текста одновременно лексически схожи (этим / именно этим, отношением к людям / отношением к людям, включая и Иран / включая и Иран) и различны (наличием чувства ответственности / лживостью банальной трусостью нашкодлившей шпаны). В данных отрывках противопоставляется правительство России (СССР) и других стран мира (в том числе Ирана) в обоих случаях — не в пользу правительства нашей страны.

Другие части текста служат иллюстрацией к лейтмотиву, подводящему итоги, выражающему основную прагматическую интенцию автора, заключающуюся в убеждении читателя в том, что российское правительство отличается от всех других в заметно худшую сторону. Для усиления собственной позиции автор приводит данный вывод дважды — с небольшими изменениями, а также дважды упоминает, что правительство РФ отличается и от правителей «в том числе Ирана», давая читателю понять, что подобное сравнение ново и неожиданно. Были предложены уже названные выше три варианта ответа в отношении: а) совершенно логичны; в) немного нелогичны; г) совсем нелогичны и получены следующие результаты (рисунок 3.14).

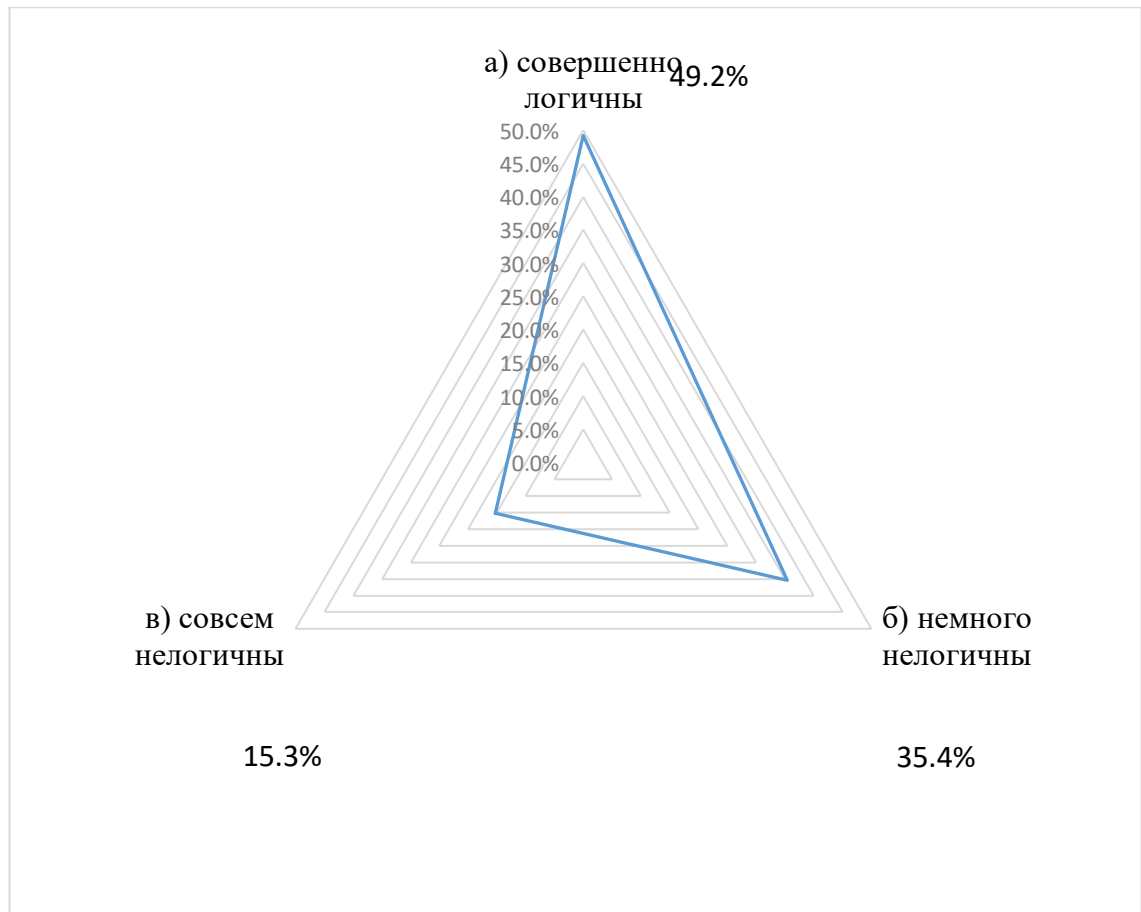


Рисунок 3.14 — Ответы на вопрос 3 по тексту 1

Как видим, мнения респондентов, считающих текст логичным или нелогичным, распределились практически поровну; в то же время количество тех, кто посчитал текст полностью нелогичным, оказалось невелико. Это достаточно высокий показатель, говорящий о том, что текст понятен его адресатам, несмотря на намеренное нарушение связности, использованное автором.

Вопрос 4 проверял представление респондентов о степени связности (являются связными или нет) отдельных фрагментов прочитанного ими блогового текста Андрея Илларионова «Чем Кремль отличается от остального мира, включая и Иран» (11.01.2020).

Это были фрагменты 1 и 2:

Первый фрагмент интересен тем, что именно в нём содержится использованное автором намеренное нарушение связности — экзофора. Второй фрагмент позволял понять, насколько затрудняет адресатов использование дейктических средств в качестве инструментов связности. Были получены следующие ответы (рисунок 3.15).

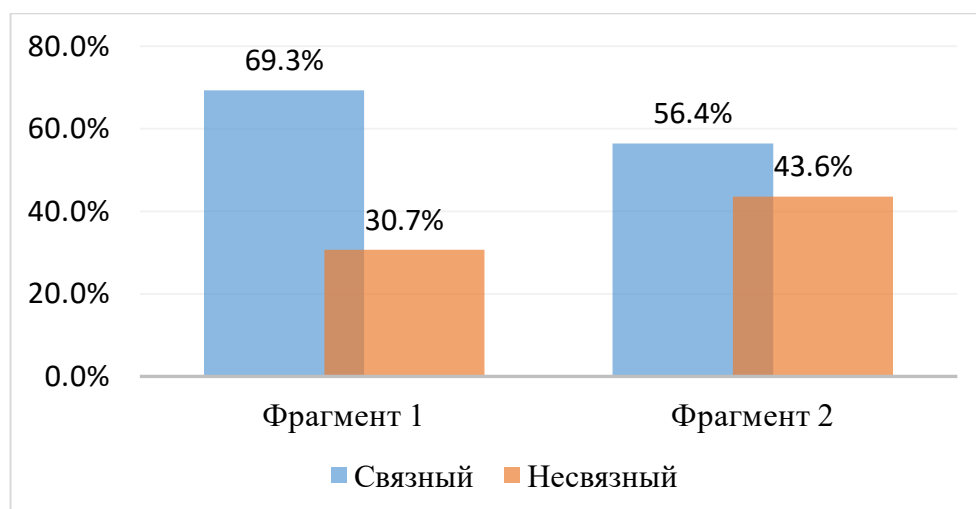


Рисунок 3.15 — Ответы на вопрос 4 по тексту 3

Как показал опрос, большинство респондентов без труда поняли переданную автором информацию, и в этом им не помешали ни экзофора (полное опущение в тексте имени субъекта, о котором идёт речь), ни прономинализация, то есть использование местоимения в роли связочного средства.

Можно предположить, что нарушение лексической связности, выполненное автором намеренно, с прагматическими целями и при этом искусно, не затрудняет понимания адресатами смысла всего текста и трактовки проблемы автором.

3.5. Дейктические средства связности в пространстве текста политического блог-дискурса

В данном параграфе нашей целью стало выяснить роль дейктических средств в организации и обеспечении связности дискурса и текста. Среди всех других средств связности дейктические средства занимают особое место.

Н.А. Сребрянская отмечает, что дейксис «проецируется на многие характеристики и категории текста и тем самым участвует в текстообразовании» [Сребрянская 2005: 69].

Необходимо отметить, что дейктические средства могут использоваться авторами текстов политических блогов эффективно и неэффективно. В первом случае данные средства обеспечивают структурную и прагматическую связность и помогают автору оказывать влияние на адресата, во втором — нарушают связность и либо затрудняют оказание прагматического воздействия, либо, напротив, усиливают его. Нам интересны примеры обоих видов.

В первом случае элементы дейксиса, которые служат для замены каких-то компонентов предшествующего текста, активно участвуют в создании связности. Рассмотрим фрагмент из блога А. Рощина (07.11.2019) [Алексей Рощин 2021]:

*...Просто человек, который проигнорировал последние 20 лет развития человечества (потому что большая часть **этого** развития шла рука об руку с интернетом), управляет страной, принимает законы про **этот самый** интернет и теперь вот википедия **ему** не понравилась, **КОТОРУЮ ОН НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ**.*

В конце фрагмента мы видим большое количество дейктических средств, которые указывают на предмет обсуждения (*этого развития, тот самый интернет*), и на мнение президента о данном предмете (*который, ему, он*). Обилие дейктических средств призвано подчеркнуть парадоксальность ситуации, а дейксис *тот самый интернет* имеет, кроме того, пародийное звучание, указывая на парадоксальную реакцию политического лидера на предмет. Активное использование дейктических средств связности в данном тексте хорошо продумано автором и поэтому оказывается удачным.

Наблюдаются также неудачные примеры использования дейктических средств. Например, в блоге Б. Рожина от 06.01.2020 г.:

*На фоне подобного развития событий, Трамп также отметил, что Ким Чен Ын сдержит свое слово и не будет ничего испытывать. Но потом добавил, что **тот** конечно может сделать **это*** [Colonel Cassad 2021].

Два дейктических средства (при опущении третьего, указывающего на *Трампа*) затемняют смысл предыдущих высказываний, мешают адресату воспринимать информацию и мысль автора.

Дейктические средства являются одним из инструментов субституции, замены, которые необходимы в тексте для того, чтобы не повторялись какие-то лексические средства, чтобы лексический и морфологический состав текста был разнообразен. Мы посчитали необходимым отследить с помощью анкетирования, каким образом нарушение субституции воздействует на адресатов текста, мешает ли намеренное нарушение связности данного типа восприятию текста читателями блога.

Для этого респондентам была предложена анкета 4, основанная на тексте К. Ремчукова «Немота интерпретации происходящего: если не печеньки, то что?» (01.09.2020) [Константин Ремчуков 2021], рассмотренном нами с точки зрения связности в п. 2.1.

Первый вопрос снова был посвящён возможному заголовку текста. Респондентам были предложены варианты:

- а) «Человек, похожий на Лукашенко»;
- б) «Диктатор и его избиратели: проблемы коммуникации»;
- в) «Немота интерпретации происходящего: если не печеньки, то что?».

Назвать какой-то из них совершенно не передающим смысл текста нельзя. Вариант *в*) являлся заголовком, который дал тексту сам автор; вариант *б*) демонстрировал смысл текста, понятый достаточно глубоко; вариант *а*) представлял собой цитату из текста, которая тоже могла бы стать заголовком, передающим смысл саркастически. Тем интереснее было пронаблюдать, какие варианты выберут испытуемые. Количество ответов показано на рисунке 3.16.



Рисунок 3.16 — Ответы на вопрос 1 по тексту 4

Как видим, большая часть опрошенных не выбрала заголовок, предложенный автором текста. Это ни в коей мере не показывает плохого понимания смысла текста, напротив, смысл понят, однако выбрана более эмоционально нейтральная форма его передачи в заголовке.

Факт понимания текста подтверждается и ответами на второй вопрос анкеты: «В чём автор хотел вас убедить?». Для ответа были предложены три варианта:

- а) Лукашенко не умеет общаться с народом;
- б) Лукашенко думает, что протесты организованы чужими силами извне;
- в) протесты в Беларуси не имеют внешних организаторов.

Верными в данном перечне являются все предложенные ответы, так как каждый из них передаёт какую-то из мыслей, высказанных в тексте. Варианты *а* и *б* наиболее предпочтительны, поскольку составляют главные мысли. На данный вопрос были получены следующие ответы (рисунок 3.17).

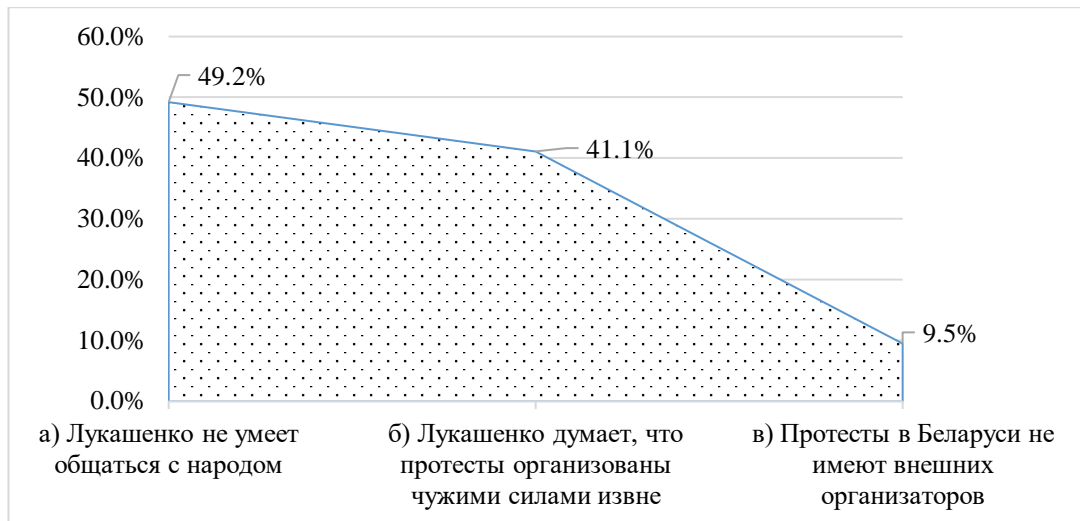


Рисунок 3.17 — Ответы на вопрос 2 по тексту 4

Распределение количества ответов показывает, что основная часть респондентов правильно поняла текст, несмотря на то, что в нём намеренно нарушены законы субституции и текст может вследствие этого показаться несколько несвязным. Смысловые, идейные доминанты оказываются более сильными условиями для понимания текста, чем наличие полной структурной связности.

На вопрос 3 «Логичны ли предположения и выводы автора?» были получены несколько необычные ответы (рисунок 3.18).

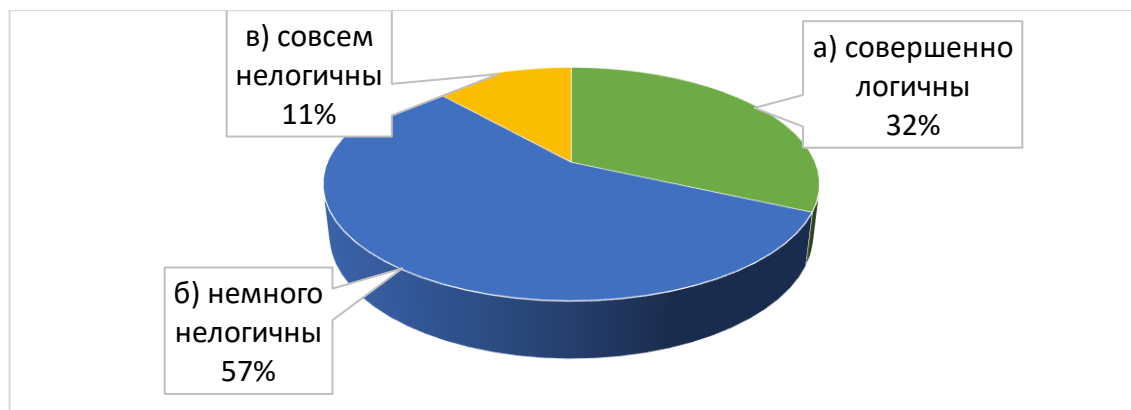


Рисунок 3.18 — Ответы на вопрос 3 по тексту 4

Большинство респондентов выбрали вариант ответа «немного нелогичны». Возможно, это связано с тем, что текст, действительно, достаточно сложен для восприятия, требует внимательного обдумывания. В этом случае такой приём

автора, как намеренное нарушение связности, может затруднить восприятие адресата, создать у него ощущение нелогичности.

В наибольшей степени интересовал нас вопрос 4 относительно реакции респондентов на связность того или иного фрагмента текста. Были отобраны два фрагмента, в каждом из которых звучала лексема *диктатор*, не испытывавшая субституции, в том числе с помощью дейктических средств. Это были фрагменты:

1. *Очень долго молодой и свежий диктатор использует против своих оппонентов простые аргументы...*

2. *И тогда у диктатора не хватает слов для разговора со своим избирателем, со своей наставой...*

Ответы представлены на рисунке 3.19.

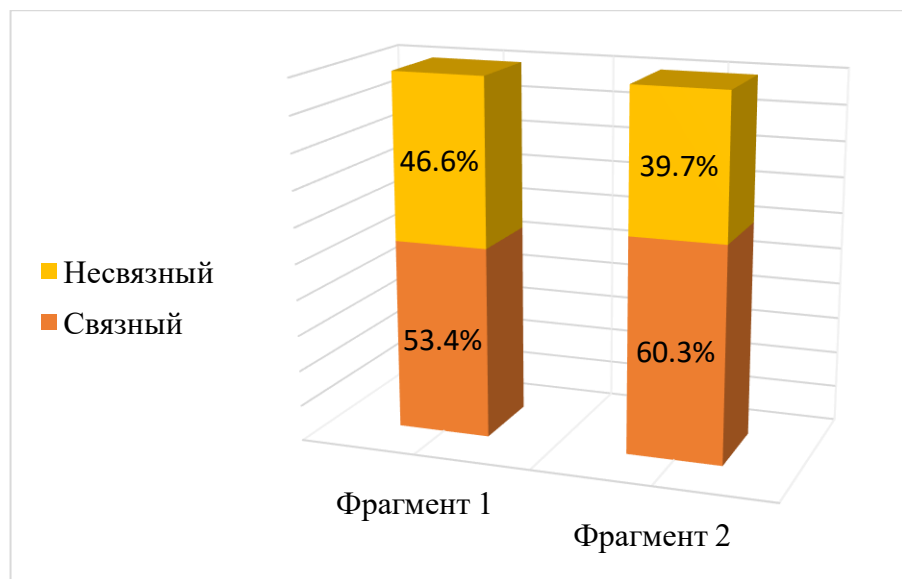


Рисунок 3.19 — Ответы на вопрос 4 по тексту 4

На основе данных ответов можно предположить, что отсутствие субституции не сделало более сложным понимание текста. Хотя большинство респондентов и назвали текст в целом немного нелогичным (возможно, это связано с общей сложностью его смысла, необходимости серьёзного обдумывания содержания, на которое в процессе анкетирования не было времени), опрошенные хорошо понимают смысл тех фрагментов, которые

демонстрируют намеренное нарушение автором связности текста. Нарушение не только не затрудняет восприятие, но, возможно, также помогает сосредоточиться на личности объекта, именуемого почти всегда одной лексемой.

Выводы по содержанию главы 3

Отличия в специфике нарушения связности текста политического блог-дискурса могут наблюдаться в блогах разных лет, жанров, видов. В каждом случае эти отличия обусловлены какими-то факторами личностного, временного, структурного характера. Сопоставление текстов политических блогов разных лет (современных и 5-10-летней давности) продемонстрировало существование тенденции к утрате намеренным нарушением связности статуса одного из прагматических средств, с помощью которых автор сознательно оказывал воздействие на адресата. Если ранее авторы текстов блога нередко не боялись (и даже стремились) нарушить связность, например, посредством опущения ситуативной референции или введением в текст «рваного» синтаксиса, созданием интонации сиюминутного, непродуманного сообщения, то сегодня такие примеры нарушения связности стали встречаться гораздо реже. Блогеры делают структуру текста более строгой и выверенной, снижая тем самым эмоциональность текстов, возможно, потому, что ниже оценивают уровень подготовленности своих потенциальных адресатов, опасаются быть непонятыми или неправильно понятыми. В результате нарушения связности ослабляют свой статус сильного прагматического средства, а политический блог теряет часть своей прагматической силы, перестаёт быть ярким и эмоциональным выразителем мнения автора.

При этом вся система лексических и дейктических средств связности призвана выполнять определённую роль в организации автором политического блога воздействия на адресата. Кроме того, сила воздействия в текстах, где правила связности не нарушаются, и в текстах, где нарушаются, может основываться на разных факторах, строиться по разным законам. Наблюдаются случаи, когда намеренное нарушение связности текста усиливает его влияние на

адресата, поскольку при этом задействуются процессы деавтоматизации восприятия информации, адресат становится более внимательным, более детально изучает аргументы автора, а значит, скорее согласится с ними. В то же время авторы политических блогов всё чаще предпочитают избегать намеренного нарушения связности текста, что связано, как нам кажется, с их упрощённым пониманием адресной аудитории: им кажется, что более логичный текст будет лучше усвоен адресатом.

Жанровая динамика категории связности обуславливает отличия в выражении данной категории между текстами политических блогов разных жанров. Так, в жанре личного дневника наблюдается больше непреднамеренных (ошибочных) нарушений связности, чем в жанре авторского журналистского блога; в персональных политических блогах обнаруживается больше преднамеренных нарушений связности, чем в коллективных политических блогах. Можно предположить, что количество нарушений связности зависит, во-первых, от наличия тщательной работы с текстом, его редактирования и корректуры, во-вторых, от выражения в тексте личностного начала автора, его эмоций, непосредственных реакций. Чем более личностный характер имеет политический блог, тем чаще в нём намеренно нарушается связность, и такие нарушения выступают как прагматические средства, как инструмент создания диалога с адресатом. Текст с нарушениями связности выглядит как непосредственный, живой рассказ, а его автор приобретает в глазах адресата черты близкого человека, взволнованно рассказывающего о важных для него событиях.

В данной главе нами с помощью анкетирования было проведено исследование воздействия, которое оказывают на адресатов тексты с намеренным и ненамеренным нарушениями связности и тексты без таких нарушений. Мы выяснили, что, как правило, намеренные нарушения лексической и прагматической связности не делают текст менее понятным для адресата, который в случае нарушения связности может ощущать воздействие автора непрямо, что часто оказывается более эффективным. В случае

намеренных нарушений даже если адресат оценивает фрагменты текста как несвязные, ему понятна мысль автора. Ненамеренные (ошибочные) нарушения связности могут затруднить понимание текста, увести адресата в сторону от проблемы. Текст с намеренными нарушениями связности оказывает на адресата большее прагматическое воздействие, поскольку служит деавтоматизации восприятия.

В настоящее время очень важно рассматривать связность в текстах политических блогов, поскольку такой анализ позволяет оценить и такое свойство текстов, как связность, и соблюдение требования связности авторами текстов, и их преднамеренную игру со связностью, включение её в арсенал важнейших прагматических инструментов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования нами установлено, что для текста политического блога связность — важнейшее свойство, благодаря которому текст становится целостным, завершённым и оказывает воздействие на адресата, являющееся целью блогера, который пишет тексты политической тематики. Связность становится здесь фактором, обеспечивающим целостность текста и формирующим особое текстовое пространство политического блога. Именно связность текста обеспечивает его восприятие адресатом, очень важное в формате блога. Создаваясь ради влияния на адресата, передачи ему мыслей автора, его понимания политических проблем, текст политического блога организует это влияние благодаря с первую очередь связности, которая приобретает статус важнейшего коммуникативно-прагматического фактора.

В то же время нарушения связности в политическом блоге обязательно скажутся на его восприятии адресатом — или положительно, или негативно, в зависимости от его специфики нарушения и от того, является нарушение преднамеренным (продуманным, прагматически обоснованным) или непреднамеренным (ошибочным, нарушающих правила русского языка).

В текстах политических блогов на русском языке наблюдаются нарушения как лексической, так и прагматической связности.

Лексическая связность обеспечивается целым комплексом важных лексических средств, из которых наиболее актуальны повторы лексических единиц, использование лексических эквивалентов, родовых понятий, коллокации, референции (анафоры, экзофоры), прономинализация, союзы, предлоги, вводные слова и др. Каждый из этих элементов становится значимым звеном в формировании семантического пространства текста политического блога, и трансформация каких-то из этих элементов влияет на всё данное пространство, изменяя его семантические составляющие.

При нарушении лексической связности отсутствие формально-грамматических средств связности, их недостаточность или неправильный их

выбор могут как способствовать, так и препятствовать выполнению текстом его коммуникативной задачи, как повышать, так и понижать уровень прагматической значимости текста.

При осознанном выборе элементов несвязности как средств воздействия на аудиторию текст может приобрести черты «потока» сознания, эмоциональной, спонтанной, дневниковой записи, что, скорее всего, повлияет на восприятие адресата в лучшую сторону, показав автора эмоциональным, искренне заинтересованным в решении проблемы человеком, сократив дистанцию между автором и адресатом. Аналогичный эффект наблюдается в том случае, если выбор автором нарушений связности был неосознанным, но, тем не менее, эти нарушения приобрели статус коммуникативно-прагматических средств. Скорее всего, автор может подсознательно понимать, что нарушения связности помогут ему установить более тесный контакт с адресатом, создать условия для восприятия адресатом его мыслей и его авторских трактовок политических событий.

Как правило, прагматически выверенные нарушения связности комбинируются с другими языковыми средствами (разговорной, жаргонной, оценочной лексикой, приёмами языковой выразительности и т. п.), обеспечивая комплексное влияние на адресата. Формируя данную систему с помощью своего жизненного, коммуникативного, журналистского, блогерского опыта, блогер прогнозирует и провоцирует ту реакцию адресата, которая ему необходима. Автор может стремиться удивить, заставить задуматься, побудить приступить к осмыслению, внушить определённые мысли и собственное видение проблемы, однако в любом случае для блогера важно, чтобы реакция адресата была такой, какая необходима для верного, с его точки зрения, восприятия данного текста.

В случае сознательной ориентации на введение в текст каких-то определённых нарушений связности такие трансформации могут стать авторской стратегией, помогающей автору формировать пространство блога, передавать адресату информацию об особенностях собственной языковой личности. Образ автора в этом случае максимально персонифицирован, каждый

блогер демонстрирует комплекс собственных речевых позиций и привычек, которые формируют в восприятии адресата его языковую личность. Нарушения связности для каждого блогера, использующего данную прагматическую стратегию, являются индивидуальными, что ведёт к формированию языкового разнообразия в системе современных политических блогов. Индивидуальность, которую воспринимает адресат, в свою очередь, делает для него блог ещё более привлекательным.

Нарушения лексической связности могут привести к трансформации текстового пространства, к утрате им целостности как важнейшей текстовой категории. У адресата формируется ощущение фрагментарности текста и в результате может возникнуть его частичное непонимание. Это одновременно и опасно (читатель может не понять важные мысли), и привлекательно для блогера (читатель может глубже понять важные мысли, проникнуться ими в формате присваивания; может произойти скрытое воздействие, которое предпочтительнее открытого, поскольку не вызывает противодействия). Иными словами, ввести в текст элементы лексической несвязности — для блогера определённый риск. Пойти на этот риск в современных условиях перенасыщенности информационного потока и высокой конкуренции в блогерской сфере могут не все. Решиться на него, к примеру, могут только яркие языковые личности, независимые персоналии, стремящиеся выражать свои эмоции и нацеленные на постоянную трансляцию их адресату, поэтому нарушения связности реже встречается в коллективных блогах, где для этого не хватает личностного начала, собственного авторского видения и обсуждаемых событий, и структуры пространства блога.

Чем интенсивнее проявляется языковая личность автора блога, чем больше индивидуальных особенностей обнаруживает блогер, формируя языковое пространство своего блога, чем более автор открыт перед адресатом и нацелен на живое, непосредственное взаимодействие с ним, тем выше вероятность того, что блогер прибегнет к нарушениям лексической и прагматической связности как к эффективной авторской стратегии.

Зависимость применения данной стратегии от особенностей языковой личности автора блога обуславливает её сочетание с такими средствами передачи экспрессии, как разговорная, просторечная, жаргонная лексика, средства диалогизации текста, графические приёмы выделения информации и т. д. Нарушения связности становятся неотъемлемым компонентом целостного авторского образа, формирующегося в восприятии адресатов блога. При этом адресат не воспринимает действие данной стратегии именно как нарушение связности, для него очевидны экспрессия, желание автора взаимодействовать, его яркая индивидуальность, непосредственность, неподготовленность его речи и т. п. Автор блога становится для адресата близким человеком, мнение которого интересно, интерактивное взаимодействие с которым может перерасти в потребность.

В случае если недостаточность формально-грамматических и лексических средств связности не является результатом поиска (сознательного или интуитивного) автором блога новых способов воздействия на аудиторию, текст утрачивает свои важнейшие характеристики и перестаёт быть полностью понятным для адресата. Непрозрачность некоторых моментов текста может привести к утрате правильного восприятия адресатом наиболее значимых мыслей автора.

Нарушение прагматической связности может сопровождаться тем, что вследствие неправильно выбранных автором средств связи компонентов текста, текст перестаёт выполнять свою прагматическую функцию. В этом случае нарушаются связи между структурой текста и его содержанием, и реакция адресата на текст не будет такой, к которой стремился блогер.

Анализ текстов политических блогов разных лет (современных и 5-10 лет назад) показал общее снижение количества нарушений связности, в первую очередь преднамеренных. Если речь идёт о снижении количества непреднамеренных нарушений связности, можно говорить о том, что пространство блогов стало лучше редактироваться и корректироваться как самими авторами, так и специально приглашёнными для этого специалистами.

Если речь о динамике преднамеренных нарушений, то здесь может наблюдаться комплекс совсем иных причин. Во-первых, блогер может ниже оценивать уровень своего среднего адресата, ощущать, что в случае намеренного нарушения связности его могут не понять, и осознанно не идти на такой риск. Во-вторых, может снижаться личностное, индивидуальное начало политических блогов, которое и диктует чаще всего использование и преднамеренных нарушений связности, и других ярких языковых средств. Многие политические блоги становятся коллективными открыто, при этом некоторые авторские блоги демонстрируют языковую форму, позволяющую усомниться в том, что блог ведёт один автор, без привлечения сторонних специалистов.

Стратегия преднамеренных нарушений связности в таких условиях перестаёт быть привлекательной для авторов текстов, её глубоко личностный характер перестаёт быть высоко востребованным. Сферой её активного применения в настоящий момент остаётся блог, ведущийся в жанре личного дневника на относительно независимой платформе, например, в социальных сетях. Форма коллективного блога, как и форма авторского журналистского блога на платформе интернет-СМИ, диктуют авторам необходимость менее активно использовать стратегию намеренных нарушений связности. Информационное пространство политических блогов в результате становится менее разнообразным и оригинальным, более стандартным и соответствующим норме. Естественно, утрата своеобразия и вхождение в область «правильного» снижает эффективность воздействия политического блога на адресата.

Таким образом, гипотеза исследования получила своё научное подтверждение: установлено, что существуют различные типы нарушения связности, которые могут быть выделены с помощью специальных методов лингвистического анализа.

Говоря о связности как категории текста, чаще всего оценивают средства связности и стремятся обнаружить нарушения требований связности, которые пагубно влияют на язык, вызывают его структурные и содержательные трансформации. Однако не менее важно посмотреть на нарушения категории

связности как на осознанный выбор автора, как на его способ оперирования языковыми ресурсами и языковой игры, как на актуальный для него прагматический инструмент. Именно в анализе преднамеренных нарушений связности, выявлении их типологии и влияния на восприятие информации адресатом мы видим перспективы дальнейшего исследования.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с более полной систематизацией нарушений связности в современном блог-тексте на основе методов комплексного анализа и на базе многоаспектного описания российской блогосферы: осмысление проблем когезии и когерентности в сетевом дискурсе — в интернет-дискуссиях, в комментариях пользователей социальных сетей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Источники языкового материала**

1. Аббас Галлямов [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: https://echo.msk.ru/blog/gallyamov_a/ (дата обращения: 12.05.2021).
2. Акунин-Чхартишвили [Электронный ресурс] // Facebook [Сайт]. — URL: <https://www.facebook.com/borisakunin> (дата обращения: 07.09.2021).
3. Александр Горный [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: <https://echo.msk.ru/blog/amountain/> (дата обращения: 07.06.2021).
4. Александр Минкин [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: <https://echo.msk.ru/blog/minkin/> (дата обращения: 12.05.2021).
5. Алексей Златкин [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: <https://echo.msk.ru/blog/zlatoalex/> (дата обращения: 12.05.2021).
6. Алексей Рощин [Электронный ресурс] // Независимая газета [Сайт]. — URL: <http://www.ng.ru/experts/17384/blog/> (дата обращения: 12.05.2021).
7. Анатолий Шарий [Электронный ресурс] // Twitter [Сайт]. — URL: <https://twitter.com/anatoliisharii> (дата обращения: 12.05.2021).
8. Антон Носик [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: <https://echo.msk.ru/blog/nossik/> (дата обращения: 12.05.2021).
9. Антон Орехъ [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: <https://echo.msk.ru/blog/oreh/> (дата обращения: 11.09.2021).
10. Аркадий Бабченко [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: <https://echo.msk.ru/blog/ababchenko/> (дата обращения: 12.05.2021).
11. Божена Рынска [Электронный ресурс] // Facebook [Сайт]. — URL: <https://www.facebook.com/bozhena.rynska> (дата обращения: 09.09.2021).
12. Борис Вишневский [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: https://echo.msk.ru/blog/boris_vis/ (дата обращения: 12.05.2021).
13. Виталий Шкляр [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: https://echo.msk.ru/blog/shklyarov_v/ (дата обращения: 12.05.2021).

14. Владислав Наганов [Электронный ресурс] // Livejournal [Сайт]. — URL: <https://naganoff.livejournal.com> (дата обращения: 12.05.2021).
15. Геннадий Зюганов [Электронный ресурс] // Твиттер [Сайт]. — URL: https://mobile.twitter.com/G_Zyuganov (дата обращения: 12.05.2021).
16. Георгий Бовт [Электронный ресурс] // Газета.ru [Сайт]. — URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/> (дата обращения: 13.05.2021).
17. Дарья Митина [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: https://echo.msk.ru/blog/mitina_daria/ (дата обращения: 12.05.2021).
18. Дмитрий Быков [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: https://echo.msk.ru/blog/bykov_d/ (дата обращения: 12.05.2021).
19. Дорога без конца (Блог Льва Вершинина) [Электронный ресурс] // Livejournal [Сайт]. — URL: <https://putnik1.livejournal.com> (дата обращения: 12.05.2021).
20. Евгений Ройзман [Электронный ресурс] // Facebook [Сайт]. — URL: <https://www.facebook.com/roizmangbn> (дата обращения: 07.09.2021).
21. Константин Ремчуков [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: <https://echo.msk.ru/blog/kremchukov/> (дата обращения: 12.05.2021).
22. Ксения Собчак [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: <https://echo.msk.ru/blog/sobchak/> (дата обращения: 12.05.2021).
23. Лев Шлосберг [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: https://echo.msk.ru/blog/schlosberg_lev/ (дата обращения: 12.05.2021).
24. Мария Захарова [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: <https://echo.msk.ru/blog/mzakharova/> (дата обращения: 12.05.2021).
25. Олег Макаренко [Электронный ресурс] // Livejournal [Сайт]. — URL: <https://olegmakarenko.ru> (дата обращения: 12.05.2021).
26. Павел Грудинин [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: <https://echo.msk.ru/blog/grudinin/> (дата обращения: 12.05.2021).
27. Сергей Никитский [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы [Сайт]. — URL: <https://echo.msk.ru/blog/snikitsky/> (дата обращения: 12.05.2021).

28. Стариков Николай [Электронный ресурс]
<https://zen.yandex.ru/nstarikovru> (дата обращения: 05.05.2022).

29. Colonel Cassad. Рупор тоталитарной пропаганды (Блог Бориса Рожина) [Электронный ресурс] // Livejournal [Сайт]. — URL: <https://colonelcassad.livejournal.com> (дата обращения: 10.07.2021).

30. Radiosvoboda [Электронный ресурс] // Instagram [Сайт]. — URL: <https://www.instagram.com/radiosvoboda/> (дата обращения: 08.07.2021).

31. Sapojnik. Блог Алексея Рощина [Электронный ресурс] // Яндекс Дзен [Сайт]. — URL: <https://zen.yandex.ru/sapojnik> (дата обращения: 12.05.2021).

Научная и учебно-методическая литература

32. Авакова, М.Л. Лексические средства реализации когезии в юридическом интернет-дискурсе / М.Л. Авакова, Л.Р. Сардалова // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. — 2020. — № 13. — С. 144-150.

33. Алексеевская, А.И. Блог писателя как проявление его языковой личности (на материале блога Б. Акунина) / А.И. Алексеевская // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: Сб. ст. V Междунар. научн. конф. — Екатеринбург: УрФУ, 2016. — С. 22-28.

34. Алтунян, А.Г. Анализ политических текстов: учебное пособие / А.Г. Алтунян. — М.: Универс. книга; Логос, 2006. — 384 с.

35. Ананьина, М.А. Роль аллюзивного антропонима в реализации когезии и когерентности художественного текста / М.А. Ананьина // Англистика XXI века: Мат. VII Всерос. межвуз. науч.-метод. конф. — СПб.: УОО, 2014. — С. 115-116.

36. Антанович, Н.А. Коммуникативное измерение современной политики: блоги и форумы / Н.А. Антанович // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. — 2014. — № 1. — С. 79-82.

37. Антонова, Л.Г. Стратегии самопрезентации языковой личности блогера / Л.Г. Антонова, Е.А. Лебедева // Верхневолжский филологический вестник. — 2015. — № 2. — С. 89-93.
38. Апресян, Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова / Ю.Д. Апресян. Избранные труды: в 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Восточная литра, 1995. — С. 156-176.
39. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: опыт системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — С. 37-67.
40. Артемова, И.Ю. Новые медийные жанры в современном политическом дискурсе / И.Ю. Артемова // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвуз. сб. научн. тр.; отв. ред. А.Г. Пастухов. — Орёл: ОГИК, 2009. — С. 45-54.
41. Арутюнова, А.Ю. Диалогичность текста и категория связности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ставрополь, 2007. — 22 с.
42. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998а. — С. 136-137.
43. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 338 с.
44. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1998б. — 895 с.
45. Асмус, Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Челябинск, 2005. — 23 с.
46. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник: практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 496 с.
47. Бабитова, Л.В. Жанрово-стилевые особенности интернет-коммуникации (на материале американских политических блогов) /

Л.В. Бабитова // *European Social Science Journal*. — 2013. — № 12-2 (39). — С. 205-213.

48. Бабитова, Л.В. Некоторые особенности современного блог-дискурса как единицы реальной и виртуальной коммуникации / Л.В. Бабитова // *Проблемы эффективного использования научного потенциала общества: Сб. ст. по ит. Междунар. науч.-практ. конф.* — Уфа: АМИ, 2019. — С. 85-88.

49. Бабитова, Л.В. Реализация аттрактивной функции в американском политическом блог-дискурсе / Л.В. Бабитова // *Успехи современной науки и образования*. — 2017. — Т. 3. — № 5. — С. 161-166.

50. Бабитова, Л.В. Репрезентация языковой политической картины мира в американском политическом блог-дискурсе / Л.В. Бабитова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2014. — № 2-2 (32). — С. 21-24.

51. Баженова, Е.А. Текст / Е.А. Баженова, М.П. Котюрова // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2011. — С. 528-533.

52. Балахонская, Л.В. Речевая агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» / Л.В. Балахонская, И.А. Быков // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. — 2018. — Т. 15. — № 3. — С. 492-506.

53. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; Пер. с 3-го фр. изд. Е.В. и Т.В. Вентцель; Ред., вступ. статья и примеч. Р.А. Будагова. — М.: Изд-во иностр. лит., 1955. — 416 с.

54. Барсукова, М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Саратов, 2007. — 21 с.

55. Барт, Р. Нулевая степень письма / Р. Барт; пер. с франц. — М.: Академический проект, 2008. — 430 с.

56. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М.: Наука, 1986. — 354 с.

57. Белова, Е.А. Позиционирование Б. Акунина в интернете / Е.А. Белова // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2014): Сб. научн. тр. — СПб.: СПГУПТД, 2015. — С. 32-36.
58. Белугина, Н.Б. Политический дискурс как коммуникативная практика конструирования виртуальной политической реальности / Н.Б. Белугина, Л.В. Рязанова // Власть. — 2020. — Т. 28. — № 2. — С. 82-88.
59. Блинова, О.В. Деформация средств выражения грамматической связности как следствие воспроизводимости текста (на материале грамоток XVI-XVII вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — СПб., 2010. — 23 с.
60. Бобрикова, Е.Н. Средства связности текста в литературе «потока сознания» (на материале романа Джеймса Джойса «Улисс»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ростов-на-Дону, 2008. — 20 с.
61. Богатков, Д.С. Понятие доминирующего манипулятивного типа конфликтной языковой личности в блоге / Д.С. Богатков // Студенческий форум. — 2020. — № 19-2 (112). — С. 52-56.
62. Богин, Г.И. Концепция языковой личности: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. — Л., 1982. — 31 с.
63. Богуславская В.В., Богуславский И.В. Медиатекст и хэштеги: цифровая трансформация // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 5. С. 51-58.
64. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. (В тексте — с номером тома)
65. Бойченко, Т.В. Гендерная составляющая блог-коммуникации (на материале личных автономных блогов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Майкоп, 2013. — 22 с.
66. Болотнов, А.В. Особенности аргументации в медиадискурсе информационно-медийной языковой личности синкретичного типа (на материале блогов публициста Г.И. Мирского) / А.В. Болотнов // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: Мат. докл. и сообщ. Междунар. научн. конф. — Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. — С. 272-281.

67. Болотнов, А.В. Отражение аксиологической картины мира языковой личности в блогах В. Познера / А.В. Болотнов // Язык и культура: Сб. ст. XXIV Междунар. научн. конф.; отв. ред. С.К. Гураль. — Томск: НИТГУ, 2014. — С. 23-29.

68. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. — М.: Либроком, 2014. — 288 с.

69. Борисов, А.А. Описание природы как средство обеспечения коммуникативно-прагматической когерентности художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ставрополь, 2009. — 22 с.

70. Бочавер, С.Ю. Связность драматического текста и сценическая коммуникация (на материале русской и испанской драматургии конца XIX — начала XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — М., 2012. — 29 с.

71. Будаев, Э.В. Зарубежная политическая лингвистика: учебное пособие / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 352 с.

72. Валгина, Н.С. Теория текста: учебное пособие / Н.С. Валгина. — М.: Логос, 2003. — 280 с.

73. Великоредчанина, Л.С. Роль фразеологизмов в создании когезии в англоязычных художественных текстах / Л.С. Великоредчанина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2015. — № 7. — С. 141-148.

74. Величко, М.А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий / М.А. Величко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2016. — № 2 (177). — С. 39-43.

75. Величко, М.А. Лексическая когезия: особенности реализации в рекламном дискурсе / М.А. Величко // Прагмалингвистика и практика речевого общения: Мат. V Междунар. науч.-практ. конф. — Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2011. — С. 10-15.

76. Вербицкая, О.М. Textoобразующий потенциал когезии в структурно-смысловой организации текста (на материале текстов произведений англоязычных авторов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Иркутск, 2001. — 20 с.

77. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1980. — 360 с.

78. Власкова, М.В. Языковая личность бывшего сельского жителя: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Киров, 2012. — 22 с.

79. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак; пер. с англ. и нем. — Волгоград: Перемена, 1997. — 139 с.

80. Володина, М.С. Средства формальной и смысловой связности в диалогическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ростов-на-Дону, 2015. — 22 с.

81. Володина, М.С. Субституция как средство связности в драматическом тексте / М.С. Володина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 1-2 (79). — С. 282-285.

82. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64-72.

83. Воробьев, В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. — М.: РУДН, 2006. — 336 с.

84. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагменты прикладной (педагогической) модели языка: учебник / М.В. Всеволодова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 501 с.

85. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. — М.: КомКнига, 2006. — 144 с.

86. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. — М.: Новое лит. обозрение, 1996. — 348 с.

87. Гезельбаш, Нилуфар. Авторское намерение и его реализация в текстах российского политического блог-дискурса / Гезельбаш Нилуфар // Славянская

культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXI Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции. — М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020. — С. 77-82.

88. Гезельбаш, Нилуфар. Коммуникативные стратегии самопрезентации языковой личности российского политика / Гезельбаш Нилуфар // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. — Калининград: Полиграфычъ, 2020. — С. 70-76.

89. Гезельбаш, Нилуфар. Лексические особенности блог-дискурса российских политиков / Гезельбаш Нилуфар // Актуальные проблемы и современные тенденции развития социально-экономических наук в XXI веке: взгляд молодых ученых: Сборник статей Всероссийской научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов. — М.: Мир науки, 2019. — С. 211-213.

90. Гезельбаш, Нилуфар. Нарушение лексической когезии и когерентности в оппозиционном политическом блоге / Гезельбаш Нилуфар // Современное педагогическое образование. — 2019. — № 11. — С. 175-179.

91. Гезельбаш, Нилуфар. Нарушение лексической когерентности в оппозиционных российских политических блогах / Э.А. Китанина, 58. Гезельбаш Нилуфар // Казанская наука. — 2019. — № 4. — С. 62-65.

92. Гезельбаш, Нилуфар. Нарушения когерентности в российских политических блогах / Гезельбаш Нилуфар, Э.А. Китанина // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур); гл. ред. М.Н. Русецкая. — М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019. — С. 125-127.

93. Гезельбаш, Нилуфар. Нарушения лексической когерентности в российских политических блогах / Гезельбаш Нилуфар // Язык. Коммуникация. Культура — 2019: Альманах по итогам III Международной научно-практической конференции молодых ученых — магистрантов и аспирантов. — М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019. — С. 58-60.

94. Гезельбаш, Нилуфар. Прагматические особенности блог-дискурса российских политиков / Гезельбаш Нилуфар // Когнитивные исследования языка. — 2020. — № 2 (41). — С. 534-538.

95. Гезельбаш, Нилуфар. Реализация категорий связности в российских политических блогах / Гезельбаш Нилуфар // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2020. — № 1. — С. 138-142.

96. Гезельбаш, Нилуфар. Языковая личность русского политика / 58. Гезельбаш Нилуфар // В мире русского языка и русской культуры: Сборник тезисов IV Международной студенческой научно-практической конференции. — М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020. — С. 75-78.

97. Гермашева, Т.М. Языковая личность субъекта блог-дискурса: лингвокогнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ростов-на-Дону, 2011. — 21 с.

98. Гонтарев, Д.В. Фигуры прибавления как средство выражения категории связности в поэтическом тексте (на материале лирики А. Блока и У.Б. Йейтса): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ростов-на-Дону, 2011. — 16 с.

99. Горошко, Е.И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области / Е.И. Горошко // Жанры речи. Вып. 5: Жанр и культура. — Саратов: Наука, 2007. — С. 370-389.

100. Горшкова, Е.И. Блог как вид интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — СПб., 2013. — 23 с.

101. Грипас, Н.О. Функции парцелляции в коммуникативном синтаксисе / Н.О. Грипас // Научные исследования в современном мире: теория, методология, практика: Сб. ст. по мат. междунар. науч.-практ. конф. — Уфа: Вестник науки, 2019. — С. 201-208.

102. Гришин, О.Е. Блогосфера (политический сегмент): некоторые инструментальные характеристики / О.Е. Гришин, В.П. Беляева // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2014. — № 25. — С. 169-172.

103. Грозданов, Ф.Т. Язык молодежных интернет-газет: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. — М., 2007. — 24 с.

104. Грушевская, Т.М. Политический газетный дискурс (лингвопрагматический аспект): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. — Краснодар, 2002. — 40 с.

105. Гукосьянц, О.Ю. Механизмы самопрезентации мужчин в англоязычной компьютерно-опосредованной коммуникации / О.Ю. Гукосьянц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2014. — № 2 (21). — С. 95-102.

106. Деваева, Н.В. Роль первого компонента высказывания в формировании когерентности научного текста (на материале лингвистических текстов современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Саранск, 2005. — 21 с.

107. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 2000. — 312 с.

108. Диасамидзе, Л.Р. Способы конструирования гендерной идентичности в интернет-дискурсе: на материале англоязычных и русскоязычных текстов политических сетевых дневников (блогов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. — Тюмень, 2010. — 25 с.

109. Долгова, К.И. Информационная база как составляющая экстралингвистического уровня языковой личности блогера (на материале блога Криса Вейганта) / К.И. Долгова // Молодой ученый. — 2018. — № 19 (205). — С. 399-401.

110. Долгова, К.И. Особенности языковой личности Криса Вейганта как субъекта англоязычного политического блог-дискурса / К.И. Долгова // Молодой ученый. — 2016. — № 14 (118). — С. 654-660.

111. Дорлигийн, А. Современный русский политический дискурс: лексико-семантический аспект (на материале языка российских газет 90-х гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — М., 1999. — 19 с.

112. Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии / Т.М. Дридзе; Отв. ред. И.Т. Левыкин. — М.: Наука, 1984. — 268 с.

113. Дускаева, Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.10. — СПб., 2004. — 42 с.

114. Дымарский, М.Я. Текст — дискурс — художественный текст / М.Я. Дымарский // Текст как объект многоаспектного исследования: Сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus». Вып. 3. Ч. 1. — СПб.-Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. — С. 32-66.

115. Евдокимова, Е.Э. Активные процессы в развитии языка интернет-коммуникации / Е.Э. Евдокимова, Ю.Н. Новикова // Наука и мир в языковом пространстве: Сб. научн. тр. 3-й Междунар. научн. конф. — Макеевка: ДНАСА, 2017. — С. 59-64.

116. Евсюкова, Т.В. Основные подходы к определению понятий «блог» и «блогосфера» в лингвистике / Т.В. Евсюкова, Т.М. Гермашева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 11-2. — С. 234-239.

117. Егорова, О.С. Актуальные проблемы коммуникативного синтаксиса / О.С. Егорова // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — Т. 1. — № 4. — С. 116-119.

118. Ефремова, М.Д. Вводные слова как коммуникативные маркеры связности в письменной речи / М.Д. Ефремова // Актуальные вопросы современного иноязычного образования: Мат. II Всерос. науч.-практ. конф.; научн. ред. И.А. Андреева. — Армавир: АГПУ, 2020. — С. 162-165.

119. Жаббарова, Ф.У. Категория связности в научно-популярном тексте (на материале немецких научно-популярных статей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Уфа, 2015. — 22 с.

120. Жаббарова, Ф.У. Репрезентация категории связности с использованием лексических средств в немецком научно-техническом тексте /

Ф.У. Жаббарова // Вестник Гуманитарного института ТГУ. — 2010. — № 1 (7). — С. 112-115.

121. Жаворонкова, Р.Н. Прагматическая когерентность специальных текстов. Древесиноведение коммерческих пород: учебное пособие / Р.Н. Жаворонкова, З.В. Маньковская. — М.: Изд-во МГУЛ, 2007. — 114 с.

122. Загаринский, Е.А. Особенности реализации категории когезии в научно-техническом тексте / Е.А. Загаринский // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: Всерос. науч.-практ. конф. — Пенза: ПГТУ, 2014. — С. 67-74.

123. Загоруйко, И.Н. Языковые клише в блогосфере интернет-дискурса: функционально-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ижевск, 2013. — 23 с.

124. Зайцева, Н.В. Антонимическая когезия в современном русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ростов-на-Дону, 2008. — 24 с.

125. Зайцева, О.Л. Когезия в текстах газетных и журнальных статей / О.Л. Зайцева // Университетские чтения — 2015: Мат. науч.-метод. чтений ПГЛУ. — Пятигорск: ПГЛУ, 2015. — С. 15-19.

126. Замашанская, Е.С. Роль начала как сильной позиции в позиционной структуре текста / Е.С. Замашанская // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. — 2012. — № 2. — С. 166-171.

127. Замилова, А.В. Лингвосоционическое моделирование русской языковой личности (на материале интернет-блога): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Кемерово, 2013. — 26 с.

128. Засеева, Г.М. Лексико-семантические средства создания связности поэтического текста (на материале «Дуинских элегий» Р.М. Рильке): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — М., 2002. — 20 с.

129. Зигманн, Ж.В. Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — М., 2003. — 24 с.

130. Зильберман, Л.И. Лингвистика текста и обучение чтению английской научной литературы / Л.И. Зильберман; Отв. ред. Р.Г. Синев. — М.: Наука, 1988. — 156 с.
131. Зиньковская, А.В. Драматургический дискурс: теоретические и прикладные аспекты интерпретации: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. — Майкоп, 2015. — 41 с.
132. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. — М.: Наука, 1982. — 368 с.
133. Зорина, Е.С. Синтагматическое членение текста в аспекте замысла автора (на материале рассказа М. Шишкина «Пальто с хлястиком») / Е.С. Зорина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2019. — № 7 (184). — С. 81-85.
134. Зубрий, С.П. Лексические средства достижения связности гипертекста / С.П. Зубрий // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования — I: Сб. научн. ст. I Междунар. науч.-практ. интернет-конф.; под ред. А.К. Шевцовой. — Могилёв: МогГУ, 2019. — С. 30-32.
135. Ильенко, С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / С.Г. Ильенко; отв. ред. М.Я. Дымарский. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. — 398 с.
136. Кадыр, Г. Анализ механизмов связности дискурса / Г. Кадыр // Иностранные языки в высшей школе. — 2016. — № 2 (37). — С. 93-99.
137. Казаченко, О.В. Когерентность и когезия текста / О.В. Казаченко // Альманах современной науки и образования. — 2009. — № 8-2. — С. 88-90.
138. Казнова, Н.Н. Особенности конструирования французского сетевого дневника (к вопросу о выборе речевой маски блогера) / Н.Н. Казнова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 39 (177). — С. 65-71.
139. Какорина, Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы / Е.В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). — М.: Языки русской культуры, 1996. — С. 409-426.

140. Калашаова, А.Ш. Политический дискурс: аспекты социального воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Краснодар, 2006. — 20 с.

141. Калашникова, А.А. Устноподобность как инструмент влияния в коммуникативной блог-среде / А.А. Калашникова, И.В. Ковалева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2013. — № 5. — С. 367-369.

142. Калашникова, А.А. Языковая личность в русскоязычном блоге: когнитивно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ростов-на-Дону, 2011. — 19 с.

143. Карамова, А.А. Текст и дискурс: соотношение понятий / А.А. Карамова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2013. — № 2. — С. 19-23.

144. Карандеева, Л.Г. Формирование гендерной идентичности в немецкоязычных политических блогах: вербально-семантический уровень / Л.Г. Карандеева, С.В. Нестерова // Инновационная наука. — 2015. — № 12-2. — С. 171-174.

145. Карандеева, Л.Г. Формирование гендерной идентичности в немецкоязычных политических блогах: лингвокогнитивный уровень / Л.Г. Карандеева // Казанская наука. — 2017. — № 12. — С. 99-102.

146. Карасик, В.И. О категориях дискурса. — Волгоградский государственный педагогический университет., 1998. — С.185-197.

147. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. научн. тр. — Волгоград: Перемена, 2014. — С. 5-20.

148. Карасик, В.И. Поэтическая делинеаризация текста / В.И. Карасик // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2013. — № 3 (24). — С. 5-14.

149. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.

150. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность / Отв. ред. Д.Н. Шмелёв. — М.: Наука, 1989. — С. 3-8.

151. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов; Отв. ред. Д.Н. Шмелев. — М.: Наука, 1987. — 261 с.

152. Карпов, Д.О. Коммуникационная конфликтность у пользователей сетей интернет / Д.О. Карпов // Социальная психология личности и акмеология: Сб. ст. молодых иссл.; отв. ред. Р.М. Шамионов. — М.: Перо, 2014. — С. 85-91.

153. Катышев, П.А. Фокусная анафора в практике создания текстов судебного решения / П.А. Катышев // Экология языка и коммуникативная практика. — 2013. — № 1 (1). — С. 73-97.

154. Квятковский, К.О. Основные методологические подходы к исследованиям дискурса политической блогосферы / К.О. Квятковский, О.Ф. Русакова // Социум и власть. — 2011. — № 3 (31). — С. 70-74.

155. Кегеян, С.Э. Лингвориторические параметры политического дискурса (на материале текстов идеологов большевизма): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — М., 2009. — 29 с.

156. Келейникова, А.Г. Повторы как характеризующий компонент политического дискурса Николя Саркози / А.Г. Келейникова, И.Ю. Котляревская // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2016. — № 3. — С. 82-85.

157. Ким, Л.Г. Дотекстовые ожидания адресата как фактор вариативности интерпретации политического текста / Л.Г. Ким, Е.С. Беляева // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2019. — № 57. — С. 48-62.

158. Кирчевский, К.К. Гендерные особенности англоязычного текста (на материале английских блогов) / К.К. Кирчевский // Медиасреда. — 2017. — № 12. — С. 164-166.

159. Китанина, Э.А. Использование иноязычных слов в СМИ-дискурсе как средство манипуляции общественным сознанием / Э.А. Китанина // Язык и

право: актуальные проблемы взаимодействия: Сб. тр. конф. — Ростов-на-Дону: Донское кн. изд-во, 2011. — С. 89-94.

160. Китанина, Э.А. Прагматический потенциал иноязычных слов и манипуляция сознанием в СМИ / Э.А. Китанина // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: Сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. — М.: РУДН, 2017а. — С. 216-223.

161. Китанина, Э.А. Прагматический потенциал «оценочной революции» в оппозиционной прессе: социальный аспект / Э.А. Китанина, С.В. Былкова // Теория и практика общественного развития. — 2017б. — № 1. — С.11-13.

162. Китанина, Э.А. Языковой пуризм в современном российском политическом дискурсе / Э.А. Китанина // Философские проблемы: вчера, сегодня, завтра: Ежегодный сб. научн. ст. — Ростов-на-Дону: РИНХ, 2016. — С. 90-94.

163. Клушина Н.И. Теория идеологем/ Политическая лингвистика. — 2014. — №4 (50). — С.54-58.

164. Ключев, Е.В. Фатика как предмет дискуссии / Е.В. Ключев // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. ст.: Памяти Т.Г. Винокур; отв. ред. Н.Н. Розанова. — М.: Наука, 1996. — С. 212-220.

165. Ключина, А.М. Пассивная конструкция как средство создания коммуникативной связности текста / А.М. Ключина // Язык. Словесность. Культура. — 2011. — № 1. — С. 88-93.

166. Ковтуненко, И.В. Категория связности в тексте блогов: когнитивный и лингвокультурный аспект / И.В. Ковтуненко // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации: Сб. ст. XVII Всерос. науч.-практ. — М.: РУДН, 2018. — С. 10-16.

167. Кожина, М.Н. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект / М.Н. Кожина // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв.: в 3-х т. / под ред. М.Н. Кожинной. Т. II. Ч. 1. — Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1996. — С. 44-77.

168. Козырева, М.К. История возникновения понятий «дискурс» и «электронный дискурс» / М.К. Козырева // Научный альманах. — 2017. — № 3-2 (29). — С. 431-434.

169. Коптяева, Н.Н. Образы Бориса Джонсона и Джереми Корбина в британских политических блогах: стратегии дискредитации / Н.Н. Коптяева // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация: Мат. Междунар. научн. конф.; отв. ред. А.П. Чудинов. — Екатеринбург: УРПУ, 2018. — С. 138.

170. Коптяева, Н.Н. Политический блог в период медиаконвергенции: жанровый аспект / Н.Н. Коптяева, А.С. Юферева // Вестник Московского государственного областного университета. — 2017. — № 1. — С. 9.

171. Кормилина, Н.В. Прагматическая связность реплик вопросно-ответного диалога / Н.В. Кормилина // Современные вопросы языкознания и переводоведения: Сб. научн. ст.; отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. — Чебоксары: ЧГПУ, 2014. — С. 23-27.

172. Корнев, В.Н. Средства локальной и глобальной связности публицистического текста (на примере немецкого политического комментария): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — СПб., 2010. — 23 с.

173. Кравченко, О.В. Синтаксические механизмы порождения лингвистического абсурда / О.В. Кравченко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2009. — № 106. — С. 141-146.

174. Красноперова, А.Ю. Блоги политических деятелей как инструмент влияния на политическую социализацию молодежи / А.Ю. Красноперова // RE:ПОСТ (патриотизм, образование, студенчество): Сб. научн. ст. и иссл. работ по ит. IV Межрегион. молодеж. науч.-образ. форума. — Кемерово: КРИРПО, 2020. — С. 123-128.

175. Кренвальк, А.А. Политические блоги как средство политического воздействия / А.А. Кренвальк // Вопросы политологии. — 2016. — № 2 (22). — С. 75-81.

176. Крижановская, Е.М. Особенности индивидуального стиля журналиста — автора политического интернет-блога / Е.М. Крижановская // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2011. — № 4 (16). — С. 88-96.

177. Крылова, О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка / О.А. Крылова. — М.: УРСС, 2009. — 171 с.

178. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. — М.: ИНИОН, 2000. — С. 5-13.

179. Кубрякова, Е.С. О тексте и критериях его определения / Е.С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика: Докл. VIII Междунар. конф.; под ред. Е.И. Дибровой: в 2 т. Т. 1. — М.: СпортАкадемПресс, 2001. — С. 72-81.

180. Кудимова, О.С. Речевые манипуляции в политическом блоге / О.С. Кудимова // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Мат. IV Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза: ПГТУ, 2018. — С. 410-422.

181. Кудрявцева, Н.Б. Аргументирующие функции коннекторов противопоставления в экономических текстах (на материале французского и русского языков) / Н.Б. Кудрявцева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2008. — № 536. — С. 95-104.

182. Кудряшов, И.А. Блог как сфера реализации социокультурных стереотипов / И.А. Кудряшов, А.А. Калашникова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2015. — № 2 (18). — С. 40-48.

183. Куковская, А.В. Типология записей в англоязычной интернет-коммуникации блогеров / А.В. Куковская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 8-2 (86). — С. 354-359.

184. Курьянова, И.С. Категория когезии в сопряженности с категорией информативности в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — М., 1991. — 26 с.

185. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. — 1993. — Т. 52. — № 1. — С. 3-9.

186. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю.М. Лотман. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 464 с.

187. Лукашевич, Е.В. Коммуникативная позиция говорящего в политическом блоге (на материале блога А.Б. Карлина) / Е.В. Лукашевич // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. — 2016. — № 9. — С. 144-151.

188. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса: монография / М.Л. Макаров. — М.: Гнозис, 2003. — 280 с.

189. Макаров, М.Л. Языковое общение в малой группе: опыт интерпретативного анализа дискурса: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. — Тверь, 1998. — 443 с.

190. Максимова, О.Б. Средства выражения категории культуроспецифичности в интернет-дискурсе (на примере российской блогосферы) / О.Б. Максимова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2019. — № 9. — С. 156-160.

191. Манаенко, С.А. Антропоцентрические характеристики аналитического текста публицистического дискурса / С.А. Манаенко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2015. — № 4 (20). — С. 56-60.

192. Манжосова, А.А. Блог как инструмент политического брендинга / А.А. Манжосова // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: Мат. IV Всерос. науч.-практ. конф.; под ред. А.Д. Кривоносова. — СПб.: СПГЭУ, 2018. — С. 180-181.

193. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. — М.: Академия, 2001. — 208 с.

194. Мельник, Н.В. Политический интернет-комментарий: лингвоперсонологический и лингвокультурологический аспекты / Н.В. Мельник // Языки и литература в поликультурном пространстве. — 2020. — № 6. — С. 85-87.

195. Милевская, Т.В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. — Ростов-на-Дону, 2003. — 43 с.

196. Мурашковская, Е.М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров / Е.М. Мурашковская // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2014. — № 5. — С. 53-59.

197. Мустапаева, А.Д. Целостность и связность креолизованного текста в интернет-сообщении / А.Д. Мустапаева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 4. — С. 128-130.

198. Назарова, Л.А. Подростковый дискурс: функционально-прагматический аспект (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Уфа, 2014. — 24 с.

199. Найок, О.Б. Когерентность в общественно-политическом дискурсе на примере газетной статьи с последующими комментариями к ней / О.Б. Найок // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2019. — № 7 (823). — С. 30-42.

200. Нахимова, Е.А. Прецедентные феномены как доминанта политического текста / Е.А. Нахимова // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: Мат. Междунар. научн. конф.; гл. ред. А.П. Чудинов. — Екатеринбург: УГПИ, 2014. — С. 173-175.

201. Негрышев, А.А. Некоторые проблемы теории текста в перспективе дискурс-анализа / А.А. Негрышев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 5-2 (23). — С. 149-151.

202. Нестеренок, Ю.И. Политический блогинг в политико-коммуникативных процессах современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — Ростов-на-Дону, 2013. — 22 с.

203. Никитина, К.В. Когезия и когерентность в реализации манипулятивного потенциала политического дискурса СМИ / К.В. Никитина // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: Мат. III Всерос. науч.-практ. конф.; отв. ред. Р.А. Газизов. — Уфа: БГУ, 2017. — С. 98-104.

204. Никифорова, М.В. Средства и функции комического в жанре политического интернет-блога / М.В. Никифорова, Е.А. Нахимова // Уральская горная школа — регионам: Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. — Екатеринбург: УГГУ, 2018. — С. 932-933.

205. Николаева, Т.М. Текст / Т.М. Николаева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 507.

206. Николина, Н.А. Филологический анализ текста: учебное пособие / Н.А. Николина. — М.: Академия, 2003. — 256 с.

207. Новикова, Е.Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников: автореф. дис... канд. фил. наук: 10.02.01. — Ставрополь, 2005. — 21 с.

208. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. — Волгоград: Парадигма, 2004. — 507с.

209. Оридорога, Е.С. Антропоцентрический анализ речи политического лидера / Е.С. Оридорога, А.М. Холод // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 1999. — № 2 (14). — С. 107-109.

210. Орлова, О.А. Роль словообразовательных средств в формировании когерентности текста в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Н. Новгород, 2002. — 20 с.

211. Павленко, В.Г. Категория когезии в текстах научно-педагогической публицистики английского языка / В.Г. Павленко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 4-2 (58). — С. 139-142.

212. Палашевская, И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: автореф. докт. филол. наук: 10.02.19. — Волгоград, 2012. — 40 с.
213. Панкратова, К.А. Грамматические особенности авторского блог-дискурса / К.А. Панкратова // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Мат. VI Всерос. студ. науч.-практ. конф.; под ред. Л.П. Полянской. — Новосибирск: НГПУ, 2017. — С. 298-299.
214. Панфилов, Е.О. Прием зачеркивания в интернет-дневниках прокремлевских и оппозиционных блогеров / Е.О. Панфилов // Русский язык: человек, культура, коммуникация — IV: Сб. мат. Междунар. научн. конф. — Екатеринбург: УрФУ, 2014. — С. 124-135.
215. Пастухова, О.Д. Политический медиадискурс как разновидность политического дискурса / О.Д. Пастухова // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. — 2019. — № 1 (34). — С. 62-66.
216. Петрова, Е.А. Прагматический аспект внутридиктемной когезии / Е.А. Петрова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. — 2011. — Т. 17. — № 3. — С. 147-150.
217. Пластинина, Н.А. Понятия текста, периферийного текста в современной отечественной лингвистике / Н.А. Пластинина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 7-1 (61). — С. 115-117.
218. Плесканюк, Т.Н. Комплексные средства словообразовательной связности текста в современном русском языке: структурно-семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Н. Новгород, 2014. — 24 с.
219. Плотникова, С.Н. Политик как конструктор дискурса реагирования / С.Н. Плотникова // Политический дискурс в России: Мат. постоянно действующего семинара / Под ред. В.Н. Базылева, В.Г. Красильниковой. Вып. 8. — М.: Макс-пресс, 2005. — С. 22-26.
220. Политкина, Г.А. Использование компаративных средств при изучении иностранного языка / Г.А. Политкина // Ярославский педагогический вестник. — 2018. — № 6. — С. 145-150.

221. Понятина, Т.П. Причинно-следственные союзы как коннекторы аргументации в художественном тексте / Т.П. Понятина // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: Мат. междунар. научн. конф. — Волгоград: ВГУ, 2016. — С. 41-47.

222. Прокопья, В.К. Механизмы анафоры при речепорождении и речепонимании: экспериментальное исследование на материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — СПб., 2017. — 27 с.

223. Пузов, Н.А. Актуальные проблемы коммуникативного синтаксиса в русском языкознании / Н.А. Пузов // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2021. — № 1 (67). — С. 13-17.

224. Распопов, И.П. Строение простого предложения в современном русском языке / И.П. Распопов. — М.: Либроком, 2012. — 189 с.

225. Реферовская, Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е.А. Реферовская. — Л.: Наука, 1989. — 168 с.

226. Рябова, М.Э. Языковая личность блогера в современной коммуникации / М.Э. Рябова // Организационная психолингвистика. — 2018. — № 1 (1). — С. 3.

227. Савельева, Л.А. Роль частиц в когезии и когерентности текста / Л.А. Савельева // Вестник Башкирского университета. — 2018. — Т. 23. — № 1. — С. 225-232.

228. Сазонова, Н.В. Средства реализации категории связности в математическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Екатеринбург, 2008. — 21 с.

229. Саланина, О.С. Серийные местоимения как средство когезии в художественном тексте / О.С. Саланина // Языки и литература в поликультурном пространстве. — 2016. — № 2. — С. 118-121.

230. Салихова, Ю.Р. Блог и интернет-дневник: соотношение понятий / Ю.Р. Салихова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2011. — № 1. — С. 171-172.

231. Самохвалова, Е.В. Референция как средство реализации когезии в тексте / Е.В. Самохвалова // *Дискуссия теоретиков и практиков*. — 2011. — № 3-4 (5). — С. 33-37.

232. Сафина, А.Р. Анализ поведения ботов в российском политическом киберпространстве: на основе материалов российских политических блогов / А.Р. Сафина, Б.Б. Борисов // *Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях: Мат. VII междунар. социол. Грушинской конф.*: отв. ред. А.В. Кулешова. — М.: ВЦИОМ, 2017. — С. 796-801.

233. Седов, К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистические аспекты / К.Ф. Седов; Под ред. О.Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. — 179 с.

234. Селютин, А.А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности / А.А. Селютин // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2009. — № 35 (172). — С. 138-141.

235. Семенова, М.В. Присоединение как один из аспектов коммуникативного синтаксиса / М.В. Семенова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2016. — № 5-2 (59). — С. 136-138.

236. Серио, П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций / П. Серио // *Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса*. — М.: Прогресс, 2002. — С. 337-383.

237. Сидненко, М.С. Речеорганизующие единицы жанра «политический блог» / М.С. Сидненко // *Апробация*. — 2014. — № 9. — С. 56-58.

238. Синельникова, Л.Н. Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности / Л.Н. Синельникова // *Политическая лингвистика*. — 2009. — № 30. — С.41-47.

239. Смирнова, Е.В. Гендерные различия в молодежном интернет-дискурсе (на материале англоязычных интернет-блогов и чатов) / Е.В. Смирнова // *Лексикографическая копилка: Сб. научн. ст.; под научн. ред. В.В. Гончаровой*. — СПб.: СПГЭУ, 2019. — С. 73-79.

240. Солганик, Г.Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2005. — № 2. — С. 7-16.

241. Соловьева, С.А. Синтаксические средства организации когезии текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Череповец, 1997. — 20 с.

242. Сорокин, Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия / Ю.А. Сорокин // Политический дискурс в России: Мат. рабочего совещания. — М., 1997. — С. 57-62.

243. Старовойтова, И.А. Вставные конструкции как явление коммуникативного синтаксиса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — СПб., 2000. — 20 с.

244. Стернин, И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX — начала XXI века / И.А. Стернин. — Воронеж: ВГУ, 2004. — 93 с.

245. Стрельцова, Е.В. Сильные позиции художественного текста: начало и конец произведения (на материале произведений Р. Даля) / Е.В. Стрельцова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2018. — Т. 1. — № 1. — С. 31-37.

246. Стренадюк, Е.Б. О роли повтора в обеспечении когерентности текста / Е.Б. Стренадюк, Г.С. Стренадюк // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2014. — № 11 (172). — С. 128-133.

247. Субботина, Т.А. Языковые особенности блоговых текстов / Т.А. Субботина, В.И. Бардусова, Д.В. Торик // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития: Сб. ст. по ит. Междунар. науч.-практ. конф. — Уфа: АМИ, 2018. — С. 162-167.

248. Суховалова, Е.А. Категории когезии и когерентности в контексте англоязычного политического дискурса / Е.А. Суховалова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2010. — № 587. — С. 40-49.

249. Талиашвили, М.Ф. Способы реализации речевой стратегии подчинения в блогах политиков / М.Ф. Талиашвили, М.А. Голованева // Научно-методический электронный журнал Концепт. — 2017. — № Т39. — С. 1706-1710.

250. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. — М: Языки русской культуры, 1999. — С. 13-22.

251. Тиховодова, А.В. Философский анализ особенностей российской модели электронной демократии / А.В. Тиховодова // Вестник Вятского государственного университета. — 2017. — № 11. — С. 22-27.

252. Трушков, М.А. Семантика типичности и основные средства её выражения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Киров, 2018. — 217 с.

253. Тулинцева, Е.А. Модель распределения норм языка текстов-примитивов Интернета (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Оренбург, 2010. — 21 с.

254. Тураева, З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика): учебное пособие / З.Я. Тураева. — М.: Просвещение, 1986. — 127 с.

255. Тхорик, В.И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян. — М.: ГИС, 2005. — 260 с.

256. Ундрицова, М.В. Глоттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты (на материале русского, английского, французского и греческого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. — М., 2015. — 21 с.

257. Усачева, О.Ю. Дискурсный анализ текстов диалогической интернет-коммуникации: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. — Елец, 2013. — 52 с.

258. Ушанов, П.В. Система медийной политической коммуникации РФ: к структуризации блогов / П.В. Ушанов // Исторические, философские,

политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 5-2 (55). — С. 194-198.

259. Федорова, М.А. Типы эндофорической отсылки в дискурсе / М.А. Федорова // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сб. мат. IV Междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар: КубГТУ, 2019. — С. 774-782.

260. Фокина, М.А. Жанровые и языковые особенности блогов политиков / М.А. Фокина // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4 (50). — С. 187-192.

261. Фокина, М.А. Феномен прецедентности в российском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Н. Новгород, 2017. — 24 с.

262. Фомин, О.Н. Политический блог: опыт социологического анализа / О.Н. Фомин, Д.В. Акаев // Среднерусский вестник общественных наук. — 2009. — № 3 (12). — С. 83-87.

263. Фомичева, М.П. Эллипсис как эффективный инструмент экономии языковых средств в современной немецкой прессе / М.П. Фомичева, Л.З. Буцурадзе // Филологический аспект. — 2020. — № 6 (62). — С. 43-53.

264. Халиуллина, М.С. Блог как средство коммуникации региональных политических деятелей с электоратом / М.С. Халиуллина // Вопросы теории и практики журналистики. — 2017. — Т. 6. — № 4. — С. 603-614.

265. Худяева, Ю.Ю. Различие в степени когезии отдельных элементов в общей структуре текста (на материале пейзажных описаний во французской художественной литературе XIX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. — СПб., 2001. — 20 с.

266. Хэллидей, М.А.К. Когезия в английском языке / М.А.К. Хэллидей, Р. Хасан // Исследования по теории текста: реферативный сборник. — М.: Лингво, 1979. — С. 108-115.

267. Цветков, А.Н. Средства репрезентации гендерных различий в дискурсе английских политических блогов / А.Н. Цветков // Теория и практика

лингвистического описания разговорной речи. — 2018. — № 2 (31). — С. 235-240.

268. Цыбикова, Н.С. Строй текста новостей в интернет-СМИ и его оценочный аспект (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — М., 2011. — 16 с.

269. Чайко, Н.Н. Эллипсис как один из способов реализации экспрессивного синтаксиса в современных публицистических интервью / Н.Н. Чайко // Современные исследования социальных проблем. — 2018. — Т. 10. — № 4-1. — С. 166-175.

270. Чернышов, Ю.Г. Медиатексты в коммуникативном пространстве политических блогов / Ю.Г. Чернышов // Медиатекст как полиинтенциональная система: Сб. ст. — СПб.: СПбГУ, 2012. — С. 99-104.

271. Чернявская, В.Е. Дискурс / В.Е. Чернявская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2011. — С. 53-55.

272. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие / В.Е. Чернявская. — М.: Флинта, 2013. — 208 с.

273. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А.П. Чудинов. — Екатеринбург: УрГПУ, 2003. — 248 с.

274. Чурилина, Л.Н. Антропоцентрический принцип в исследовании лексической структуры художественного текста / Л.Н. Чурилина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2003. — Т. 3. — № 5. — С. 63-75.

275. Шапочкин, Д.В. Когнитивные аспекты политического дискурса (на материале британских, американских и немецких публичных политических речей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. — Тюмень, 2005. — с.

276. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. — М.: Гнозис, 2004. — 324 с.

277. Шеховцева, Л.А. Блогосфера как инструмент продвижения политических брендов / Л.А. Шеховцева // Социальные явления — журнал международных исследований. — 2012. — № 1 (1). — С. 133-138.

278. Шмаков, А.А. Бытие текста с обращением в интернет-коммуникации (на материале русскоязычных блогов и форумов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Горно-Алтайск, 2014. — 24 с.

279. Шпар, Е.В. Роль английских и русских глагольных единиц в формировании связности текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. — Уфа, 2004. — 25 с.

280. Шушарина, И.А. Грамматическая категория падежа в аспекте коммуникативного синтаксиса / И.А. Шушарина // Актуальные проблемы современной русистики: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. — Вятка: ВГПУ, 2000. — С. 123-124.

281. Щенников, М.А. Интернет-технологии в политической коммуникации современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — Ярославль, 2010. — 25 с.

282. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 432 с.

283. Ющенко, Ю.Е. Языковые инновации в англоязычном блог-дискурсе / Ю.Е. Ющенко // Иностранные языки: проблемы преподавания и риски коммуникации: Научн. иссл. студ.; под ред. Р.З. Назаровой, Г.А. Никитиной. — Саратов: Сарат. источник, 2018. — С. 228-234.

284. Agar M. Institutional Discourse // Text. — No 5 (3). — P. 147-168.

285. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984 / G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller (eds.). — Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. — P. 77-174.

286. Bergsdorf W. Politik und Sprache. — Miinchen, Wien: Olzog, 1978. — 186 p.

287. Boguslavskaya V., Sharakhina L.V., Tomaščíková S. Visualisation of digital media discourses: a case of Russian study of Russian language esports media // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. 2020. T. 17. № 5. C. 192-201. SCOPUS
288. Cook G. The Discourse of Advertising. — London; New York, 1992. — 250 p.
289. Crystal D. Language and the Internet. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
290. Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. — Heidelberg: C. Winter, 1969. — 132 p.
291. Fetzer A. The Pragmatics of Political Discourse. — Amsterdam; Philadelphia, 2013. — 246 p.
292. Green D. The Language of Politics in America: Shaping the Political Consciousness from McKinley to Reagan. — Ithaca: Cornell University Press, 1987. — 277 p.
293. Gronbeck B.E. The Presidency in the Age of Secondary Orality // Beyond the Rhetorical Presidency. — College Station: Texas A&M University Press, 1996. — P. 30-49.
294. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. — London: Longman, 1976. — 374 p.
295. Halliday M.A.K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. — London: Edward Arnold, 1978. — 256 p.
296. Halliday M.A.K., Hasan R. Language, Context and Text: Aspects of Language in a Social-semiotic Perspective. — Oxford: Oxford University Press, 1985. — 126 p.
297. Nimmo D., Combs J. Mediated Political Realities. — New York: Longman, 1983. — 240 p.
298. Winford D. An introduction to contact linguistics. — Wiley: Blackwell, 2002. — 440 p.
299. Yule G. Pragmatics. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 127 p.

Словари и энциклопедические источники

300. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. — М.: ИКАР, 2009. — 448 с.

301. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. — М.: Сов. энц., 1969. — 607 с.

302. Егорова, Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т.В. Егорова. — М.: Аделант, 2014. — 800 с.

303. Ефремова, Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. — М.: Дрофа, 2000. — 1233 с. (онлайн версия) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 27.08.2021).

304. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т.В. Жеребило. — Назрань: Пилигрим, 2016. — 610 с.

305. Литературная энциклопедия: в 11 т. / Под редакцией В.М. Фриче, А.В. Луначарского. — М.: Изд-во Коммунистической академии, Сов. энциклопедия, Худ. лит. 1929-1939.

306. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. — М.: Языки слав. к-ры, 2003. — 1417 с. (В тексте — НОСС)

307. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.

308. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.

309. Розенталь, Д.Э. Словарь трудностей русского языка / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 832 с.

310. Словарь интернет-терминов, интернет-сленга и жаргона [Электронный ресурс]. — URL: <http://internetrabota.net/for-beginners/internet-dictionary.html> (дата обращения: 16.06.2021). (В тексте — Словарь ИТ)

311. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова и др.; отв. ред. В.Ю. Михальченко. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. — 312 с. (В тексте — ССТ)

312. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 696 с. (В тексте — СЭСК)

313. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.

Словарь основных понятий (гlossарий)**Текст:**

1. В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой определение текста дано максимально кратко; текст характеризуется как «произведение речи, зафиксированное на письме» [Ахманова 1969: 470].

2. В словаре-справочнике Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой текст – это «произведение речи (высказывание), воспроизведённое на письме или в печати» [Розенталь 1985: 355].

3. И.Р. Гальперин отмечает, что текст как результат сознательной обработки языкового выражения должен быть лишён спонтанности [Гальперин 2006: 15].

4. В словаре С.И. Ожегова текст – это «всякая записанная речь (литературное произведение, сочинение, документ, а также часть, отрывок из них)» [Ожегов 1999: 791].

5. В словаре Т.В. Жеребило текст определяется как «словесное, устное или письменное произведение, представляющее собой единство некоторого более или менее завершённого содержания (смысла) и речи, формирующей и выражающей это содержание» [Жеребило 2016: 488].

6. Текст – это «результат говорения или письма, продукт речевой деятельности» [Азимов 2009: 303].

7. В большом энциклопедическом словаре «Языкознание» текст определяется как «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Николаева 1998: 507].

8. В стилистическом энциклопедическом словаре русского языка под редакцией М.Н. Кожинной текст – это «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность, целостность, завершённость и др.» [Баженова 2011: 528].

9. Г.Я. Солганик определяет текст как «сложную, иерархически организованную многоплановую структуру, представляющую собой речевое произведение, характеризующееся целостностью, связностью и завершенностью» [Солганик 2005: 7],

10. В определении З.Я. Тураевой, которая понимает текст как «некое упорядоченное множество предложений, объединенных различными типами лексической, логической и грамматической связи, способное передавать определенным образом организованную и направленную информацию» [Тураева 1986: 11].

11. С точки зрения семиотики текст – это «осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации <...>, в языкознании – последовательность вербальных (словесных) знаков» [Николаева 1998: 507].

12. Текст – организованная по форме и содержанию совокупность речевых и языковых единиц, которые характеризуются в едином смысловом пространстве цельностью, законченностью, коммуникативной мотивированностью и целесообразностью, а также возможностью вступления в диалог с другими текстами.

13. З. Я. Тураева определяет лингвистику текста как «науку о сущности и организации предпосылок и условий человеческой коммуникации» [Тураева 1986: 5].

14. Н. С. Валгина в своём пособии по теории текста определяет текст как «динамическую единицу высшего порядка» [Валгина 2003: 3].

Коммуникативный синтаксис:

1. В основу трактовки синтаксиса как коммуникативного явления положено представление о том, что каждая коммуникативная единица языка, будь то предложение или текст, создаётся говорящим с целью организовать коммуникацию с собеседником, передать ему какую-то актуальную информацию, воздействовать на него [Егорова 2014: 116].

2. Г.А. Золотова соотносит коммуникативное понимание синтаксиса с сущностным антропоцентризмом языка, с его направленностью на

удовлетворение коммуникативных нужд человека; по мнению автора, картина мира «отражается в языке и, находя в каждом языке соответствующие формы выражения, становится содержанием коммуникации» [Золотова 1982: 5].

Синтаксические единицы:

1. И.П. Распопов характеризует предложение как «единицу коммуникации со свойственным ей и формально сигнализируемым сообщительным смыслом» [Распопов 2012: 31].

2. С.Г. Ильенко отмечает, что в структуре предложения существует целый «арсенал средств, которые, принадлежа к области синтаксиса, нацелены на увеличение эффективности самого коммуникативного процесса» [Ильенко 2009: 13].

3. Ю.Д. Апресян отмечает, что любая единица языка предстаёт перед нами, на этом языке говорящими, «как целый мир, во всех тонкостях ее внутреннего устройства, во всем богатстве ее внешних связей, ведущих в систему языка, в синтагматический контекст, в ситуацию общения, а затем в филологию, литературу, историю, культуру, в лингвистическую традицию ее изучения» [Апресян 1995: 156].

Категория текста:

1. Основные категории, или категориальные признаки текста выявлены и описаны И.Р. Гальпериным: связность, цельность, информативность, членимость, интеграция, ретроспекция, концептуальность и завершенность [Гальперин 2006].

2. Л. Г. Бабенко и Ю.В. Казарин выделяют такие категории текста, как целостность (или цельность), связность, завершённость, абсолютная антропоцентричность, социологичность, диалогичность, развернутость и последовательность, статичность и динамичность, напряжённость, эстетичность, образность, интерпретируемость [Бабенко 2005: 41-44].

Информативность: информативности предполагает передачу в тексте законченной информации, причём от вида этой информации зависят формы

информативности – «повествование, рассуждение, описание (обстановки, ситуации, действия, природы, личности) и т. д.» [Гальперин 2006].

Концептуальность: концептуальность как важнейшая категория текста «в известной степени соотносится с идеей произведения», с теми мыслями, явными и скрытыми, которые стремился передать посредством текста его автор [Гальперин 2006].

Интеграции: интеграции проявляется в наличии различных типов подчинённости одних компонентов текста другим, например, «в формах подчинения одних частей текста другим, <...> в стилистических приемах» и т. п. [Гальперин 2006].

Ретроспекция / проспекция: ретроспекции / проспекции предполагает последовательность компонентов текста, наличие в тексте уже сказанного и планируемого, что может выражаться «как композиционными, так и лексическими средствами» [Гальперин 2006].

Членимость: это «функция общего композиционного плана произведения» [Гальперин 2006].

Адресатность: «ориентация на определённый круг людей» [Кубрякова 2001: 74].

Интенциональность: создание текста «для реализации какого-либо замысла» [Кубрякова 2001: 74].

Связность:

1. В словаре лингвистических терминов и понятий Т.В. Жеребило связность текста определяется как «основной признак текста, заключающийся в межзнаковом взаимодействии, основанном на связи элементов текста, определяющем целостность речевого сообщения и обусловленном авторским замыслом и особенностями языковой системы, стоящей за текстом» [Жеребило 2016: 394].

2. И. Р. Гальперин рассматривает связность как когезию (внутритекстовые связи). По мнению исследователя, когезия текста вытекает из его членимости,

поскольку «части, на которые дробится текст, объединяются, сохраняя единство, цельность произведения» [Гальперин 2006: 73].

3. По мнению М.А.К. Хэллидея и Р. Хасан связность не акцентирует то, что сообщает текст, но показывает, как в тексте организуется семантическое целое [Halliday 1976: 29].

4. Только благодаря связности «участники коммуникации могут сформировать определенную реакцию на содержащуюся в дискурсе информацию» [Кадыр 2016: 93].

5. Это текст, элементы которого (слова, предложения, абзацы, части и т. п.) хорошо структурированы и логично соединены.

Когезия:

1. И.Р. Гальперин определяет когезию как «особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую последовательность, (темпоральную и / или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [Гальперин 2006].

2. Организует части текста с тем, чтобы текст начал выглядеть связно, как семантическое целое; «внутритекстовые связи» [Величко 2016: 40]

3. Представляет собой отношения между «двумя или более элементами текста, относящимися к одному или разным уровням языка [Хэллидей 1079: 109].

Когерентность:

1. Вертикальная связь, «снизу вверх», от элементов текста к понимаю смысла [Казаченко 2009: 89].

2. Обеспечивает «связность, нелинейного типа», выражаемую «элементами разных уровней текста» [[Николина 2003: 34].

3. Организует части текста таким образом, чтобы авторская интенция становилась ясной, чтобы стал понятен посыл автора [Величко 2016: 40].

4. «Шире когезии»: охватывает не только структурную, но и семантико-прагматическую функциональность, тематическую, смысловую, деятельностную связность, понятийно-смысловую цельность, логико-семантическую цельность [Макаров 1998: 195].

Нарушения связности текста:

1. На основе закона связности формируется само понятие связного текста, а нарушение любого из двух аспектов связности – смыслового или структурного (или одновременно двух) – нарушает правильность устройства текста, что может исказить, например, его правильное восприятие [Откупщикова, 1987].

2. В.И. Карасик рассматривает применительно к поэтическому тексту «намеренное нарушение его семантической и структурной связности как способ повышения его экспрессивности и уплотнения ассоциативных смыслов» [Карасик 2013: 5].

3. О.В. Кравченко также обращается к намеренным нарушениям и выявляет, что «нарушение формальной связности синтаксических конструкций» является способом создания автором лингвистического абсурда [Кравченко 2009: 141].

4. Если учесть, что связность служит адекватному декодированию каждого из элементов текста, то можно предположить, что нарушение связности будет препятствовать такому декодированию.

Интернет-текст: по мнению А.А. Шмаков, бытие таких интернет-текстов определяется установкой коммуникантов «на неформальное общение, которая на текстовом уровне отражается в использовании формул обращений с характеризующей функцией» [Шмаков 2014: 6].

Дискурс:

1. Т.А. ван Дейк определяет дискурс как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [Дейк 1998: 4].

2. Л. В. Щерба отмечал, что «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [Щерба 2004: 24-25].

3. П. Серио называет дискурс «ментальным миром», подразумевая, что в нём происходит «особое использование языка», необходимое «для выражения особой ментальности» [Серио 2002: 338].

4. В. Е. Чернявская определяет дискурс как «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Чернявская 2011: 54].

5. Е. И. Шейгал даёт характеристику дискурса как семиотического пространства, включающего «вербальные и невербальные знаки», «представление о типичных моделях речевого поведения» и другие составляющие деятельностного характера [Шейгал 2004: 21].

6. Н. Д. Арутюновой определяет дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова 1998а: 137].

7. Дискурс – функционирующий в контекстах ситуации и культуры текст [Halliday 1985].

8. Совокупность вербальных и невербальных составляющих, хотя отобразить последние «не удаётся почти никогда» [Макаров 2003: 7].

Персональный дискурс: это дискурс отдельной личности, существующий в ситуациях общения; институциональный проявляется в том, что каждый говорящий – «представитель определенного социального института» [Карасик 2014: 6].

Политический дискурс:

1. Это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич, 1991: 6].

2. Е. А. Суховалова считает, что средствами связи в политическом дискурсе выступают «логическая аргументация, грамматические формы связи, композиционно-структурные формы» [Суховалова 2010: 48].

3. Э. В. Будаев и А.П. Чудинов считают, что в структуре современного политического дискурса значимой разновидностью является «массмедийный (медийный) политический дискурс, в рамках которого используются преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, Интернета» [Будаев 2008: 34].

Блог:

1. В словаре иностранных слов блог определяется как «персональная веб-страница, где автор размещает дневник с комментариями, размышлениями по различным вопросам и большим количеством гиперссылок на другие ресурсы» [Егорова 2014: 100].

2. Блог является «совместно конструируемым виртуальным текстом», то есть адресаты блога могут оставлять под каждой записью свои комментарии, на которые блогер при желании может отвечать; на комментарии адресатов влияют высказывания блогеров, с которыми данные комментарии непосредственно связаны [Ковтуненко 2018: 11].

3. Л. В. Бабитова отмечает, что блог – это жанр, возникающий в результате смешения различных стилей и жанров, имеющий «гибридный характер в жанрово-стилевой интерпретации» [Бабитова 2013: 205].

4. Е. Г. Новикова – блог как «публичный, общедоступный, открытый, нелинейный, интерактивный, динамичный, полифоничный гипертекст, который создается при участии автора и активных читателей» [Новикова 2005: 6].

5. Ю. Р. Салихова характеризует блог как «веб-сайт, куда вы постоянно добавляете свежие записи» [Салихова 2011: 171].

Блогосферы: блогосферы как «совокупности блогов, социальных сетей и иных ресурсов, рассматриваемых как единое целое» [Егорова 2014: 100].

Политический блог-дискурс:

1. Совокупность речевых произведений, используемых в сфере политической коммуникации в формате блога, передающих политическую и связанную с нею экстралингвистическую информацию.

2. Л. В. Бабитова называет блог-дискурс особым видом виртуального дискурса и отмечает, что в нём «личность коммуниканта и язык, используемый им, приобретают новые характеристики в условиях виртуальной среды» [Бабитова 2019: 85].

Политический блог:

1. Н. Н. Коптяева и А.С. Юферева отмечают, что политический блог «является гибридным жанром, как результат слияния аналитических журналистских жанров и Интернет-жанров» [Коптяева 2017: 9-1].

2. Политический блог – это новая самостоятельная жанровая форма, относящаяся одновременно к «медийному, политическому и Интернет-дискурсу» [Халиуллина 2017: 604].

3. Философы, рассматривая феномен политического блога, квалифицируют его как «элемент российской электронной демократии» [Тиховодова 2017: 22].

4. Политический блог наследует особенности блога: сочетание личного и общественного, стремление к самопрезентации, постоянную обновляемость, обратное хронологическое расположение материала, диалогичность (обсуждение материалов с адресатами) [Дускаева 2004: 3].

5. Политический блог может быть создан отдельным политиком, как правило, яркой личностью или политической партией, кроме того, его адресантом могут стать «общественно-политические движения, эксперты-политологи, журналисты и т. д.» [Чернышов 2012: 100].

Виды текстов политического блога:

Текст-заставка (о себе):

1. Текст-заставку с информацией об авторе блога можно назвать обязательным элементом политического блога. Этот вид текста присутствует и в блогах, ведущихся как отдельные сайты, и в блогах, расположенных на каких-то интернет-платформах.

2. В тексте о себе чаще всего содержится информация об образовании блогера и роде его занятий, его достижениях.

Текст в ленте (пост): «статья в блоге или отдельное сообщение в форуме» [Словарь ИТ].

Адресаты в комментариях: М.С. Халиуллина выявляет такие виды комментариев с точки зрения содержания, как «просьбы, жалобы, кляузы, анонимки и ответная реакция читателей на высказывания других» [Халиуллина 2017: 607].

Жанры текстов политического блога:

Новостное сообщение – собственный вариант текста новости, произошедшей в стране или в мире и уже описанной официальными СМИ.

Аналитический пост наиболее часто встречающийся жанр поста, в нём предлагается авторское видение конкретного события, политической персоналии, сложившейся ситуации.

Оценочное высказывание – разновидность поста-реакции, текст меньшего объёма, ориентированный на оценку кого- или чего-либо, как правило, эмоциональную и личностную.

Аналитический обзор – жанр, который также можно назвать разновидностью поста-реакции, особенность которого в том, что происходит обзор целого ряда каким-либо образом связанных между собой событий, причём связь эта может быть установлена автором блога на основании его собственного субъективного впечатления.

Антропоцентрический подход:

1. Согласно данному подходу человек понимается как фактор, определяющий функционирование языка. Язык существует для человека, является его орудием и отражает личность человека, его менталитет и мировоззрение.

2. И. А. Бодуэн де Куртэне принадлежит утверждение о том, что «язык существует только в душах человеческих», то есть немислим без человека, возникает для него и развивается, обслуживая его нужды [Бодуэн де Куртэне 1963 1: 130].

3. Ю. Д. Апресян заявляет, что в языке существует «образ человека», который необходимо отразить в особом типе словаря [Апресян 1995: 37].

Языковая личность:

1. В современных лингвистических словарях языковая личность определяется как «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования средств данного языка для отражения окружающей действительности (картины мира)» [Азимов 2009: 365].

2. А. В. Замилова, анализируя интернет-блог, отмечает, что «на основе лексико-семантического и грамматического анализа текстов, созданных языковой личностью, возможно создание ее лингвосоциологического портрета» [Замилова 2013: 7].

3. В 1980 г. Г.И. Богин в книге «Современная лингводидактика» отметил, что «центральным понятием лингводидактики является языковая личность - человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки. <...> Языковая личность - тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин 1980: 3]. В этой же работе, рассматривая признаки идеальной ЯЛ, он подчеркивает, что «человек обладает родовой способностью быть языковой личностью, но каждый индивид еще должен стать ею». В докторской диссертации раннее толкование им было дополнено. ЯЛ определяется там как «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1980: 1].

4. Интерес лингвокультурологии к «человеческому фактору в языке» вызвал трактовку ЯЛ как «закрепленного преимущественно в лексической системе базового национально-культурного прототипа носителя определенного естественного языка» [Воркачев 1996: 17].

5. В. И. Карасик: «Языковая личность - обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний,

установок и поведенческих реакций». Синтез задач этих наук и социолингвистики видится в определении «модельной» ЯЛ — «типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик 2001: 99].

Референция:

1. В книге М.А.К. Хэллидея и Р. Хасан референция трактуется как отсылка к чему-то, что помогает интерпретации сказанного [Halliday 1876: 31-288].

2. А. В. Зеленщиков: «ряд пропозиций, репрезентирующих положение дел с объектами, обозначенными в предложении одной и той же именной группой, но принадлежащими разным ментальным пространствам, могут составить 'связный текст, если указанные и идентифицированные объекты в сознании коммуникантов соотнесены друге другом посредством некоторого коннектора— интуитивно вполне очевидного в каждом конкретном случае отношений» [Зеленщиков 2003: 19-20]

3. Н. Д. Арутюнова определяет референцию как «отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [Арутюнова 1990: 411].

4. Е. В. Падучева по этому вопросу замечает, что референция - это соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями. Референция как действие (соотнесение) осуществляется говорящим: это отдельный компонент в составе речевого акта. Референция как результат (соотнесенность) - это отношение в которое вступают языковые выражения в контексте речевого акта [Падучева 2008: 79].

Анафора:

1. Указание на предшествующий элемент текста [Самохвалова 2011: 33].

2. Т. М. Николаева определяет анафору как совокупность текстовых средств отнесения элементов сообщения к ранее сказанному: местоимения, повторы, перифразы, придаточные предложения [Николаева 1979: 10].

3. Анафора может быть рассмотрена как отношение частичной тождественности, которая устанавливается в дискурсе на синтагматической оси между двумя единицами и служит, таким образом, для связи двух высказываний, абзацев и т.п. [Pescheux 2007: 8].

4. Бюлер, анализируя употребление указательных слов, говорит, что при анафоре речь обращена сама на себя, вперед или назад [Бюлер 2000: 114].

Катафора:

1. Указание на последующий элемент [Halliday 1876: 31].

2. С помощью катафоры в тексте формируется отсылка к какому-то последующему элементу, то есть наблюдается что-то вроде анонсирования дальнейшего содержания текста [Федорова 2019: 775].

3. Слово или выражение в тексте (речи), более точное представление о котором можно получить только по мере дальнейшего чтения (слушания) данного текста. Катафора противоположна анафоре [Демидов 2011: 5].

4. Катафора выступает в роли оппозиции по отношению к анафоре и является одним из способов текстообразования, выступая как синтаксическим, так и стилистическим компонентом текста и влияя на категорию связности и организованности речевой и письменной деятельности человека. В отличие от анафоры, катафора представляет собой более сложный, периферийный случай, который довольно редко рассматривается как самостоятельное явление в лингвистической литературе. В том случае, когда смысловой источник линейно следует за анафорой, он выступает в роли постцедента, когда предшествует ему — antecedента. Катафора, как языковое явление среди лингвистов трактуется неоднозначно. Некоторые считают, что анафорическая и катафорическая связь только семантическая отсылка, не имеющая синтаксической связи между элементами речи. Другие учёные полагают, что это особый вид формальной синтаксической связи, третьи предполагают существование ассоциативной катафоры и анафоры, четвёртые считают, что катафоры (как явления) в языке вообще не существует [Алексеева, Ключева 2020: 24-27].

Экзофора:

1. Установление связи с какими-то фактами и объектами, находящимися вне текста [Федорова 2019: 774].

2. С помощью экзофоры устанавливается связь текста с элементами вне текста, находящимися в культурном и информационном поле адресата [Halliday1876: 35].

3. Экзофора – отсылка к «экстратекстуальному пространству дискурса», к информации, находящейся за пределами текста. Этот тип референции «требует общих знаний между говорящим и адресатом» [Федорова 2019: 775].

Субституция:

1. М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан характеризуют субституцию как замену в тексте одного элемента другим [Halliday1976: 226].

2. Субституция - замещение одного другим, обычно сходным по свойствам, по назначению [Толковый словарь Ефремовой 2012].

Эллипсис:

1. М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан трактуют эллипсис как «нечто недосказанное», но при этом «хорошо понятое» [Halliday1976: 226].

2. Эллипсис определяется в лингвистике как пропуск (выкидка) элемента (члена) высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации (в данном речевом или бытовом контексте)» [Словарь лингвистических терминов 2005: 525].

3. Эллипсис - это «пропуск в речи или тексте того или иного члена предложения, компонента высказывания, легко восстанавливаемого из контекста ... или из конкретной речевой ситуации» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 592].

4. К. И. Казенин: «эллипсис, то есть образование синтаксической неполноты, ограничен как курсивно-прагматическими, так и синтаксическими факторами [Казенин 2007: 92].

5. Академик В.В. Виноградов считает, что эллиптические, или «неполные» предложения, являясь самостоятельными структурами, в такой же степени

выполняют коммуникативную функцию (служат средством общения), как и полные предложения. Он пишет, что эллиптические предложения - «это своеобразные типизированные формы предложений разговорной речи, их особые структурные типы, которые вовсе не представляют собой нарушения норм «полных предложений» [Виноградов 1954: 28].

Коннектор:

1. Суть коннекторов в том, что с их помощью устанавливаются разного рода отношения между различными частями текста. Это могут быть отношения противопоставления и причинно-следственные отношения [Кудрявцева 2008].

2. Коннекторы представляют собой структурные средства, которые, обеспечивая связь между собой двух элементов текста [Halliday 1976: 42].

3. Под этим термином У. Энгель подразумевает одновременно отсылочные формы (местоимения в виде анафоры и катафоры - *das, dies*), указательный артикль, местоимения разной семантики, посессивы, местоименные наречия, модальные частицы, т.е. вполне сформировавшиеся разряды сигналов членения текста, другими словами, «текстоорганизаторы» [Engel 1988: 95].

4. Подобный взгляд на лингвистическую сущность коннектора мы находим у О.Ю. Иньковой-Манзотти [Инькова-Маньзоти 2001: 7] на материале русского языка. Автор относит к коннекторам единицы, которые обеспечивают связность текста и одновременно отражают взаимодействие говорящего и слушающего, а также позицию говорящего по отношению к описываемым фактам. На этом основании коннекторы называют «интерактивными» единицами.

Повтор:

1. «имеет один и тот же референт в обоих случаях» [Halliday 1976: 282].

2. В исследованиях Н.Ю. Шведовой и ряда других ученых повтор рассматривается как специфическая черта русской разговорной бытовой речи: «повтор - общенародное явление русской диалогической речи, и нужно сказать, что непринужденный разговор почти всегда включает в себя повторы как конструктивный элемент диалога» [Шведова 1960: 285].

3. Рассматривая диалогический повтор в условиях устного дискурса, С.В. Андреева, А.В. Плотникова выделяют, с одной стороны, дискурсивно-структурирующую роль устного повтора, обеспечивающую «организацию структуры дискурса и ориентацию собеседника в потоке речи» [Плотникова 2006: 264], а с другой стороны, регулятивную роль, отражающую «согласованность речевых стратегий и тактик коммуникантов, их кооперативное речевое поведение (активность и заинтересованность в общении), унисонную тональность диалога, понимание между коммуникантами» [Плотникова 2006: 264].

Коллокация:

1. М.А.К. Хэллидей определяют коллокацию как «устойчивое сочетание слов, состоящее из двух и более компонентов» [Halliday1876: 52].

2. Г. Пальмер: «последовательность двух или более слов, которые должны изучаться как неделимое целое» [цит. по Варламова 2018: 31].

3. М. Бенсон: «комбинации слов, которые неоднократно появляются вместе в определенном языке» [цит. по Варламова 2018: 31].

4. Кьеллмер: «грамматически правильная последовательность слов, которая встречалась более одного раза» [цит. по Мен 2018: 11].

5. Иорданская рассматривает коллокацию как комбинацию двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости, синтаксически и семантически целостную единицу [цит. по Варламова 2018: 31].

6. Коллокация - это сочетание слов, которое попадает в категорию фразеологического единства или фразеологического сочетания в зависимости от угла зрения исследователя [Черноусова 2019: 58].